

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. О. Евтухов

**КАФЕДРА ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО МИРА
И СРЕДНИХ ВЕКОВ
БГУ**

**К 80-ЛЕТИЮ
СОЗДАНИЯ**

**МИНСК
БГУ
2015**

УДК 94(100):378.4(476-25)096(091)

ББК 63.3(0)р311

Е27

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *О. И. Маюгин*;

кандидат исторических наук, доцент *С. П. Шуляк*

Евтухов, И. О.

Е27 Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ.
К 80-летию создания / И. О. Евтухов. — Минск : БГУ, 2015. —
223 с. : ил.

ISBN 978-985-566-128-4.

Книга посвящена истории становления и развития кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ и приурочена к 80-й годовщине ее создания. Основное внимание уделено научно-исследовательской и учебной деятельности сотрудников кафедры: академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, профессоров Ф. М. Нечая, Г. М. Лившица, В. А. Федосика, М. С. Корзуна, К. А. Ревяко и других. В издании представлены не публиковавшиеся ранее исследования академика В. Н. Перцева и доцента Г. И. Довгяло.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и всех, кого интересует история Древнего мира и Средних веков.

УДК 94(100):378.4(476-25)096(091)

ББК 63.3(0)р311

ISBN 978-985-566-128-4

© Евтухов И. О., 2015

© БГУ, 2015

УНИКАЛЬНАЯ КАФЕДРА: слово заведующего

Прошло уже 47 лет с тех пор, как я впервые переступил порог кафедры истории древнего мира и средних веков в главном корпусе БГУ. Впрочем, порога как такового и не было — я просто открыл дверь и оказался на кафедре, с которой с этого момента связал всю свою жизнь. Мне предстояло выбрать тему курсовой работы. Но признаюсь, что этот шаг я сделал не сразу. К тому времени я знал, что кафедру возглавляет убежденный сединами и казавшийся нам, первокурсникам, величественным профессор Федор Макарьевич Нечай. О нем мы еще ранее узнали из студенческой песни истфака о «трех китах» факультета, к которым причислялись профессора Ф. М. Нечай, Н. П. Полетика, Л. С. Абецдарский. В песне от имени незадачливого студента утверждалось, что настоящим студентом может стать только тот, кто благополучно сдаст этим «трем китам» зачеты и экзамены. Из слов песни я, правда, запомнил лишь слова о Л. С. Абецдарском: «И выходят сами, шевеля усами, корифей истфака — АБЦ». Поскольку в наше время профессор Л. С. Абецдарский был уже не с усами, а с бородой, то можно заключить, что эта шуточная песня была сочинена задолго до 1968 года. Как оказалось в реальности, сдавать экзамены «трем китам» было действительно непросто. Н. П. Полетика (никогда не упоминавший в те времена в своих лекциях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина) требовал знания мельчайших деталей («А скажите, сударь, кхе-кхе-кхе, сколько было мануфактур в Пруссии в 1774 году?»). Л. С. Абецдарский требовал строжайшего ответа по его лекциям и сразу выгонял студента, как только тот начинал излагать точку зрения других исследователей либо произносил ходовые тогда штампы типа «Белоруссия была отсталой окраиной царской России». Ф. М. Нечай всегда выслушивал ответы студентов полностью, из-за чего экзамен мог длиться с 9 утра до 9 вечера.

Но это еще предстояло в будущем, а с первых дней занятий (нававшихся 1 октября, ибо с 1 сентября все первокурсники были отправлены «на картошку», что, кстати, отлично способствовало нашему быстрому знакомству между собой) мы уже внимательно слушали лекции доцентов кафедры истории древнего мира и средних веков Г. И. Довгяло по истории Древнего Востока, Р. А. Никольской по истории первобытного общества. Геннадий Иосифович читал лекции без всяких конспектов, не по учебнику (переполненному «фактологией»), пытаясь изложить нам свое понимание важнейших явлений и процессов древневосточной истории. Это теперь я отлично понимаю весь его замысел и идеи, но тогда первокурсникам, знакомым с Древним Востоком лишь по куцым обрывкам школьного учебника для 5-го класса, воспринимать материал его лекций было весьма сложно. На семинарах Г. И. Довгяло от нас требовалось излагать не материал учебников, а, по сути, оценивать взгляды тех или иных советских ученых с опорой на первоисточники. Лекции Р. А. Никольской захватывали не только интереснейшим материалом о возникновении первых человеческих обществ, но и глубокими историографическими обзорами по каждой проблеме с изложением увлекательных дискуссий (мы сами втягивались в них и, бывало, спорили до хрипоты о проблеме неандертальцев, о сущности тотемизма и т. д.). Студенты писали незапланированные рефераты, трактаты, даже шуточные.

А в начале второго семестра начал читать лекции и сам Ф. М. Нечай. Он никогда не пользовался конспектами, перед лекцией в аудитории на возвышении для него ставилось кресло с подлокотниками, в которое профессор опускался и начинал занятие. Вставал он с кресла лишь для того, чтобы записать на доске латинские термины или фразы (требуя от нас подробно их разбирать и переводить, исходя из знаний, полученных на занятиях по латинскому языку), даты, имена. Иногда Ф. М. Нечай закрывал глаза, но ни тембр, ни сила его голоса при этом не изменялись. Материал его лекций многих поражал — он не сводил историю античных обществ к борьбе рабов с рабовладельцами, а главной линией выступали демос — аристократия, плебеи — патриции. То есть совсем не то, что нам вдалбливалось школьными и вузовскими учебниками. А первое же семинарское занятие Ф. М. Нечая и вовсе потрясло. Староста заранее принес большое количество хрестоматий с текстом «Илиады», и началось чтение вслух описания щита Ахилла с одновременным внимательным чтением «глазами».

Отрывок был прочтен, и последовали вопросы, на которые никто не смог дать ответа — ну, не было на них ответов в тексте! А оказалось — есть! Снова читали текст по частям, и наводящими вопросами профессор обучал, как вычислить количество работников на поле, размер посевной площади, как определить культуры, которыми засевалось поле, социальную принадлежность участников пахоты и многое другое. Это был самый поразительный и впечатляющий урок работы с текстом первоисточника. Для меня это стало первым уроком ремесла исследователя-историка, именно тогда мы поняли, что такое труд настоящего историка. И еще то, что осталось на всю жизнь. Ф. М. Нечай учил всех своих студентов не принимать на веру никаких чужих мнений, получать результаты самому по материалам источников и вступать в спор с любым научным авторитетом. И это наши студенты-первокурсники делали, отправляя письма в Москву известным ученым со своими доказательствами их неправоты по той или иной проблеме. Скажите, кто бы мог теперь сделать такое?

С первых же дней учебы мы приступили и к изучению латинского языка, который учили в течение трех семестров. Тогда все латинисты были сотрудниками кафедры истории древнего мира и средних веков. И надо сказать, что они были не просто филологами, а и прекрасными специалистами по античной истории. Б. А. Мельцер, например, помимо курса латыни преподавал тогда и курс римского права на юридическом факультете. Легенды ходили о С. И. Пильмане. Говорили, что он был «моржом» и мог зимой, сняв пиджак, открыть окно. Нам он казался человеком загадочным, молчаливым, «монументальным», «оживавшим» только на занятиях. В нашей же группе занятия по латыни вела Н. А. Гончарова, и честно скажу, что многие студенты из других групп завидовали нам из-за того, что именно нам достался такой преподаватель. Нинель Афиногеновна была (и есть) чрезвычайно душевным, доброжелательным и отзывчивым человеком и преподавателем. Она никогда не бранила студентов, а всячески поощряла даже малейшие успехи тех, кому латынь давалась с трудом. Мы не зубрили латынь, задания предлагались в такой увлекательной форме, что просто самому было интересно их выполнить. И в немалой степени потому, что задания по языку Н. А. Гончарова связывала с тем материалом, который мы изучали по истории античности, а затем и средневековья. Лично для меня эти занятия латинским языком еще более укрепили интерес к древнеримской истории.

Разумеется, мы слушали и другие курсы. Интересными были, например, лекции по истории КПСС А. М. Малашко, который старался читать курс не по шаблону, давал интересный материал, которого не было в программе. Многие на первом курсе при выборе тематики курсовой пошли на кафедру истории КПСС с прицелом на будущую специализацию. А в те времена это давало серьезный шанс для партийно-государственной (т. е. чиновничьей) карьеры. Поначалу и я поддался на доводы ряда однокурсников — ведь, получив золотую медаль после школы, захотел поступать в МГИМО, да (к счастью) не знал, как получить рекомендацию райкома комсомола в течение оставшейся недели. На кафедре истории КПСС мне дали тему по руководству компартией деятельностью профсоюзов в годы семилетки. Я бегло просмотрел литературу и пришел в замешательство. Как и что здесь можно исследовать?! Где мнения исследователей, научные дискуссии, что здесь за источники?! Очень хорошо помню чувство прямо физической тошноты, охватившей меня тогда. С авантюрой было покончено навсегда, и я пришел туда, куда было предначертано судьбой, интересом и совестью.

Итак, мой первый исследовательский шаг на кафедре — выбор темы курсовой и будущей дипломной работы. Из предложенной тематики (еще свободной) я выбрал работу о происхождении христианских таинств. Звучало загадочно, по литературе намечался явный контекст «мифологической школы» (ею тогда увлекался Ф. М. Нечай), а из необходимой литературы многое имелось в домашней библиотеке моего отца, известного фольклориста. Научным руководителем стал, естественно, Ф. М. Нечай. Сейчас, конечно, с иронией и большим скепсисом оцениваю свой первый опыт, но тогда материалы этой курсовой были изданы в Бресте (родная область) как «материал в помощь лектору». Кстати, в тот год, когда я трудился в качестве комиссара студенческого реставрационного отряда в Брестской крепости вместе с одной очень красивой и обаятельной девушкой, ставшей вскоре моей женой. Курсовые по таинствам я писал и на 3-м, и на 4-м курсе, они как главы вошли в дипломную работу, рецензентом которой был тогда еще совсем молодой К. А. Ревяко.

А на втором курсе, в соответствии с учебным планом, следовало писать курсовую работу по истории средних веков. Этот курс вела у нас Нина Антоновна Гусакова. Она была чрезвычайно интеллигентным человеком. Поражала ее увлеченность средневековой культурой, особенно культурой Возрождения. Нам раздали список из не-

скольких десятков произведений писателей-гуманистов (Боккаччо, Петрарка, Данте, Рабле, Монтень, Макиавелли и др.), которые мы были обязаны прочитать и изучить. И эти книги прочитали все мои однокурсники. Сейчас понимаю, какую огромную роль сыграло это не только в нашем образовании, но и в воспитании, в становлении интеллигентности. Курсовую я выбрал по Реформации в Англии. Писал с увлечением, используя английские источники и литературу. На зачете, который принимали Н. А. Гусакова и Л. П. Сушкевич, ведшая тогда у нас семинарские занятия, мне достался вопрос по истории скандинавских стран времен Кальмарской унии. Обычно на нем «срезались», но мне эта проблема почему-то показалась интересной и я ее изучил подробно. Вот тогда мне последовало предложение заняться проблемами истории средневековья. Но я уже не мог оставить проблематику раннего христианства, ведь разгорался ряд интересных дискуссий и впереди ожидалось много увлекательного. Тем более что к тому времени я уже многое узнал еще об одном корифее кафедры — Гилере Марковиче Лившице.

Профессор Г. М. Лившиц был очень скромным человеком. Его скромность казалась явно не соответствующей той научной славе, которую ему принесли к тому времени его монографии, особенно по кумранским рукописям. Лекции его были неповторимыми. В аудиторию буквально влетал веселый озорной лектор, сразу же интересовавшийся настроением студентов курса в целом и персонально некоторых из присутствующих и даже отсутствующих. Память на лица у Г. М. Лившица была поразительной. До сих пор не могу понять, как он запоминал лица и имена студентов, учившихся у него много лет назад. Далее начиналась диктовка текста по коротким конспектам. Тогда это представлялось чем-то легким, но только до первого знакомства с текстом тяжеловесного учебника, бессистемно напичканного фактами (в основном по экономике), из которого невозможно было составить представление о логике развития ни одной из изучаемых стран. Профессор Г. М. Лившиц давал в лекциях именно канву этой исторической логики, и, как оказалось, это осталось в памяти даже тех моих однокурсников, которые никогда более не обращались к средневековой истории стран Азии и Африки. Позднее на своем спецкурсе по специализации кафедры Г. М. Лившиц обращался с нами как с коллегами, посвящал в свою работу с текстами первоисточников, а мы слушали его не только с интересом, но и с некоторой гордостью за полученные знания, недоступные для «непосвященных». Именно благодаря профессорам

Ф. М. Нечаю и Г. М. Лившицу я выбрал тему своей кандидатской диссертации по раннему христианству.

Этому предшествовало поступление в аспирантуру (экзаменаторами по специальности были как раз Ф. М. Нечай и Г. М. Лившиц). Три года пролетели быстро в работе в библиотеках разных городов и над книгами из разных стран, которые в то время (несмотря на «железный занавес») довольно быстро поступали по международному библиотечному абонементу. Будучи в аспирантуре, я уже присутствовал на заседаниях кафедры. Разумеется, смог лучше познакомиться со своими учителями и коллегами. С основательным и не терпящим суеты М. С. Корзуном (доказавшим мне важность изучения древнегреческого языка), эмоциональным К. А. Ревяко, веселым и жизнерадостным Р. А. Смольским, полностью углубленным в науку Ю. Е. Ивониным (прибывшим по распределению из Ленинградского университета), оказавшимся коллегой-аспирантом после преподавательской работы Н. И. Милицким — человеком отзывчивым и необыкновенно трудолюбивым. Диссертация была готова вовремя, но совет по защите исчерпал срок своих полномочий, и защищаться мне пришлось почти через год после рекомендации кафедрой диссертации к защите. Забавная сложилась ситуация с поиском оппонентов. Подбирали их Ф. М. Нечай и Г. М. Лившиц. Но как только они называли кандидатуру, я объяснял, что мнение вот этого исследователя я раскритиковал, а этот и вовсе в важнейшей цитате из источника пропустил целую строку из греческого оригинала и т. д. Ф. М. Нечай воспринимал это спокойно (я-то ведь делал, как он и учил нас). Но Гилер Маркович не выдержал: «Слушай, ты сначала защити кандидатскую, а потом докторскую, вот тогда и критикуй всех, кого хочешь. Диссертация — это квалификационная работа, это доказательство твоей квалификации». Из этого я сделал важные выводы для себя. Но защита не обошлась без «грома и молний». Оппонентами были А. С. Шофман из Казани и М. М. Кубланов из Ленинграда (в те времена впавший в опалу из-за своих взглядов на историчность Иисуса). Как я на защите ни обходил эту проблему (она не входила в задачи диссертации), Г. М. Лившиц и М. М. Кубланов все же сошлись в яростной дискуссии, повергнувшей в изумление членов совета. Правда, все обошлось удивительно удачно, открытку из ВАК я получил всего через три месяца после защиты. И, что интересно, сразу после защиты Г. М. Лившиц и М. М. Кубланов вели себя как лучшие друзья, объясняя, что они действительно друзья, но истина дороже для каждого из них.

Последующие семь лет я провел в Минском институте культуры на беспокойной, но очень веселой и задорной кафедре истории СССР, БССР и зарубежных стран под руководством талантливого и известного ученого А. П. Грицкевича. Античную и средневековую историю я преподавал только один год, а затем ее убрали из учебных планов. А. П. Грицкевич, обладавший тонким чувством юмора, шутил, что теперь у нас кафедра «истории СССР, БССР и некоторых зарубежных стран». Я, конечно, был опечален, но меня утешил Г. М. Лившиц. Он рассказал, что в молодости перечитал все курсы по истории (кроме КПСС), зато это дало понимание всего исторического процесса, что является большим плюсом для настоящего историка. И ныне я убедился, что он был прав. Однако и связи с родной кафедрой я не терял: рецензировал дипломные работы, вел семинары по истории средних веков как почасовик. За эти годы оставил работу Ф. М. Нечай, перешли на филологическую кафедру наши латинисты, внезапно скончался после недолгого заведования кафедрой профессор Д. С. Климовский (перешел с кафедры Новой и Новейшей истории). Заведующей кафедрой стала Н. А. Гусакова.

Тогда кафедру постигли еще две беды: скончались Г. М. Лившиц и Р. А. Смольский. Это было страшно и неожиданно. Ревальд Андреевич умер совсем молодым после несложной операции, а Гилер Маркович, несмотря на довольно зрелый возраст, был полон сил и новых научных планов. Г. М. Лившиц как-то говорил мне, что поставил целью опубликовать 25 монографий. Он ее перевыполнил, неутомимый труженик и талантливый исследователь, дважды доктор (истории и философии, а таких было еще всего двое в СССР) совершил настоящий подвиг ученого. И для нас особенно важно, что Г. М. Лившиц был белорусским ученым, профессором Белорусского государственного университета. Именно Г. М. Лившицу я обязан выбором темы своей докторской диссертации. Предельно откровенно он точно предсказал, что скоро первоначальным христианством начнут заниматься многие, а вот период III—IV вв., период гонений на христиан в Римской империи, до сих пор остается неисследованным советскими историками.

В 1983 г. я вернулся доцентом на родную кафедру. И хотя сразу же был загружен общественной работой (председатель совета кураторов, затем заместитель декана по научной работе и одновременно заместитель секретаря партбюро по оргработе), мне это было не в тягость, ведь началось время перестройки. Это было

время обновления, особенно в гуманитарных науках, важнейших для человеческого общества. Отсиживаться в стороне не представлялось возможным. Возрос интерес к историческим наукам, в том числе и к античной и средневековой истории. Легче стало издавать работы по тематике кафедры. А ведь еще за несколько лет до перестройки К. А. Ревяко после неудачных попыток издать свою уникальную монографию по Пуническим войнам с горечью говорил мне: «Как услышат, что книга по древности, — все, дальше не разговаривают». И вот удалось издать и книгу К. А. Ревяко, и несколько моих книг, обсужденных в МГУ на кафедре истории древнего мира, которой заведовал профессор В. И. Кузищин, один из известнейших советских антиковедов. В общем, намечалась защита моей докторской диссертации. Н. А. Гусакова, ссылаясь на положение о том, что кандидат наук может заведовать кафедрой лишь один срок, довольно неожиданно предложила возглавить кафедру мне. Так сложилось, что докторов наук на кафедре в то время не было. Ю. Е. Ивонин, защитивший незадолго перед этим докторскую диссертацию, покинул Минск и переехал за пределы Беларуси. Я, конечно, отказывался, ибо считал, что на кафедре есть люди более достойные, среди которых большинство были моими учителями. Как же я буду ими руководить? Но Нина Антоновна убеждала меня, буквально располагая аргументы по пунктам. И я решил рискнуть. Однако в годы перестройки такие вопросы решались совсем не кулуарно, а путем демократических выборов от кафедры до Совета БГУ. Нас оказалось три конкурента: М. С. Корзун, я и совершенно неожиданно А. П. Грицкевич. На всех трех этапах голосования мне удалось набрать большинство голосов. Причем на Совете БГУ против моей кандидатуры выступил партком (равно как и против А. П. Салькова, баллотировавшегося также в конкурентной борьбе на должность заведующего кафедрой истории СССР советского периода). Аргумент был один — слишком молоды (обоим нет и сорока лет) и не имеют достаточного опыта руководящей работы. Но секретарь парткома получил отпор от заместителя декана факультета П. А. Шупляка («не те времена, чтобы партком диктовал, как расставлять преподавательские кадры»), и голоса большинства Совета были отданы нам. Хочу отметить, что конкурентная борьба велась открыто и честно, с А. П. Грицкевичем и М. С. Корзуном у меня сохранились и остаются самые теплые, дружеские отношения. Они мои наставники, и уже это ко многому обязывает.

Вот так уже в далеком 1988 г. я стал заведующим кафедрой. Мне было всего 37 лет. С одной стороны, и А. С. Пушкин не прожил больше, но для ученого-историка этого времени для серьезных свершений маловато. Приходилось доказывать трудом. Нередко не спал по двое суток (однажды даже трое), сидя над рукописями книг. Впрочем, время пролетает незаметно, когда увлечен действительно интересной работой (да и силы были). Докторская диссертация была защищена в 1992 г. Оппонентами на защите выступали профессора В. И. Горемыкина (из Минского государственного педагогического института, как член совета), а также В. И. Кузищин и И. С. Свенцицкая из Москвы, которых я считаю своими научными наставниками.

Сразу после избрания меня заведующим на небольшом банкете по этому случаю (времена-то были «сухого закона») я объявил, что считаю целью своего заведования защиту каждым сотрудником кафедры докторской диссертации. И следуя этому (может быть, и несколько наивному) заявлению до сих пор. По крайней мере, в самом начале 2000-х гг. на кафедре из 10 сотрудников 5 были докторами наук (И. О. Евтухов, М. С. Корзун, К. А. Ревяко, В. В. Чепко и я). Все они, кроме В. В. Чепко, воспитанники нашей кафедры. То есть они сформировались как исследователи на той кафедре, куда пришли еще студентами. Нас стали называть «профессорской кафедрой». И, честно говоря, мы этим гордимся. Конечно, моя заслуга в этом невелика, наши профессора — все талантливые ученые и высококвалифицированные исследователи в совершенно разных областях антиковедения и медиевистики. Их труды широко известны и ценятся специалистами. Именно научные труды, а не только диссертации. Скорее всего, мне просто удалось показать пример того, что казавшиеся тяжело преодолимыми процедуры защиты на самом деле вовсе не так страшны. Тем более что мой ученик И. О. Евтухов защитил докторскую в еще более раннем возрасте. А два таких примера, согласитесь, стимулируют и остальных.

К сожалению, время бывает безжалостным и к самым талантливым. Внезапно тяжело заболел и преждевременно ушел из жизни Г. И. Довгяло. Он так и не успел защитить докторскую диссертацию. Но диссертация — это всего лишь формальное признание высокой квалификации. А Геннадий Иосифович еще во времена СССР был ученым-хеттологом с мировым именем. Именно ему приходили тогда письма из разных стран мира с приглашениями на конференции, присылались зарубежные публикации хеттологов, да и его

труды издавались в тех странах, куда мы в те времена и не мечтали попасть. Уникальнейший специалист по древневосточной истории и древневосточным языкам, он подготовил талантливого ученика — О. В. Перзашкевича, который занял место своего учителя. Олег Валерьевич также стал ученым с мировым именем, но не хеттологом, а санскритологом и специалистом по индуизму. Его труды знают во многих странах мира. Времена изменились, и в отличие от своего учителя О. В. Перзашкевич выступает с докладами на научных конференциях во многих странах мира (США, Индии, Индонезии, Тринидаде и Тобаго и т. д.). У него уже есть ученики, работающие не только с текстами на санскрите, но и на аккадском, средневековом японском и других языках. Одного из них несколько лет назад прямо из нашей аспирантуры пригласили в Гейдельбергский университет преподавать аккадский язык и писать диссертацию. Олег Валерьевич — душа нашего кафедрального научного студенческого кружка, действующего уже несколько десятилетий.

Ушли преждевременно из жизни Н. А. Гусакова и Л. П. Сушкевич. Они многое сделали не только для наших научных исследований и их популяризации (взять хотя бы сборники «И живы памятью столетий», «Женщины-легенды»), но только для подготовки студентов и аспирантов по кафедре, но и для создания на ней благожелательной, дружественной обстановки. Они никогда не позволяли вспыхнуть каким-либо конфликтам, с добротой и участием относились ко всем, помогали разрешать жизненные проблемы. Людмилу Петровну даже студенты титуловали «душой факультета». Их уход был для нас всех невосполнимой потерей. Но созданную ими атмосферу добра и благожелательности на кафедре мы стремимся сохранять. Своей по доброте к людям и по специальности была для нас и профессор В. В. Чепко, занимавшаяся до того долгое время историей Беларуси. У нас она стала специалистом по Возрождению. Человек, переживший блокаду Ленинграда, она очень чутко относилась к людям.

Ученицей Н. А. Гусаковой является доцент кафедры Е. Д. Смирнова. Это глубоко эрудированный ученый-медиевист, настоящий интеллигент. Елена Дмитриевна опубликовала много работ по средневековой повседневности, в том числе и за рубежом. Ее исследования — в русле актуальнейших проблем современной медиевистики. Она (как и О. В. Перзашкевич) давно готова к защите докторской диссертации. Единственное, что сдерживает, — готов ли наш ВАК к пониманию актуальных проблем мировых медиевистики и ори-

енталистики. Или, как прежде, сочтут средневековую повседневность и древневосточные религиозные тексты неактуальными для развития экономики и общества? Елена Дмитриевна — талантливый организатор студенческой науки — создала и руководила на общественных началах несколькими студенческими научно-исследовательскими лабораториями.

Исключительным трудолюбием и глубоким интеллектом отличается наш самый молодой профессор И. О. Евтухов. Он специализируется как в медиевистике, так и в антиковедении. Наиболее успешно разрабатывает проблемы средневековой и позднеантичной ментальности. Много внимания уделяет подготовке вузовских и школьных учебников и учебных пособий. Став заботливым отцом троих детей, Игорь Орестович проявил настоящий писательский талант при подготовке пособий для школьников. Следует заметить, что он всегда отличался краткостью стиля, однако эта краткость скрывает в себе невероятно большое количество информации.

С самого начала преподавательской деятельности И. О. Евтухов ввел на читаемых курсах модульно-рейтинговую систему для студентов. Это было задолго до соответствующих кампаний. Так что справедливость его оценок никогда не вызывала нареканий студентов. И. О. Евтуховым подготовлены уже три кандидата наук.

Профессор М. С. Корзун остается на кафедре ведущим специалистом по истории Древней Греции, а также истории Русской православной церкви. Он — горячий энтузиаст изучения студентами и аспирантами древнегреческого языка. Причем сам много лет вне расписания вел занятия по древнегреческому языку, стал организатором факультативов по его изучению. Им подготовлен кандидат наук по редчайшей проблеме — древнегреческой полиоркетике. Соответствующую диссертацию защитил его ученик С. С. Александрович.

Доцент О. И. Ханкевич — известный исследователь истории Римской республики, а в последние годы и римского права. Глубоким анализом социальных и политических проблем как античности, так и Древнего Востока отличается ее монография «Древние цивилизации». Ольга Ивановна успешно занимается и исследованием античного полиса. Занятия и консультации со студентами она проводит увлекательно, строго научный стиль сочетается с доступностью изложения самого сложного материала для слушателей. Ею подготовлен талантливый ученик — доцент А. В. Козленко, ав-

тор уже нескольких книг, из которых наиболее известна «Военная история античности».

Дважды заместителем (декана и заведующего кафедрой) трудится доцент А. А. Прохоров. Мне он хорошо запомнился еще студентом группы нашей специализации. Оптимист, с великолепным чувством юмора, он уже тогда писал сценарии для студенческих постановок (где и сам был одним из исполнителей), а затем для наших команд КВН. Но все же выбрал науку. Его руководителем был Г. И. Довгяло. Андрея Аркадьевича, в отличие от других учеников нашего знаменитого ориенталиста, увлекла индоевропейская и особенно восточнославянская мифология. Он автор интересной монографии «Князь Тур: история легенды», созданной в русле основных направлений его исследований. Подготовил много статей для энциклопедического издания по белорусской мифологии. Вместе со своим учителем и О. В. Перзашкевичем стал автором первого белорусского учебного пособия для вузов по истории Древнего Востока. Очень много сил он отдает созданию вузовских и школьных учебников по истории Древнего мира и Средних веков. И это несмотря на огромную организаторскую работу, где проявил себя весьма успешно. Впрочем, как и в сфере международных научных связей кафедры. Вернулся на кафедру после нескольких лет работы в БГПУ (в том числе и заместителем декана исторического факультета) воспитанник нашей кафедры доцент О. И. Малюгин. И сразу же активно включился в научную работу, где специализируется в исследовании античной и средневековой Британии и Англии. Как имеющий немалый опыт, он отвечает за учебно-методическую работу кафедры. Пишет докторскую диссертацию, защита которой не за горами.

Органично влилась в коллектив кафедры Н. В. Кошелева, после нашей специализации успешно закончившая аспирантуру по кафедре Новой и Новейшей истории. Специалист по исламу, она ведет увлекающие студентов спецкурсы, общий курс по истории религий. Активно участвует в международных научных конференциях, несколько лет возглавляла Совет молодых ученых факультета.

Таким же молодым доцентом является и А. А. Торканевский, чья кандидатская диссертация по раннему христианству в Риме была признана ВАК лучшей диссертацией 2012 г. в области гуманитарных наук. Он активно внедряет новейшие технические средства в учебный процесс. Сам снимал фильмы по римскому Колизею, Венеции.

По сути дела, создает фото- и видеолетопись кафедры. Андрей Ана-
тольевич ведет курсы, которые ранее вел профессор К. А. Ревяко.

Летом 2013 г. мы понесли горькую утрату — Казимир Адамо-
вич скончался после длительной болезни. Вместе с родственника-
ми мы похоронили его в родном Ляховичском районе в селе, где он
закончил среднюю школу, давшую ему путевку в жизнь. К. А. Ревя-
ко был исключительно работоспособным ученым и преподавателем
и необыкновенно скромным человеком. С ним мы подготовили не-
мало совместных книг и статей. В том числе первое и единственное
в СССР издание «Иудейской войны» Иосифа Флавия, ценнейше-
го источника по истории первоначального христианства. Приятно
было получать после выхода книги в свет письма читателей из раз-
ных стран мира. Казимир Адамович активно внедрял белорусский
язык обучения на факультете. Помимо ставших классикой моно-
графий по Пуническим войнам, он создал уникальные книги по бе-
лорусской историографии античности. А ведь его путь в науку был
непрост. Он работал учителем в д. Синкевичи Лунинецкого райо-
на всего лишь пару лет спустя после того, как семья директора этой
школы (а им был мой отец) переехала в райцентр, а затем и в Минск.
Несколько лет Казимир Адамович преодолевал десятки километров
на поезде, добираясь до техникума, где преподавал.

А на пике научных свершений его подстерегла безжалостная бо-
лезнь. Светлая ему память!

Светлая память и Р. А. Никольской, скончавшейся несколько лет
назад в возрасте ровно 100 лет в США. До последних дней она сохра-
няла острый ум и оптимизм.

Кафедра — это сплоченный коллектив единомышленников. Уни-
кальность нашей кафедры не только в том, что она — единствен-
ная кафедра такого профиля в Республике Беларусь, только у нас
ведутся научные исследования по древней и средневековой ориен-
талистике, антиковедению и медиевистике, но и в том, что в одном
коллективе трудятся ученые с разными научными специализация-
ми. И эти разные научные интересы отнюдь не разделяют коллек-
тив, а, наоборот, сплачивают, демонстрируя, насколько важен для
отечественной исторической науки каждый уникальный специа-
лист, подготовленный кафедрой. Нельзя не сказать и теплых слов
о лаборантах кафедры — заботливых хранителях нашего «гнез-
да», создающих уют и ощущение родного дома. Много лет работа-
ла на кафедре Лидия Петровна Дорская — еще с тех пор, когда я
был студентом и когда я уже был заведующим кафедрой. Ее сме-
нила Валентина Константиновна Писарева. Трудились на кафедре

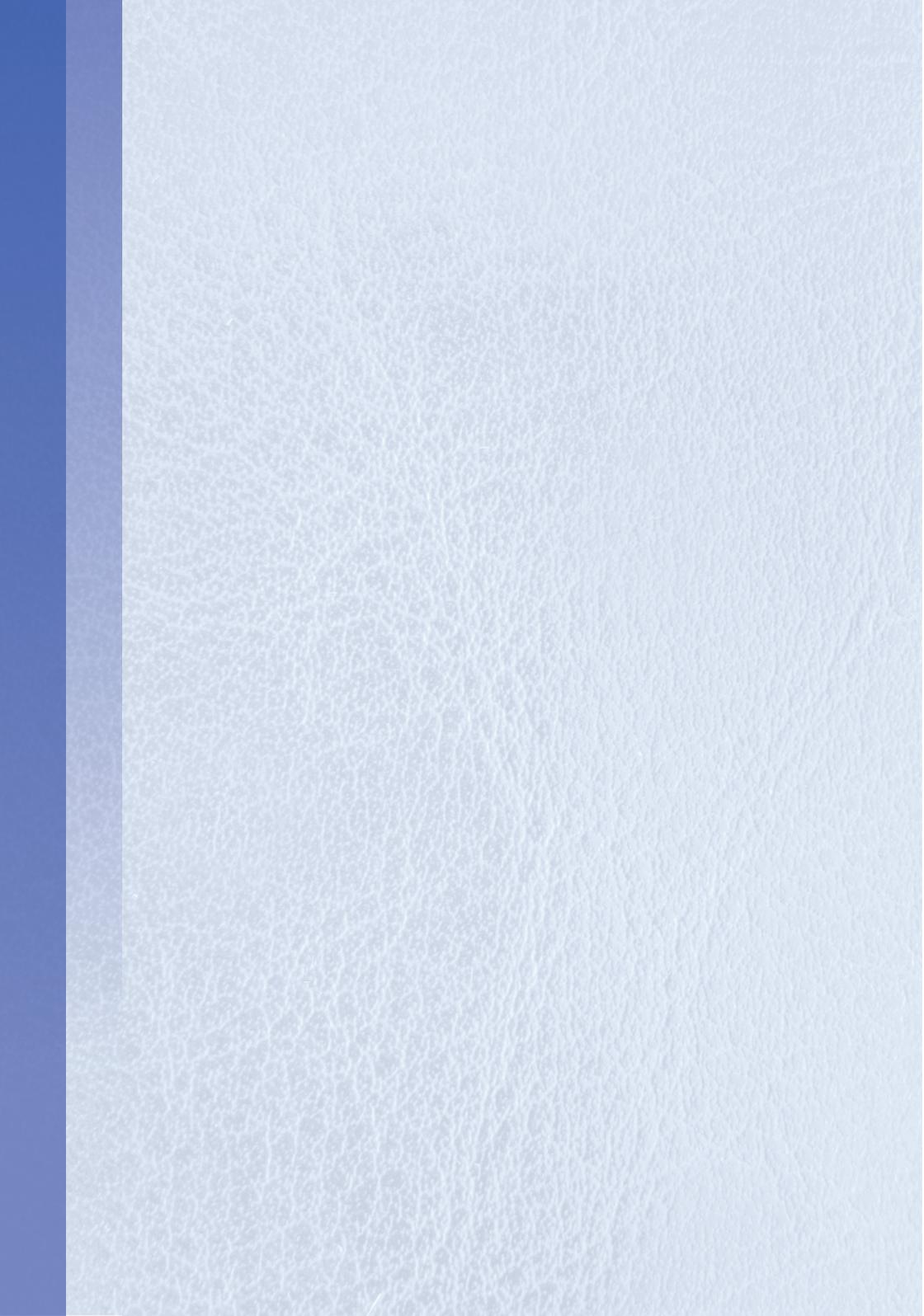
Е. В. Акелан, И. В. Лебедева. А ныне — уже в течение многих лет — Светлана Ивановна Коливерда. Все они не просто квалифицированные секретари и методисты, но и специалисты в наших дисциплинах и направлениях исследований. Им не нужно объяснять специфику терминологии, значение исследуемых проблем, задачи учебных дисциплин. Они помогут всегда, когда нужно, заботы преподавателей воспринимают как свои.

Время имеет свойство бежать только вперед. Годы идут, кто-то уходит, на смену ему приходят другие. Самое главное, что для всех наших сотрудников именно кафедра — родной дом от студенческой скамьи до вершин научных и педагогических свершений.

В. А. Фегосик, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира
и средних веков исторического факультета БГУ

**ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ
КАФЕДРЫ**

КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

*Ad unitatem...*¹

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» 1934 г. в стране начали создаваться исторические факультеты: сначала в МГУ и ЛГУ, а затем и в других университетах и педагогических институтах. В качестве основных структурных элементов факультетов были определены кафедры. Исторический факультет БГУ был создан в том же году. Первоначально планировалось формирование трех кафедр: истории СССР и БССР, древнего мира, средних веков. Во главе двух последних должны были встать академик Н. М. Никольский и профессор В. Н. Перцев соответственно. Основные рабочие места обоих в то время находились вне университета: в Академии наук БССР (Н. М. Никольский) и в Минском государственном педагогическом институте (МГПИ) (В. Н. Перцев), что несколько затрудняло реализацию плана. В результате 1934/35 учебный год вновь созданный факультет встретил с одной кафедрой общей истории, которую возглавил декан — академик В. К. Щербаков. Николая Михайловича и Владимира Николаевича пригласили для чтения лекций.

Только в начале 1936/37 учебного года была сформирована кафедра истории средних веков и древней истории во главе с академиком Н. М. Никольским. Просуществовала она недолго. Уже 1939/40 учебный год факультет начал с двумя отдельными кафедрами: истории древнего мира и истории средних веков.

Данное разделение носило технический характер и не влияло на главное. Руководство кафедрами взяли на себя их отцы-основатели, ученые равного научного масштаба: Н. М. Никольский

¹К единству... (лат.)

Выпуск исторического факультета 1939 г.

Выпуск исторического факультета 1952 г.

и В. Н. Перцев, хорошо знавшие друг друга еще до Октябрьской революции и стоявшие у истоков БГУ.

Система из двух кафедр просуществовала до начала Великой Отечественной войны, была восстановлена после возобновления в 1943 г. работы БГУ на подмосковной станции Сходня и сохранялась вплоть до 1947 г. Кафедрой истории средних веков все это время бесменно руководил академик АН БССР (с 1940 г.) В. Н. Перцев, кафедрой истории древнего мира — академик АН БССР и член-корреспондент АН СССР (с 1946 г.) Н. М. Никольский, за исключением краткого периода осени 1943 — весны 1944 г., когда кафедрой руководил его ученик доцент В. И. Шевченко.

В 1947 г. кафедры истории средних веков и Новой истории были объединены в кафедру всеобщей истории во главе с В. Н. Перцевым. В ее состав от кафедры истории средних веков помимо заведующего вошел доцент Г. М. Лившиц. От кафедры Новой истории — доценты Л. М. Шнеерсон и С. М. Ханутин, преподаватель Г. М. Трухнов. В августе 1948 г. в это объединение была включена кафедра истории древнего мира. В результате была создана привычная для исторических факультетов многих университетов и педагогических институтов кафедра, обеспечивавшая учебную нагрузку по истории стран и народов Европы, Азии и Америки от древних времен до современности.

Однако Н. М. Никольский уже к октябрю того же 1948 г. сумел восстановить кафедру истории древнего мира в прежних правах,

В. Н. Перцев, Н. М. Никольский, Л. М. Шнеерсон
на госэкзамене. 1940 г.

что ставило под вопрос целесообразность существования кафедры всеобщей истории в урезанном виде. В 1949 г. она была разделена на две: кафедру истории средних веков и кафедру истории Нового времени.

Система двух близких кафедр, древнего мира и средних веков, основанная на тесном научном и научно-педагогическом сотрудничестве их заведующих, была восстановлена.

Одновременно началась подготовка к неизбежной смене поколений. В 1950 г. доцент кафедры истории средних веков Г. М. Лившиц покинул должность заведующего кафедрой всеобщей истории МГПИ для того, чтобы сконцентрироваться на работе в БГУ. В 1953 г. академик Н. М. Никольский по болезни отошел от активной научно-педагогической деятельности. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира стал доцент Ф. М. Нечай.

К сентябрю 1955 г. после почти 20-летнего перерыва была восстановлена объединенная кафедра истории древнего мира и средних веков. На этот раз во главе с академиком АН БССР В. Н. Перцевым. Период раздельного существования кафедр древности и средневековья на историческом факультете БГУ завершился.

После смерти Владимира Николаевича летом 1960 г. объединенная кафедра перешла в надежные руки второго поколения отцов-основателей, Ф. М. Нечая и Г. М. Лившица.

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ **(1877—1959)**

Николай Михайлович Никольский [12] родился 13 ноября 1877 г. в семье видного российского востоковеда, приват-доцента Московского университета Михаила Васильевича Никольского, преподававшего иврит и ассириологию.

В 1896 г. Никольский-младший с золотой медалью окончил 6-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Будучи студентом, он проявлял особый интерес к истории Древнего Востока, преимущественно к истории Израиля и Иудеи.

Достижения в избранном направлении научной деятельности последовали очень быстро. В 1900 г. Николай Никольский успешно завершил обучение. Его оставили в стенах университета для подготовки к званию профессора. В 1901 г. была опубликована его дипломная работа «Иудея при Маккавеях и Асмонеях».

Однако столь блестящие научные перспективы разбились о суровую бытовую реальность. Семья попала в сложные финансовые условия, и Николай Михайлович приступил к преподавательской практике в восьмилетней гимназии О. Ф. Протопоповой для молодых девушек, где большое внимание уделялось изучению древних языков и гуманитарных предметов.

Огромное влияние на молодого историка и преподавателя оказала революция 1905 г. Народные выступления против самодержавия, знакомство с М. Н. Покровским и И. И. Скворцовым-Степановым подтолкнули его к участию в политической борьбе.

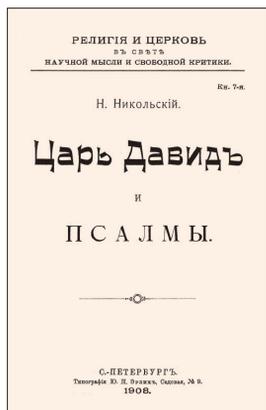
Формы участия были нерадикальные: на нелегальное положение он не переходил и профессиональным революционером не стал. Николай Михайлович оказывал посильную и эффективную помощь социал-демократам: предоставлял свою квартиру для заседаний московского комитета партии, под псевдонимом З. Антонов публиковался в газетах «Борьба» и «Светоч», принимал активное участие в лекторской группе МК РСДРП.

Несмотря на множество разных дел, Николай Михайлович продолжал изучение истории Древнего Востока. Итогами своих изысканий он делился с научной общественностью в рамках выступлений в Археологическом обществе и исторической комиссии Педагогического общества.

Он объединил вокруг себя группу переводчиков (в числе которых был и В. Н. Перцев) для издания серии книг «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики», в которую вошли произведения крупных немецких ученых: В. Вреде, А. Гарнака, Ю. Велльгаузена, А. Юлихера, Р. Кнопфа, Г. Гольмана, О. П. Пфлейдерера, М. Брикнера, Д. Д. Штрауса. Седьмым выпуском серии стала книга самого Никольского «Царь Давид и Псалмы», в которой аргументированно доказано, что к дополненному периоду могут быть отнесены только несколько псалмов: 18, 20, 21, 29, 45, 48, 60 и, возможно, 46 [11, с. 42–45].

Гимназист
Н. М. Никольский.
1890-е гг.

Обложка первой научной книги Н. М. Никольского

Студент Московского университета
Н. М. Никольский. 1900-е гг.

Н. М. Никольский со своим отцом
М. В. Никольским. 1900-е гг.

Завершая проделанный анализ библейской книги Псалтирь, исследователь приходит к неутешительному для богословов выводу: «Мы видим, что книга псалмов есть собрание чрезвычайно разнообразных поэтических произведений, создававшихся на протяжении более пяти веков; авторами псалмов были не те несколько лиц, имена которых стоят теперь в начале большей части псалмов, а неведомые нам поэты, причем некоторые из них по силе поэтического таланта не уступают лирикам других народов» [11, с. 70].

Но не только этим выводом интересна вторая публикация Николая Михайловича по ориенталистике. В ней также выражен позитивистский подход, имевший очень широкое распространение в начале прошлого века. Историк пишет: «Перед лицом науки, в известном смысле, нет разноценных величин, но все одинаково равноценны в том смысле, что каждая одинаково доступна ее изучению при помощи общепринятых в науке методов» [11, с. 7]. Последующие публикации Н. М. Никольского маркируют расширение его интересов и включение в их состав Междуречья: «Израиль и Вавилон» (1910), «Древний Израиль» (1911), «Древний Вавилон» (1913). Интерес к Междуречью историк пронес через всю свою жизнь. Последняя его работа, «Культура Древней Вавилонии» (1959), также была посвящена этому региону.

Еще одним ответвлением занятий ученого библеистикой стало пробуждение интереса к христианству и христианской церкви. Н. М. Никольский издает книгу «Раннее христианство» (1908) и пишет шесть глав в пятитомной «Российской истории» М. Н. Покровского: «Первобытные религиозные верования и принятие христианства» (т. 1, 1909), «Народная религия и церковь в XIV—XVI вв.» (т. 2, 1909), «Реформы Никона и религиозно-социальные движения во второй половине XVII в.» (т. 3, 1909), «Религиозные движения в XVIII в.» (т. 4, 1912), «Религиозные движения в XIX в.» (т. 5, 1912) и «Государственная церковь в XVIII и XIX вв.» (т. 5, 1912).

В 1931 г. этот интерес реализовался в книге «История русской церкви», охватывающей период от крещения Руси до 1916 г. Фраза, завершающая книгу: «Сумерки богов наступили, дело идет к их вечной ночи», — показывает, насколько углублен был Николай

Преподаватель
Н. М. Никольский

Михайлович в немецкий язык и немецкую культуру. «Сумерки богов» (Götterdämmerung) – это название финальной части оперы Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

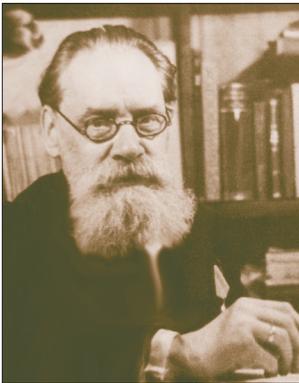
Очень интересную особенность книги «История русской церкви» подметил профессор М. С. Корзун. Оказывается, «Никольский в своем труде ни разу не упомянул Маркса, Энгельса. Есть единственное упоминание Ленина, но не в смысле использования его теории, а только для сравнения с “пиявками” скупщиков духовоборческой общины, перешедших как ренегаты в православие под нажимом царского правительства. Отсутствуют понятия “марксизм” и “ленинизм”» [7, с. 12].

Основное значение книги, по мнению М. С. Корзуна, состоит в том, что «Никольский концептуально создает периодизацию истории православной церкви в связи с состоянием общества» [7, с. 12].

Изучение истории религии на высоком профессиональном уровне открыло Николаю Михайловичу путь в университет. В 1918 г. он был приглашен в Смоленск на должность профессора по кафедре истории религии Педагогического института, который создавался на базе Учительского института. В феврале следующего года Н. М. Никольский переезжает в Смоленск, где становится впоследствии деканом факультета общественных наук университета и ректором Педагогического института. После преобразования в январе 1922 г. института в педагогический факультет Смоленского университета Никольский становится ректором университета. Но уже в июле того же года Николай Михайлович переезжает в Минск, где

он смог полностью раскрыться как организатор академической науки, университетский профессор и ученый-востоковед.

Он возглавляет на педагогическом факультете БГУ кафедру истории религии, затем кафедру истории религии и Древнего Востока. В 1924 г. занимает должность декана факультета. Будучи профессором БГУ, Николай Михайлович дважды выезжает с научными целями в Германию (1925 и 1928 гг.), где налаживает контакты с коллегами. Профессор Никольский подчеркивает в своей автобиографии, написанной в 1946 г., что ему удалось «опубликовать в немецком переводе три... работы,

Академик
Н. М. Никольский

в том числе самую главную... работу 20-х годов *Spuren magischer Formeln in den Psalmen*».

Круг научных интересов Н. М. Никольского продолжал расширяться. На этот раз в него вошли вопросы этнографии — была подготовлена монография по истории белорусских волочечных песен. В качестве специалиста по этнографии он был приглашен на работу в Академию наук БССР. После избрания в 1931 г. действительным членом (академиком) Академии наук БССР Николай Михайлович взял на себя руководство секцией этнографии и фольклора Института истории, продолжая работать по совместительству в БГУ.

После создания в 1934 г. исторического факультета БГУ Н. М. Никольский приступил к работе на кафедре общей истории, а в 1936 г. возглавил вновь созданную кафедру средних веков и древней истории. Связи с академией при этом оставались достаточно прочными. В январе 1937 г. он был назначен директором Института истории АН БССР.

В 1938 г. Н. М. Никольскому было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БССР».

Рахиль Абрамовна Поссе (в дальнейшем Никольская) вспоминала о том времени: «Николай Михайлович с семьей жил на Советской улице, около польского костела. В этой квартире жили профессор Владимир Николаевич Перцев с женой в двух комнатах, одинокий работник АН БССР и еще одна семья из пяти человек в одной комнате. Семья Николая Михайловича состояла из жены Веры Николаевны, его племянницы Настеньки, студентки биофака БГУ, и родственника Веры Николаевны Петра Гавриловича. Детей у Николая Михайловича и Веры Николаевны не было. Все их дети умирали в раннем возрасте. Единственная дочка Зинушка дожила до 12 лет и умерла от аппендицита. О Зинушке Николай Михайлович горевал всю жизнь. Он очень ее любил, она была его постоянной спутницей в пеших походах с фотоаппаратом в поисках красивых мест природы, интересных житейских встреч. Пешие походы были одним из его главных развлечений. В память о Зинушке он бережно хранил ее "котиху" — игрушечную металлическую кошечку» [9, с. 17].

После начала Великой Отечественной войны Н. М. Никольский с семьей не успел эвакуироваться из Минска. В скором времени от оккупантов он получил предложение написать историю Белоруссии в угодном новым властям духе.

«Николай Михайлович, — вспоминала Рахиль Абрамовна, — прекрасно знал немецкий язык. Выслушав просьбу немцев, вежливо

подвел их к своим книжным полкам и показал свои труды по истории народов Древнего Востока и библеистике на русском и немецком языках. "Я не специалист по истории Белоруссии, — сказал Николай Михайлович, — и вашу просьбу не могу выполнить"» [9, с. 19].

Несмотря на полное отсутствие средств к существованию (семья жила за счет продажи вещей), Н. М. Никольский продолжал свою научную работу. Исследование текстов Рас-Шамры и вопросов, связанных с землепользованием в Междуречье, стояло в пятилетнем плане работы Академии наук БССР, и он, будучи директором академического Института истории, не мог ее не выполнить в срок.

Между тем спасение приближалось. Началась операция по эвакуации на территории, находившейся под полным партизанским контролем, видных белорусских ученых. В результате из Минска были вывезены академик Николай Александрович Прилежаев (химик), профессора Иван Андреевич Ветохин (биолог) и Александр Александрович Кравцов (технические науки) [30, с. 77].

В начале августа 1943 г. к ним присоединилась семья Никольских. И в партизанском отряде Николай Михайлович продолжал исследовать тексты Рас-Шамры и Двуречье. Рукописи были вывезены вместе с их автором самолетом на Большую землю.

Доцент кафедры истории древнего мира Владимир Иванович Шевченко вспоминал после войны: «Николай Михайлович показал мне обертку пачки своих рукописей. Там стояло: "Начато собирание материалов 12.IX.1941, начато писание текста 16.11.1942, закончено 18.III.1943 в оккупированном Минске, в честь Советской Родины. Окончательно отредактировано и переписано к 14.XII.1943 в партизанских отрядах Белоруссии. В случае, если я не доживу до радостной встречи с Большой землей, прошу моих товарищей по партизанской зоне принять все меры к доставке этой рукописи в Москву, в Академию наук"» [30, с. 78].

Тем не менее все закончилось почти благополучно. Академика Никольского с семьей 9 марта 1944 г. переправили в советский тыл, а затем в Москву. К несчастью, тяготы лесной жизни с партизанами подорвали здоровье жены Николая Михайловича. Через три дня после приезда в Москву Вера Николаевна скончалась.

Вскоре после прибытия в столицу академик Никольский возглавил кафедру истории древнего мира БГУ, который в 1943 г. возобновил свою работу на станции Сходня в Подмосковье (ныне в черте города).

В апреле 1945 г. Н. М. Никольский вернулся в Минск. Здесь он встретился со своей бывшей ученицей и аспиранткой Рахиль Абра-

мовной Поссе и сделал ей предложение вступить в брак, которое было принято.

4 декабря 1946 г. Н. М. Никольского избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению истории и философии, специализация «древняя история, история Древнего Востока».

В 1947 и 1948 гг. были опубликованы книги, над которыми академик Никольский работал во время войны: «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» и «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье».

Возглавляя Институт истории Академии наук, Николай Михайлович никогда не уклонялся от ответственности и всегда вставал на защиту своих сотрудников, попавших под каток репрессий. В 1949 г. волна борьбы с «безродными космополитами» докатилась и до Минска. Угроза увольнения нависла над многими представителями научной интеллигенции из числа лиц еврейской национальности. Николай Михайлович смог отвести угрозу увольнения из Института истории от Залмана Юдовича Копысского, Моисея Яковлевича Гринблата, Залмана Евновича Абезгауза, Афраима Моисеевича Карпачева.

Рахиль Абрамовна и Николай Михайлович
Никольские. 1940-е гг.

Рахиль Абрамовна вспоминала: «Акция их увольнения проводилась за спиной Николая Михайловича. Об этом ему сообщил Лукьянов, ученый секретарь Института истории АН БССР. Николай Михайлович был страшно взволнован этим известием. Я впервые увидела Николая Михайловича в ярости. Он сразу же позвонил президенту АН БССР Геращенко... (Затем) позвонил Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко... Все намеченные к увольнению остались на работе» [9, с. 24].

Среди прочих попала под удар Мария Самуиловна Меерович, писавшая диссертацию по фольклору, рожденному войной: фронтовому, партизанскому, из гетто и концлагерей. Завершить работу ей не удалось.

«В Ленинграде в Пушкинском доме должны были заслушать доклад Меерович. Она тщательно готовилась. Собирались крупнейшие фольклористы со всей страны. Впервые Меерович предстояло выступить перед такой представительной аудиторией. Но накануне выступления ей позвонила жена академика Николая Михайловича Никольского — Рахиль Абрамовна Поссе...

Рахиль Абрамовна встревоженным голосом сказала, что следует немедленно вернуться в Минск.

— Но у меня доклад, — не понимая, о чем идет речь, ответила Мария Самуиловна.

Рахиль Абрамовна отлично понимала, что их телефонный разговор прослушивается, его запись станет еще одним обвинительным документом и для нее, и для Николая Михайловича. Но академик Никольский настоял, чтобы предупредили Марию Меерович о том, что происходит в Минске.

— Голубушка, у вас неприятности, — сказала Рахиль Абрамовна.

— Что случилось? — спросила испуганная Мария Самуиловна.

— Николая Ивановича сегодня вызывали в ЦК и сказали, что он пригрел на своей груди безродного космополита и врага народа. У Николая Михайловича был сердечный приступ.

Буквально через час Меерович, так и не прочитав подготовленный доклад, садилась в минский поезд» [31].

Мария Соломоновна прожила несколько дней у Никольских. Она все-таки попала в подвал на Комсомольской улице. Ее обвинили в сотрудничестве с английской разведкой. Спас Марию Соломонову академик Никольский, нанеший личный визит первому секретарю белорусской компартии П. К. Пономаренко.

Здоровье Николая Михайловича пошатнулось. Он все реже выходил из дому. В апреле 1953 г. он оставил пост директора Института истории АН БССР. В том же году отошел от руководства кафедрой истории древнего мира. Исполнение обязанностей заведующего было возложено на доцента Ф. М. Нечая.

Много времени отдавал он семье. Рахиль Абрамовна вспоминала: «На протяжении всей нашей пятнадцатилетней совместной жизни Николай Михайлович писал стихи — посвящение своим близким, играл на рояле и даже пел. У него был очень красивый мягкий баритон. К сожалению, любимые длительные пешеходные прогулки были уже не по его силам. Но когда у нас появилась машина "Москвич", мы часто выезжали за город поближе к природе, и это в какой-то степени компенсировало его любовь к этому виду отдыха» [9, с. 25].

По мере сил Николай Михайлович продолжал заниматься научной и учебной работой. В 1956 г. вышла его монография «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности», написанная в 1951—1954 гг. В 1953 г. он вместе с Рахиль Абрамовной подготовил для студентов и преподавателей высшей школы «Очерки культуры Древней Вавилонии». Книга увидела свет в 1959 г.

В этом же году, 19 ноября, Николай Михайлович завершил свой жизненный путь.

Так как даты рождения и смерти Н. М. Никольского приходятся на ноябрь, кафедра истории древнего мира и средних веков проводит раз в два года в этом месяце свои «Ноябрьские встречи», посвященные памяти академика Н. М. Никольского и академика В. Н. Перцева, пережившего своего старшего товарища, друга и коллегу всего на полгода.

Большая часть документов, связанных с Николаем Михайловичем Никольским, в том числе его переписка с Якубом Коласом, В. И. Пичетой, В. Н. Дьяковым, В. Н. Перцевым и многими другими (объем составляет 8 папок), еще ждет своего исследователя на полках Архива Российской академии наук (РАН, фонд 1619). Фонд был передан Рахиль Абрамовной в 1970 г. [1, с. 131].

Мемориальная доска на доме, где жил Н. М. Никольский (г. Минск, ул. Карла Маркса, 30)

Общая концепция истории Древнего Востока, предложенная Н. М. Никольским

В 1933 г. доклад академика В. В. Струве «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока», с которым он выступил сначала в Ленинграде, а потом в Москве, положил начало дискуссии об общем характере развития древневосточных обществ.

Спустя несколько лет АН СССР приступила к выпуску многотомной «Всемирной истории». Первые два полутома планировалось посвятить истории Древнего Востока. В связи с этим вопрос о характере древневосточных обществ обрел новую актуальность. В рамках обсуждения проекта редакция «Вестника древней истории» предложила академику Н. М. Никольскому высказать свое мнение на страницах журнала. Николай Михайлович не преминул воспользоваться предоставленной трибуной, чтобы предложить коллегам-ориенталистам свою общую концепцию истории Древнего Востока. Сделано это было в рамках статьи «О построении истории Древнего Востока» (1938). Особый интерес высказанная концепция представляет еще и в силу возраста автора, которому в то время исполнился 61 год, — за каждым высказанным тезисом стоят годы научной работы и осмысления собранного материала, десятки публикаций. Сам академик был полностью уверен в своей правоте. Он писал в 1946 г. в автобиографии: «К периоду 30-х годов относится расширение моей работы также за пределы Белоруссии. По научной линии оно выражалось в моем активном участии в дискуссии вокруг проблемы формационного типа древневосточных обществ, в которой в конце-концов я нашел правильное решение, легшее в основу ряда моих статей в "Вестнике древней истории" и моих последних больших монографий по истории аграрных отношений в Двуречье и общинно-земеделческой религии Финикии».

По мнению Н. М. Никольского, Древний Восток распадается на три комплекса с разными историческими судьбами: 1) Средиземноморский Восток, 2) Китай и Япония, 3) Индия, Центральная Азия и Индокитай.

Древневосточные общества имеют ярко выраженный «застойный» характер: их развитие останавливается на определенном уровне. Но «по достижении этого уровня их бытие не является бытием стоячего болота. Напротив, достигнутый ими уровень не раз возмущается бурями, иногда разрушительными ураганами, поднимающими мощные волны, подобные волнам разбушевавшегося моря» [10, с. 319].

Отсюда следуют два вывода: 1) о необходимости введения наряду с территориальным хронологическим делением по эпохам (временам существования крупных держав) и 2) о важности изучения сюжетов общественно-политической истории.

Основной проблемой общественно-политической истории «должна быть история сельской общины в каждой стране Древнего Востока», прежде всего «со стороны борьбы общинников за сохранение общины» [10, с. 320].

Рабство в рамках древневосточных обществ имело либо патриархальный, либо долговой, либо (изредка) приближенный к античному варианту характер, подпитываясь за счет военнопленных. А значит, требуется «дать конкретную историю колебаний рабства в древневосточных странах — спорадических случаев его усиления, количественного и качественного, и последующих моментов его снижения до специфической восточной нормы» [10, с. 321—324].

Резкое неприятие у академика Н. М. Никольского вызывала модернизация истории. Он писал с возмущением: «Тут даже в схеме истории Древнего Востока, составленной Академией наук СССР, все еще встречаются такие термины, как мировой рынок, торгово-ростовщические банки, денежное хозяйство. Все эти термины целиком заимствованы из работ буржуазных ориенталистов и отражают... тенденцию последних доказать капиталистическое развитие древнего мира» [10, с. 325].

Сформулированная академиком Никольским концепция не утратила своей актуальности и в наши дни, предоставляя в распоряжение исследователей одну из наиболее вероятных парадигм, описывающих древневосточные общества.

Полностью в русле этой парадигмы находятся, например, следующие суждения кандидата исторических наук, доцента А. А. Прохорова: «Основную массу населения стран Древнего Востока составляли свободные крестьяне-общинники. Их социальный статус оставался практически неизменным на протяжении тысячелетий, но в каждый период исторического развития стран Древнего Востока их фактическое положение существенно разнилось...»

Первоначально главным источником появления рабов была война... Позднее возникла система долгового рабства, когда рабом мог стать соплеменник. Это был второй источник рабской силы...

Основной формой применения труда рабов было домашнее рабство, когда рабы использовались на домашних работах. В остальных случаях труд раба был обычно подсобным в земледелии, ремесленных мастерских, дальней торговле и т. д.» [26, с. 42—43].

В. И. ШЕВЧЕНКО (1906—1971)

В. И. Шевченко

Владимир Иванович Шевченко [13] родился 12 мая 1906 г. в селе Прасковья Ставропольской губернии в семье сельского агронома Ивана Даниловича и народной учительницы Лидии Васильевны.

Детство и юность его прошли на Северном Кавказе. Здесь он получил начальное и гимназическое образование. Здесь же он проявил себя как литератор: сотрудничал с газетой «Кавказская коммуна» в 1920 г.

После Гражданской войны Владимир продолжал работать в газетах сначала в Ессентуках, а затем в Москве (1922—1924). Некоторые публикации он подписывал псевдонимом Ив. Плашек.

Перебравшись в столицу, молодой человек, ощутивший в себе определенные способности литературного критика, решил заняться их развитием и поступил в московский Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова на критико-исследовательское отделение. Обучение здесь пробудило в нем интерес к античной литературе. Пройдя аттестацию за два с половиной курса, Владимир продолжил свое образование на историко-лингвистическом факультете Ленинградского университета по циклу Древнего мира.

Учеба была прервана в 1928 г. прохождением годичной службы в рядах РККА в штабе 4-й Туркестанской стрелковой дивизии.

В 1929 г. Владимир Иванович получил диплом ЛГУ и продолжил свой путь по избранной стезе, поступив научным сотрудником в Академию наук СССР сначала на должность библиографа, а затем литературоведа.

В 1933 г. литературоведческая деятельность В. И. Шевченко перешла в научно-педагогическое русло. Он приступил к работе в Псковском педагогическом институте и получил звание доцента по кафедре всеобщей литературы.

После того как в 1934 г. в СССР были восстановлены ученые степени, Владимир Иванович принял решение закрепить результаты своих научных изысканий в рамках диссертационного исследова-

ния. Условий для защиты диссертации в Пскове не было, поэтому доцент Шевченко решил подобрать другое высшее учебное заведение. Выбор пал на Белорусский государственный университет.

С марта 1938 г. В. И. Шевченко работал на кафедре истории древнего мира и средних веков, во главе которой стоял его научный руководитель по теме диссертации академик Н. М. Никольский. Одновременно Владимир Иванович заведовал историко-археологическим музеем (на полставки), приложив немало сил к пополнению его экспозиции. В итоге его зарплата в 1940/41 учебном году составила 1050 рублей (700 + 350). Рабочий в то время в среднем получал 375 рублей, инженер — 768 рублей.

Литературные опыты Владимира Ивановича неожиданно пересеклись с его более ранней педагогической деятельностью. В 1939 г. в Минске вышла его весьма интересная и актуальная даже в наше время книжка «Внешкольная работа по истории в V и VI классах». Здесь содержались рекомендации по проведению экскурсий, игр, изготовлению самоделок для школьных музеев, приводились отрывки сочинений, рефератов и пьес, написанных школьниками.

В течение двух предвоенных лет работа над диссертацией резко активизировалась. Уже готовый текст академик Н. М. Никольский рассматривал только в качестве первой части исследования. Продолжение работы над диссертацией требовало, по мнению научного руководителя, посещения книгохранилищ Москвы и Ленинграда. По докладной записке академика Н. М. Никольского доцента В. И. Шевченко в январе 1941 г. отправили в Москву.

Диссертация была успешно закончена. Также была подготовлена к печати монография «Плутос», в которой анализировались социально-политические лозунги крестьянской борьбы в комедии Аристофана и социально-классовая основа религиозного культа Плутоса. И диссертация, и монография пропали в оккупированном Минске.

После начала Великой Отечественной войны доцент В. И. Шевченко успел эвакуироваться из оккупированной захватчиками Белоруссии. На некоторое время он задержался в Йошкар-Оле, где работал директором Института усовершенствования учителей. В 1942 г. переехал в Москву, где поступил на должность редактора во Всеславянский комитет.

После возобновления в 1943 г. работы БГУ на подмосковной станции Сходня ректорат начал вызывать из эвакуации преподавателей университета. В феврале к обязанностям заведующего кафедрой

древней истории (с окладом 1320 рублей) приступил доцент В. И. Шевченко. На него же на первых порах было возложено руководство факультетом [27]. В 1944 г. железнодорожник в среднем получал 518 рублей, рабочий — 573 рубля, инженер — 1209 рублей.

Текст диссертации был восстановлен (по мере возможности) и переработан. Тему Владимир Иванович сформулировал в духе своих антично-литературоведческих склонностей. Звучала она немного вычурно: «Жизнь при Кроносе (ΝΕΠΙ ΚΡΟΝΟΝ ΚΟΙΝΩΝΙΑ) — Истоки одного из важнейших мифов древней Греции. Этюд из истории мифотворчества».

В этой формулировке, впрочем, можно усмотреть и влияние Н. М. Никольского, который в это время работал над книгой, изданной позднее под названием «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов».

Организовать публичную защиту диссертации в условиях военного времени было затруднительно. Поэтому текст был направлен трем оппонентам, после чего рассматривались их отзывы.

Первым своими впечатлениями поделился профессор МГУ доктор исторических наук Владимир Капитонович Никольский, занимавшийся исследованием истории религии. Особое внимание в его отзыве, датированном 4 ноября, привлекает высокая оценка стилистических способностей диссертанта. «Нельзя найти, — пишет Владимир Капитонович, — достаточных похвал манере изложения автора. Начав читать работу, трудно оторваться, — столь ясно, увлекательно, красочно трактует свою тему автор».

Отзыв профессора В. Н. Перцева, написанный 30 ноября, был также положительным, но более сдержанным: «Важной заслугой работы В. И. Шевченко является то, что он попытался рассмотреть различные идеологические наслоения в мифе о Плутосе — Кроносе. Он указывает, что уже в процессе образования мифа о Кроносе сложилось два толкования "века Кроноса" — одного, исходящего от эвпатридов, согласно с которым этот век был "суровым и жестоким", и другого, идущего от крестьян, согласно с которым в век Кроноса люди жили в состоянии полного удовольствия».

Третий отзыв, датированный 20 декабря, принадлежал слависту-фольклористу академику Николаю Севастьяновичу Державину. Он подчеркнул важность использования диссертантом материала белорусского фольклора — обрядности, связанной с представлениями о «Богаче-Рае», — и посоветовал Владимиру Ивановичу «больше штудировать труды гениального советского ученого академика

Н. Я. Марра, имя которого автор назвал на протяжении своего труда только один раз, да и то из вторых рук».

После получения трех положительных отзывов Владимиру Ивановичу Шевченко была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Что, кстати, благотворно отразилось на его зарплате. Теперь он получал как доцент и кандидат наук 1400 рублей и 280 рублей за заведование кафедрой.

После того как из оккупированной Белоруссии удалось вывезти академика Н. М. Никольского, тот принял на себя руководство кафедрой истории древнего мира. В. И. Шевченко продолжал работать доцентом.

Когда началось освобождение Белоруссии, сотрудники БГУ получили предписание сняться с учета и прибыть в Минск. Владимир Иванович Шевченко этого не сделал. Последним документом его личного дела является письмо от 10 июля 1951 г., в котором он сообщает о своем переходе на литературную работу и просит подтвердить его научный стаж.

Закончил свой жизненный путь Владимир Иванович Шевченко в Москве в 1971 г., став профессором и заслуженным работником культуры РСФСР.

Ф. М. НЕЧАЙ (1905—1990)

Федор Макарьевич Нечай [19] родился 9 марта 1905 г. в селе Деражичи Речицкого уезда Минской губернии (ныне относится к Лоевскому району Гомельской области). Отец его был фельдшером, участником Русско-японской войны. Федор рос старшим ребенком в семье, а значит, должен был присматривать за младшими: Сергеем, Владимиром, Александрой и Марусей. В школу бегал за 12 км в любую погоду. До Октябрьской революции немного пономарил в местной церкви.

В 1923 г. Макарий Спиридонович умер, поэтому Федор после получения образования в брагинской школе второй ступени (9 классов) в 1923 г., как старший в семье, пошел работать.

Первым этапом на долгом трудовом пути была начальная школа поселка Щербаково Федоровского района Ростовской области, где он работал учителем.

Для успешной работы даже на таком уровне багажа знаний, полученных в девятилетке, все-таки было маловато. А для получения высшего образования нужно было иметь трудовой стаж рабочего. К лицам крестьянского происхождения советская власть особого доверия не питала. Исходя из этих соображений, Федор Нечай оставил школу и перебрался в 1930 г. в Таганрог, где устроился на работу на военный инструментальный завод № 65 наладчиком станков. В 1932 г. молодой рабочий проходит обучение в одногодичной школе РККА в Новочеркасске.

Теперь, когда за спиной была работа в школе и на заводе, а также служба в армии, можно было не опасаться возникновения на пути к высшему образованию препятствий, не связанных с уровнем знаний.

Его дочь Ольга Федоровна пишет: «Еще в ранней юности отец ощущал энергию, желание реализации, жизненного свершения. Он рассказывал, как мучительно переживал, что Александр Македонский успел столько совершить в молодом возрасте, а он ничего еще не сделал. "Пассионарность", потребность учиться были огромными» [23, с. 157].

В 1933 г. Федор Нечай поступает на исторический факультет Ростовского педагогического института. Учеба особых проблем не представляла. На ростовской земле состоялась главная встреча всей его жизни: со студенткой физико-математического факультета, участницей институтской команды по пулевой стрельбе Феодосией. Молодые люди поженились. В 1936 г. у них родилась дочь Ольга.

В 1937 г. институт был окончен с отличием. Федор Макарьевич получил рекомендацию для поступления в аспирантуру.

Выбор направления исследований был сделан еще на студенческой скамье — история античного мира, Греция и Рим. Не вызывал сомнений и университет, в аспирантуру которого следует поступать, — МГУ. Выдержав огромный конкурс (до 10 человек на место), Федор Макарьевич стал аспирантом ведущего вуза страны.

На кафедре истории древнего мира Московского университета в то время работал профессор Александр Васильевич Мишулин. Под его научное руководство и поступил новый аспирант.

Выпускник Ростовского педагогического института Ф. М. Нечай. 1937 г.

Между А. В. Мишулиным и Ф. М. Нечаем было много общего. Оба они были не из Москвы. Оба занимались античностью. Кроме того, они были почти ровесниками. Мишулин был всего на четыре года старше своего аспиранта. Но в 33 года он уже стал профессором МГУ, а Нечай в свои 32 был только аспирантом. А значит, ему было куда стремиться и на кого равняться. Главными интересами А. В. Мишулина были история Испании в античный период и восстание рабов и гладиаторов под руководством Спартака. Именно Александр Васильевич настоял, чтобы его племянник, будущий великий советский артист театра и кино Спартак Мишулин, получил свое не совсем обычное имя.

Аспирант Московского университета
Ф. М. Нечай. 1938 г.

Своему аспиранту профессор предложил для кандидатской диссертации не менее увлекательную, сложную и запутанную тему: «Союзническая война Рима в источниках (92—88 гг. до н. э.)».

Тема полностью отвечала сложившейся на кафедре истории древнего мира МГУ традиции изучения истории. Приступая к работе над проблемой или регионом античного мира, исследователь должен был прежде всего отработать необходимые источники, т. е. перевести их с языка оригинала (греческого или латинского) и изучить всю связанную с ними историографию.

В данном случае это были авторы, писавшие о Союзнической войне (Аппиан на древнегреческом языке, Тит Ливий, «Эпитомы» (книги 71—76) и Павел Орозий на латыни) или упоминавшие о ней (Диодор Сицилийский, Флор, Цицерон, Патеркул, Фронтин). Ольга Федоровна пишет: «Отец — крестьянский сын, интеллигент в первом колене, овладел латынью и греческим, перечитал и освоил гору специальной литературы. Это была вулканическая энергия создавшая себя как исследователя-историка» [23, с. 159].

Обязательные три экземпляра текста диссертации, предусмотренные Инструкцией о применении постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях», после публичной защиты оседали в библиотеке и личных архивах диссертанта и его научного руководителя. Представителям же научной общественности, которые не имели возможности присутствовать на защите или ознакомиться с текстом в читальном зале, оставалось

удовлетвориться развернутыми тезисами по теме диссертации, дающими общее представление о работе, как того требовала Инструкция.

Но в тезисы невозможно включить самое главное и важное — ход рассуждений исследователя. К счастью, Федор Макарьевич посвятил непосредственному анализу источников специальную статью: «Союзническая война в источниках (Основные источники Союзнической войны)» (1950).

Задача была не из легких. Основные источники по теме были написаны в разное время (от I до V в.) на разных языках (латинском и греческом) авторами, ставившими перед собой совершенно различные цели и использовавшими различные методы изложения (хронологический и тематический). Да и источники были разной сохранности (полной и фрагментарной).

Из напластования этих источников исследователю предстояло выделить точные данные, относящиеся к Союзнической войне, которые должны были сложиться в общую картину. Причем каждый используемый элемент должен иметь прочную опору на источник. В данной ситуации марксистско-ленинская методология с ее классовым анализом была мало полезна.

Федор Макарьевич методично и скрупулезно, по фразам, а иногда и по словосочетаниям, сравнивает строки из «Эпитом» Тита Ливия и «Истории» Павла Орозия. Первый источник построен по хронологическому принципу, второй — по тематическому. Причем

Ф. М. Нечай (первый слева в первом ряду) — доцент Чувашского педагогического института. 1944 г.

в распоряжении Орозия были не только «Эпитомы», но и полный текст Ливия (или его неизвестное сокращенное изложение). Последнее обстоятельство делает Орозия очень ценным источником по истории Союзнических войн. После этого проводится сравнение указанного источника с написанной на греческом языке «Историей Рима» Аппиана Александрийского. Затем подключается такой же детальный анализ сочинения Диодора Сицилийского, по итогам которого делается вывод о том, что Аппиан описывает военные силы союзников в начале войны, а Диодор — в конце первого года войны.

В итоге размытая неясная картина событий Союзнической войны обретает более четкие очертания. Каждая деталь получает свое законное место [23, с. 78—111].

В самом начале 1940 г. Ф. М. Нечай успешно защитил диссертацию на заседании ученого совета исторического факультета МГУ, получил ученую степень кандидата исторических наук и был направлен на работу в Чувашский педагогический институт на должность доцента кафедры истории. К тому времени у него родилась уже вторая дочь, Елена.

Ученое звание доцента Ф. М. Нечай получил в мае 1941 г.

В Чебоксарах он приобрел также неоценимый научно-административный опыт, поработав сначала деканом исторического факультета, а потом заместителем директора пединститута.

Началась война. В здании пединститута в Чебоксарах разместили госпиталь, а студентов и преподавателей перевели в городок Мариинский посад. Федор Макарьевич в это время руководит факультетом и преподает историю Древнего мира, Феодосия Тихоновна — физику. Живут в маленьком деревянном домике, сажают огород, а в качестве посуды им служат фарфоровые ступочки и колбы из физлаборатории, ходят рыть окопы (немецкая армия рвется к Волге).

После освобождения Минска у Федора Макарьевича вызревает идея вернуться в родную Белоруссию. Он советуется по этому поводу со своим учителем, профессором А. В. Мишулиным. Тот полностью поддерживает намерение своего ученика и подключает к решению вопроса академика Н. М. Никольского, находившегося в то время в Москве.

В личном деле доцента Ф. М. Нечая хранится письмо А. В. Мишулина, адресованное Н. М. Никольскому:

«Дорогой Николай Михайлович!

В ответ на Ваше письмо высылаю два представительства — мое и А. Б. Рановича — о кандидате исторических наук Нечая Ф. М. Он

Дорогой Николай Михайлович!

В ответ на Ваше письмо ввечер
был представлен мне и А. В. Мишулин
и кандидатом белорусских наук Нечая Ф. М.
Он узнал о приглашении его в Минский
Университет, и очень рад этому. Однако
нельзя отозвать его из Лебонар потому
что белорусский Университет сред-
но, письмом и телеграммой просил от-
командировать м. Нечая у м. Котля-
рова (зам. начальника Ветеринарного
кадра).

Телеграфом и письмом м. Котлярову
а он, как уже говорено, отзовется.
Нечая и без этого направил в Белорусский
Университет не как профессора
и не как члена. Мне бы очень хотелось, чтобы
м. Нечая, как член комиссии, бы одобри-
ли в каждом отношении. Он исполнил
бы всеобщий, энергичный и радостный де-
литель, которому бы все еще дано правильное
направление. А для нас бы да могли
работать по Вашим предложениям.

Крепко люблю Вашу семью, желаю
своей работе, здоровью и пр. успехов Вам.

1940 г. А. Мишулин

Письмо профессора А. В. Мишулина Н. М. Никольскому
по поводу перевода Ф. М. Нечая в Минск. 1945 г.

узнал о приглашении его в Минский Университет и очень рад этому. Однако чтобы отозвать его из Чебоксар, необходимо, чтобы Белорусский Университет срочно письмом и телеграммой просил откомандирования т. Нечая и т. Котлярова (зам наркомпроса РСФСР по кадрам). Телеграфируйте и пишите т. Котлярову, а он, как уже договорено, отзовет т. Нечая и через ВИЦШ направит в Белорусский Университет на кафедру древней истории. Мне бы очень хотелось, чтобы т. Нечая, как моего ученика, Вы опекали бы в научном отношении. Он несомненно способный, энергичный и растущий ученый, которому Вы сумеете дать правильное направление. А для него было бы лестно работать под Вашим руководством.

Крепко жму Вашу руку, пишите о Вашей работе, здоровье и пр. Привет Вашим. 19.VII.1945».

Соответствующее кадровое решение было принято Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР. Доцент Ф. М. Нечай был направлен на работу на кафедру истории древнего мира БГУ.

Освобожденный Минск лежал в руинах. Из всего университетского городка уцелело только красное кирпичное здание, в котором разместилась администрация БГУ. Здесь же выделили несколько комнат для семей преподавателей, где и поселили семью доцента Ф. М. Нечая из четырех человек. В собственную квартиру семья переехала только в 1948 г. В этом же году у Федора Макарьевича родился сын Сергей.

Ф. М. Нечай (второй слева) на празднике 1 Мая. 1952 г.

Исторический факультет в то время находился в здании школы по ул. Энгельса. Занятия начинались в 18 часов и продолжались до ночи. Днем студенты и преподаватели восстанавливали разрушенное здание университета [29, с. 211].

В этих сложнейших условиях первых послевоенных лет огромный объем работы по организации учебного процесса ложился на плечи декана факультета, Федора Макарьевича Нечая, который занимал эту должность в 1947–1953 гг. Действовал декан всегда максимально открыто и гласно. Соблюдение учебного плана и полное выполнение учебных программ по каждой дисциплине было для него непреложным законом. Ежегодно он собирал студентов и преподавателей факультета и держал перед ними отчет о выполнении плана и программ за истекший учебный год. Прямо и открыто говорил Федор Макарьевич и об имевших место недоработках (если такие были).

После того как здоровье академика Н. М. Никольского ухудшилось и он практически перестал выходить из дому, доцент Ф. М. Нечай был назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира. После смерти академика В. Н. Перцева он встал во главе объединенной кафедры истории древнего мира и средних веков.

Летом 1961 г. Федор Макарьевич возглавил раскопки археологической экспедиции БГУ на Керчинском полуострове: в Херсонесе и Панतिकопее.

В 1965 г. произошло еще одно важнейшее событие в его жизни — защита докторской диссертации по теме «Рим и италики: Покорение Римом Италии и борьба италиков за землю и политические

Ф. М. Нечай (первый слева) на раскопках в Херсонесе. 1961 г.

Историки-антиковеды после защиты Ф. М. Нечаем
докторской диссертации. 1965 г.

права». Оппонентами выступили ведущие на тот момент советские антиковеды-романисты: заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР С. Л. Утченко и В. И. Кузищин с кафедры истории древнего мира МГУ. В основу диссертации была положена опубликованная двумя годами ранее монография «Рим и италики». В своей диссертации Ф. М. Нечай на основе скрупулезного анализа первоисточников определил количественный состав отдельных народов Италии, установил размеры земельных владений, которыми пользовались римские плебеи в колониях на завоеванных землях, доказал, что в основе последнего этапа Гражданской войны (88–82 гг. до н. э.) лежит все тот же союзнический вопрос, который трансформировался в аграрный. Автор категорически отверг признаваемый многими советскими историками-романистами того времени (и закрепленный на страницах «Советской исторической энциклопедии») тезис о том, что по реформе Тиберия Гракха земельные наделы получили 80 тыс. крестьян.

В 1966 г. Федору Макарьевичу было присвоено ученое звание профессора.

Вот каким запомнился профессор Ф. М. Нечай своему ученику, профессору В. А. Федосику, в бытность его студентом первого курса:

«Мы, студенты первого курса БГУ, уже отучились семестр и сдали свою первую сессию, когда в один из февральских дней 1969 г. к нам в аудиторию пришел мощный добродушный человек с седыми волосами. Так мы познакомились с Ф. М. Нечаем. Удивительная

Ф. М. Нечай со студентами. 1974 г.

Ф. М. Нечай. Друскининкай, 1980-е гг.

интеллигентность и доброжелательность были отличительной чертой Федора Макарьевича. Он не проводил незримый барьер между лектором и слушателями. Конечно, насторожили его частые обращения к латыни (значит, здесь без зубрежки не обойтись). Знаменитое "нечаевское" изречение на латыни из эпизода противостояния спартанцев и персов в Фермопильском ущелье (персу-врагу, неумеренно хвастающему: "Из-за множества стрел солнца не увидите", некий лакедемонянин ответил: "Будем сражаться в тени"), которое он потребовал выучить наизусть, сначала показалось причудой профессора. Но что интересно: любой выпускник истфака тех лет и сегодня произнесет это изречение на латыни, многократно проверяя лично. Однако это была не зубрежка: каждое слово изречения, синтаксис — все подвергалось тщательному грамматическому анализу. Федор Макарьевич словно помогал нам глубже вникнуть в смысл латыни, которую мы изучали параллельно. Это был урок работы историка над текстами древних источников, словно мы вместе с профессором анализировали каждое слово.

Но самое потрясающее впечатление осталось от первого же семинарского занятия, эти занятия Федор Макарьевич вел сам, не перепоручая никому. Это было занятие по "Илиаде". Все получили по книге, никаких вопросов заранее задано не было. В ходе занятия вслух зачитывались те или иные места из "Илиады", а затем следовали вопросы Ф. М. Нечая. Эти вопросы сначала показались просто невероятными: ну, как можно что-то узнать из описания щита

Ахилла об урожайности, севообороте, площадях вспаханной земли, выращиваемых культурах и т. п.? Для нас это была просто красивая поэзия. Оказалось — можно! Надо только тщательно искать информацию в источнике...

Свои лекции Ф. М. Нечай никогда не читал по каким-либо конспектам. На возвышении в аудитории рядом с кафедрой для него устанавливалось большое кресло и, сидя в нем, он и читал свои лекции, обычно сосредоточенно глядя в одно место, а иногда и закрывая глаза. Он часто вставал — чтобы сделать записи на доске, обычно по-латыни. В аудитории всегда стояла полная тишина — как-то никому в голову не приходило попротестовать (дело обычное при долгом сидении более 100 человек в одной аудитории)» [23, с. 20—21].

Очень насыщенным и плодотворным оказалось для Ф. М. Нечая начало 1970-х гг.: доклад «О роли плебеев в экономической, политической и военной жизни Рима в период республики» на конгрессе антиковедов (Герлиц, 1970), доклад «Роль полиса в древнеримском обществе» на XIII Международном конгрессе историков (Москва, 1970), первый выпуск сборника научных статей сотрудников кафедры «Вопросы истории древнего мира и средних веков» (1970), доклад «Социальный статус греков и количество греческих войск под Троей» на конгрессе антиковедов (Ереван, 1971), монография «Образование римского государства» (1972).

Темп был взят высокий. Но возраст начинал брать свое. Приблизился 70-летний рубеж. В 1977 г. Федор Макарьевич Нечай покинул пост заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков. На следующий год он вышел на пенсию, продолжая работать профессором-консультантом. Руководство кафедрой он передал профессору Д. С. Климовскому. В 1983 г. преподавательская деятельность была прекращена. Завершил свой жизненный путь профессор Ф. М. Нечай 17 декабря 1990 г.

Р. А. НИКОЛЬСКАЯ (1904—2004)

Рахиль Абрамовна Бительмахе [16] родилась 18 ноября 1904 г. в украинском городе Бердичеве в семье портного. В еврейском фольклоре начала XX в. (как, впрочем, и в русском антисемитском) Бердичев выступает как классический еврейский город империи. До 90 % населения города составляли евреи. Здесь долгое время

жил и творил Шолом Алейхем, один из основателей литературы на идиш. На этом языке в городе издавались несколько газет (в том числе и ежедневных) и журналов.

Как и большинство еврейских детей, она получила начальное образование в хедере. Детство Рахиль было недолгим. Уже в 12-летнем возрасте она была вынуждена начать работать портнихой.

Судьба бедной еврейской девочки круто изменилась после Октябрьской революции и прокатившихся по Украине гражданской и польско-советской войн.

В 1919 г. был создан Коммунистический союз молодежи Украины, и 15-летняя Рахиль, будучи вполне сознательной представительницей пролетариата, вступила в его ряды.

Вскоре она устроилась на работу воспитательницей в детский дом. Но тут свое веское слово сказал украинский комсомол, решивший, что ей нужно потрудиться на ниве расширения коммунистической идеологии среди молодежи. Решением поваткома КСМУ Рахиль Абрамовна была направлена для организации ячейки на бердичевский кожевенный завод.

Ячейка была успешно создана, что утвердило местных комсомольских вожаков в организационных способностях молодого товарища, и она была назначена секретарем райкома в местечко Погребище, относящееся к Бердичевскому повіту. Между тем девушка хотела получить образование. В 1924 г. она поступила учиться на рабфак киевского Института народного образования. Здесь судьба свела ее с Сергеем Владимировичем Поссе, сыном известного русского журналиста и революционного деятеля Владимира Алексеевича Поссе и племянником не менее известного математика профессора Константина Алексеевича Поссе. Молодые люди поженились. В том же 1924 г. у них родился сын Владимир, а три года спустя — дочка Альма. К тому времени семья Поссе переехала из Киева в столицу Советской Украины, Харьков, где Рахиль Абрамовна закончила в 1931 г. историческое отделение социально-экономического факультета местного педагогического института. Получив высшее образование, она недолго поработала преподавателем истории Харьковского вечернего рабочего университета.

В 1932 г. С. В. Поссе был переведен в Минск на должность помощника первого секретаря ЦК КП(б)Б Н. Ф. Гикало.

Р. А. Никольская

В белорусской столице Рахиль Абрамовна сначала работала секретарем-референтом, а затем преподавателем истории и заведующей учебной частью Белорусского института массового заочного обучения партактива при ЦК КП(б)Б.

Не забывала она и о повышении собственного образовательного уровня и в 1934 г. поступила в аспирантуру исторического факультета БГУ. Ее научным руководителем стал академик Н. М. Никольский.

С. В. Поссе в этом же году занял пост директора Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б. Вскоре супруги Поссе расстались.

В 1935 г. Рахиль Абрамовна приступила к работе на историческом факультете БГУ в качестве ассистента (вела семинары на первом курсе). На следующий год у нее родился третий ребенок, дочь Наталья.

Наступил 1937 г., печально известный своими репрессиями, направленными против представителей партийного, советского и военного руководства.

Бывший муж Рахиль Абрамовны С. В. Поссе был арестован и расстрелян (в том же году или двумя годами позже). Его жену Татьяну Боду отправили в Карагандинский лагерь. Рахиль Абрамовну от немедленной расправы спасло только то, что она была бывшей женой «врага народа». Тем не менее ее уволили из БГУ и выброси-

На заседании кафедры. В центре:
Р. А. Никольская, Ф. М. Нечай, Н. М. Никольский. 1946 г.

ли из квартиры на улицу с тремя детьми, оставив без средств к существованию.

Помогли совершенно незнакомые люди, устроившие ее в небольшом частном доме по Клебановскому переулку (сейчас его уже нет). Пригодились навыки портнихи, приобретенные в детстве и юности, — Р. А. Поссе пошла работать на швейную фабрику «Октябрь».

Н. М. Никольский был единственным, кто мог прийти на помощь в самом крайнем случае, при возможном аресте самой Рахиль Абрамовны, и спасти детей. Потому старший сын Сергей получил от нее инструкцию — в случае, если она не вернется с очередного допроса в НКВД, укрыться у Никольских [9, с. 18].

Жизнь понемногу стала налаживаться. В 1938 г. Рахиль Абрамовна начала работать в оршанском Учителемском институте, читала курс истории Древнего мира, в БГУ — курс истории Древнего Востока как и. о. доцента по совместительству.

После начала Великой Отечественной войны Рахиль Абрамовна с детьми эвакуировалась в Агаповский район Челябинской области (Урал). Там она работала сначала бухгалтером в совхозе, затем директором начальной средней школы, наконец, директором эвакуированного детского дома.

После освобождения Белоруссии Рахиль Абрамовна возвращается в Минск. Там она устраивается на работу научным сотрудником в Институт истории АН БССР, которым руководит академик Н. М. Никольский. В 1945 г. она выходит замуж за своего учителя и принимает его фамилию. В январе 1947 г. по итогам успешной защиты диссертации по теме «Афинская демократия как форма диктатуры рабовладельцев» Р. А. Никольской была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

В сентябре 1949 г. Рахиль Абрамовна приступила к работе на кафедре истории древнего мира исторического факультета БГУ. Здесь она читала общие курсы истории первобытного общества, основ этнографии и истории Древнего Востока, а также спецкурс, посвященный афинской демократии. Высокий профессионализм преподавателя высшей школы Р. А. Никольской был подтвержден присвоением ей в 1957 г. ученого звания доцента.

Ныне профессор, а в начале 1950-х гг. первокурсник исторического факультета, М. С. Корзун вспоминает: «Первую лекцию по истории первобытного общества прочитала Рахиль Абрамовна Никольская. Потом на ее экзамене "вытянул" билет. Вторым из вопросов было возникновение и роль языка в обществе. Ответ на первый вопрос проходил при постоянном обмене взглядами. Мне показалось,

что меня слушает родная мама. Позже выяснилось, что экзаменатор и мама — ровесницы. Детский оккупационный опыт и школьное воспитание сформировали меня истинным сталинистом. Поэтому ответ на второй вопрос начал с определения языка, данного в работе И. В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". Цитата убедила Рахиль Абрамовну. Последним из немногочисленных слов экзаменатора стало "отлично". Такую же оценку я получил и на защите дипломной работы "Религия древних евреев", научным руководителем которой была тоже Р. А. Никольская» [8, с. 169].

В 1968 г. Рахиль Абрамовна вышла на пенсию. Она собиралась вплотную заняться написанием монографии, посвященной академику Н. М. Никольскому. Но преклонный возраст и пошатнувшееся здоровье не позволили ей завершить начатое.

В 1994 г. она вслед за своими детьми выехала на постоянное место жительства в США. Там 18 апреля 2004 г. Рахиль Абрамовна Никольская завершила свой полный испытаний и крутых поворотов жизненный путь, продолжавшийся 100 лет и два месяца.

КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В. Н. ПЕРЦЕВ
(1877—1960)

Свой жизненный путь Владимир Николаевич [14] описывает в автобиографии, которая открывает его личное дело. Документ представляет собой машинописный текст с авторской правкой (исправления и зачеркивания), заключительный абзац написан от руки. Время составления первоначального машинописного варианта автобиографии можно определить, опираясь на следующую фразу: «...остался в Ижевске, где продолжал работать до настоящего времени» (часть фразы после запятой зачеркнута). Исходя из этого, можно сделать вывод, что первоначальный машинописный вариант автобиографии был составлен в промежуток времени между летом 1942 г. и осенью 1943 г. Продолжен он был в 1946 г. Рукописная часть автобиографии была завершена не ранее конца 1951 г. Ниже приводится текст документа.

«[Л. 1] Я родился в 1877 г. в г. Курске в семье среднего служащего. В 1888 г. я поступил в курское реальное училище и окончил его в 1895 г. Меня привлекали к себе гуманитарные науки, но доступ в университеты в то время для окончивших реальное училище был закрыт. Я стал готовиться к экзамену экстерном за курс гимназии, пока же поступил сначала в Петербургский технологический институт, потом в Варшавский ветеринарный институт. В 1897 г. я выдержал экзамен на аттестат зрелости и поступил в число студентов

Профессор В. Н. Перцев.
1930-е гг.

Московского университета на историко-филологический факультет. В университете я занимался у профессоров В. В. Виппера, П. Г. Виноградова и М. С. Корелина, написав в руководимых ими семинарах ряд работ в необязательном порядке.

За участие в студенческих волнениях я два раза подвергался исключению из университета (в 1899 и 1901 гг.), причем после короткого (2-х недельного) заключения в Бутырской пересылочной тюрьме каждый раз подвергался высылке из Москвы в Курск под надзор полиции. Одно время я потерял даже надежду окончить университетский курс в России и в 1901 г. на собранные уроками деньги, с частичной помощью моей матери (отец умер в 1890 г.) совершил поездку за границу. Я слушал лекции в Венском и Берлинском университетах, но недостаток средств побудил меня вернуться в Россию, где я был снова принят в университет.

[Л. 2] Вследствие указанного я окончил университет с некоторым опозданием — в 1903 г. — пробыв в университете с перерывами 6 лет. Тогда же я был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию с зачислением меня на стипендию. С 1903 г. я начал преподавание в средних учебных заведениях г. Москвы тоже с перерывами, ибо уже в конце 1903 г. московский градоначальник отказал мне в выдаче свидетельства о политической благонадежности, мотивируя это моим участием в бытность студентом в студенческих волнениях.

Свою преподавательскую работу я мог возобновить только в 1905 г. с приближением революционного времени. Кроме преподавательской работы я читал лекции для рабочих Замоскворечья и занимался научной работой. В промежуток между 1903—1917 гг. мною было написано около 20 крупных работ на исторические темы в разных изданиях, журналах и сборниках и, кроме того, много мелких рецензий и обзоров исторической литературы также в журналах и некоторых сборниках (см. список научных работ).

На основании совокупности моих научных работ в 1918 г. я был избран профессором Смоленского гос[ударственного] университета и Педагогического института в Москве (что на Девичьем поле). После трехлетнего пребывания в Смоленске я был приглашен профессором в Белорусский гос[ударственный] университет, основанный в г. Минске. В Белорусском университете и выделившихся из него Педагогическом институте и Институте народного хозяйства я преподавал в течение сл[едующих] лет. Мне приходилось совершать и выезды из Минска для чтения общих курсов (в Археологическом ин[ституте]те г. Витебска, Витебском педагогическом институте,

в Могилевском пед[агогическом] ин[ститу]те, в [Л. 3] Рогачевском учительском ин[ститу]те) и для прочтения эпизодических публичных лекций (в Бобруйске, Борисове, Слуцке, Дзержинске и пр.). Продолжая свою научную работу, я написал книгу "Экономическое развитие Англии в XIX веке" и около 25 научных статей в минских, частично в московских изданиях ("Историческом журнале" и в издании "Всемирная история"). Центром моих работ по-прежнему оставалась история народного хозяйства и проблемы исторической идеологии (см. список научных работ).

В 1934 г. я по совокупности своих научных работ был удостоен ученой степени доктора исторических наук. В 1940 г. был избран действительным членом Академии наук БССР. За время своей преподавательской и научной деятельности я был неоднократно премирован и удостоивался грамотой от Наркомпроса и Педагогического института. В 1930 году (?)¹, в связи с 35-летием моей научной деятельности, в Минске было организовано публичное юбилейное чествование меня, *сопровождавшееся поднесением мне адреса от БГУ и МПИ и ряда ценных подарков. Это чествование вызвало отклик в минской печати. В газете "Правда" (центральной) в числе "знатных людей Белоруссии" был напечатан мой портрет*².

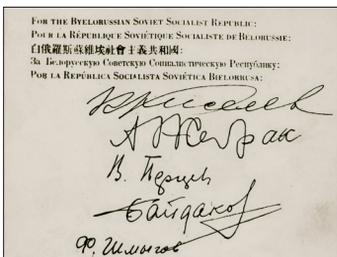
24 июня 1941 г. я в связи с начавшейся войной эвакуировался из г. Минска, добрался до г. Курска, где у меня были родственные связи, и был зачислен в число профессоров Курского педагогического института. Курский институт 2 октября 1941 г. был эвакуирован в г. Сарапул, куда я направился с прочими работниками института. Но в Сарапуле я не мог развернуть своей работы. В качестве председателя государственной экзаменационной комиссии я провел экзамены для выпускников, а затем переехал в г. Ижевск для работы в Удмуртском педагогическом институте в качес-[Л. 4]тве профессора и заведующего кафедрой истории. В июле 1942 г. я был избран профессором Казанского университета, но, в связи с квартирными затруднениями и трудностями переезда, остался в Ижевске, *где продолжал работать до настоящего времени*³.

В сентябре 1943 г. в связи с возобновлением деятельности Белорусского университета под Москвой (в местечке Сходня) я переехал в Москву и возобновил свою работу в Белорусском университете, а также в Академии наук БССР, в которой в скором времени

¹Опечатка в тексте. Правильно — 1940 г.

²Текст, выделенный курсивом, в автобиографии зачеркнут.

³Текст, выделенный курсивом, в автобиографии зачеркнут.

Подпись члена делегации
БССР В. Н. Перцева
на Уставе ООН. 1945 г.

был избран на должность академика-секретаря Отделения общественных наук. В январе 1944 г. я за научную деятельность был награжден Верховным Советом СССР Орденом Ленина, а Верховным Советом БССР — званием Заслуженного деятеля науки. С переездом [Белорусского государственного] университета и Академии наук в Минск в 1945 г. я также возвратился в г. Минск, где и продолжаю жить и работать до настоящего времени.

В мае-июне 1945 г. я был назначен правительством БССР на конференцию Объединенных Наций в г. Сан-Франциско.

В январе 1946 г. я был награжден медалью "За доблестный труд".

В феврале 1947 г. был избран депутатом Верховного Совета БССР. В январе 1949 г. в связи с тридцатилетием БССР я был награжден вторым Ордена Ленина. В 1947 г. в связи с семидесятилетием со дня рождения в г. Минске с участием представителей правитель[ственных] и парт[ийных] организаций состоялось мое публичное чествование. В 1951 г. я был награжден Орденом Ленина и почетной грамотой от Верховного Совета БССР. Тогда же я был переизбран депутатом Верх[овного] Совета.

В послевоенное время я несколько раз избирался делегатом от Белоруссии на некоторые съезды, происходившие в Москве: всесоюзный съезд деятелей славянского движения (март 1948), всесоюзный съезд сторонников мира (октябрь 1950)¹.

К этому подробному жизнеописанию добавить можно очень немного. Происходил Владимир Николаевич из дворян, его отец был статским советником (как и судейский чиновник Сорин в чеховской «Чайке»). Члены большой семьи Перцевых не отличались богатырским здоровьем, что видно из сохранившегося в личном деле заявления Владимира Николаевича в адрес Правления БГУ, датированного апрелем 1922 г.: «Прошу предоставить мне в пользование одну из квартир б[ывшего] Епархиального Училища (напр[имер] квартиру б[ывшей] начальницы Училища). Моя семья состоит из 4-х лиц: меня, сына 8 л[ет]², жены и сестры. Я ходатайствую о квартире в помещении Епарх. Училища потому, что как у меня, так и у моего сына

¹Текст последних двух абзацев написан от руки.

²Борис Владимирович Перцев пал смертью храбрых на фронте в 1941 г.

крайне слабые органы дыхания и легкие (отец, брат и сестра умерли от туберкулеза, одна из сестер больна туберкулезом), и потому мы нуждаемся в дачной, обильной воздухом обстановке. Для сына мы держим козу (в настоящее время с козленком), для которой двор Епарх[иального] Училища предоставляет большие удобства».

Судя по архивным документам, все 1930-е гг. над головой В. Н. Перцева был занесен домоклов меч карательных органов сталинского режима.

В докладной записке на имя Первого секретаря ЦК КП(б)Б Н. Ф. Гикало от 11 декабря 1932 г. сообщалось, что профессор кафедры истории Запада Минского высшего педагогического института Перцев «проходит сейчас по сводкам ГПУ как АСЭ [антисоветский элемент]» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6196. Л. 53).

В ходе проверки лиц, представленных к награждению орденами СССР, Первому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко была направлена следующая информация за личной подписью Л. Цанавы: «Настроен антисоветски; собираясь у себя на квартире с преподавателями педагогического института, вел контрреволюционные разговоры, направленные против политики партии и высказывал контрреволюционную клевету по адресу руководителей партии и правительства. В разговоре о снабжении населения, ПЕРЦЕВ сказал: "Если бы население бывшей царской России очутилось в таком

В. Н. Перцев (второй справа)
и Г. М. Лившиц (в центре). 1946 г.

В. Н. Перцев среди сотрудников. 1950 г.

В. Н. Перцев (*третий слева*) и Ф. М. Нечай (*второй справа*)
на заседании государственной комиссии. 1950 г.

В. Н. Перцев (в центре). 1956 г.

материальном положении, в каком находится при Советской власти, то революция произошла бы гораздо раньше семнадцатого года, какой-то политический переворот необходим и теперь, ибо политика партии и Сов. правительства все хуже и хуже давит на население. Большевики как ни стараются поддержать авторитет партии, но о ней у всех сложилось самое низкое мнение, даже природные пролетарии относятся презрительно и это вполне естественно, ибо жизнь при существующем руководстве есть самая отвратительная-тягостная". ПЕРЦЕВ в одном из разговоров сказал: "Задолго до революции, будучи еще студентом, я увлекся партией кадетов". ПЕРЦЕВ в преподавании своего предмета — истории народов средних веков ярко выдвигает Германию и предлагает *студентам 4-го курса*¹, едущим на практику в июне мес. 1939 г.², разрабатывать материалы, касающиеся исключительно Германии, как-то: "Древние германцы", "Социальная борьба в Кельне в 14—15 веках" и др.» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14695. Л. 233).

На историческом факультете БГУ Владимир Николаевич читал общие курсы лекций по истории, источниковедению и историографии западноевропейского средневековья, спецкурс «История Пруссии в средние века», вел спецсеминар «Ранний буржуазный гуманизм».

¹Подчеркнуто синим карандашом.

²Также подчеркнуто синим карандашом.

Мемориальная доска
на доме, где жил
В. Н. Перцев (г. Минск,
ул. Ленина, 3)

В 1955 г. кафедра истории древнего мира и кафедра истории средних веков были объединены. Во главе вновь созданной кафедры истории древнего мира и средних веков встал В. Н. Перцев. Выборы по конкурсу были проведены в следующем году.

Профессор Нинель Афиногеновна Гончарова вспоминает: «В Белорусский государственный университет я пришла в 1958 году. Латинский язык как учебная дисциплина находился в ведении кафедры истории древнего мира и средних веков. Заведовал кафедрой гордость белорусской исторической науки академик Владимир Николаевич Перцев. К этому времени он был человеком весьма почтенного возраста. По состоянию здоровья он редко появлялся на факультете. Заседания кафедры проводились у него дома. Обычно он встречал нас сидя в кресле. Члены кафедры рассаживались вокруг стола, нас было немного. В состав кафедры входили историк Федор Макарьевич Нечай (доцент), Гилер Маркович Лившиц (профессор), Рахиль Абрамовна Никольская (доцент, жена академика Николая Михайловича Никольского), Нина Антоновна Гусакова (старший преподаватель) и старшие преподаватели латинского языка Самуил Исаакович Пильман и Бенъямин Айзикович Мельцер» [5, с. 98–99].

Единственный сын академика В. Н. Перцева Борис погиб на фронте. Супруга, Наталья Владимировна, умерла вскоре после войны. На закате жизни он остался один, деля внимание между двумя своими основными местами работы: в Институте истории Академии наук и на историческом факультете БГУ. Между этими двумя центрами притяжения разделил он и двух своих аспиранток. Старшую, Валентину Чепко, успевшую защититься, взял в Институт истории. Младшую, Нину Гусакову, — на кафедру. Спустя много лет, в 1984 г., пути Валентины Владимировны и Нины Антоновны пересеклись на кафедре истории древнего мира и средних веков.

В 1959 г. ученым было запрещено совмещение работы на полную ставку в АН БССР и БГУ. Таким образом, перед В. Н. Перцевым встал выбор между должностями секретаря-академика Отделения общественных наук АН БССР и заведующего кафедрой истории древне-

го мира и средних веков БГУ. Владимир Николаевич выбрал кафедру и написал заявление об уходе из Академии наук.

Жизненный путь академика и профессора В. Н. Перцева завершился 3 июня 1960 г.

Древняя (гооргенская) Пруссия в научном наследии В. И. Перцева

Интересы Владимира Николаевича Перцева как историка до 1918 г. охватывали максимально возможный круг вопросов, связанных со всеобщей историей. У него были публикации, причем достаточно объемные и авторитетные, и по античной истории, и по средневековой, и по новой. С начала деятельности В. Н. Перцева в качестве университетского профессора (с 1918 г.) и приблизительно до конца 1920-х гг. круг его научных интересов, как отмечено в приведенной выше автобиографии ученого, включал в себя экономическую историю и историю идеологии. В то же время в него все в большей степени включается история Германии. Как отмечали белорусские исследователи М. Г. Елисеев и О. Г. Радькова, «формальное начало белорусской исторической германистики было положено публикацией в 1923[—1925] гг. Перцевым статей об общинной собственности у древних германцев и об исторической идеологии Бисмарка». Эти же авторы вспоминают, что Владимир Николаевич написал для многотомника «Всемирная история», издававшегося в 1930-х гг. АН СССР, разделы «Священная Римская империя в XVIII в.», «Фридрих II», «Культура и просвещение в Германии во второй половине XVIII века», для Энциклопедического словаря Гранат были написаны статьи о немецком историке Ф. Раумере, предпринимателе К. Ф. Штумме, прусском консервативном деятеле и ученом Ф. Ю. Штале [6, с. 221].

В 1950-х гг. В. Н. Перцев вновь обратился к истории Германии Нового времени в книгах «Германия в XVIII веке» (Минск, 1953) и «Очерки истории Германии XVIII века» (Минск, 1959).

Научные интересы В. Н. Перцева постепенно начали концентрироваться. Теперь его внимание привлекала история не всей Германии, а по преимуществу Пруссии. Вывод о том, что к 1940-м гг. профессиональный интерес В. Н. Перцева к прусской истории во всем ее многообразии оформился окончательно, может быть сделан на том основании, что в 1941 г. в трех научных учреждениях, где он работал (АН БССР, БГУ, МГПИ), им были подготовлены три статьи

по истории Пруссии Нового времени: «Исторические и общественные взгляды Канта» для сборника академического института истории, «Крестьяне Пруссии в конце XVIII и начале XIX в.» для 2-го выпуска «Ученых записок БГУ» за 1941 г. и «Образование Прусского государства» для 1-го выпуска «Ученых записок МГПИ» за 1941 г. Все три издания были уничтожены после захвата Минска немецко-фашистскими оккупантами [2, с. 25].

Начало Великой Отечественной войны расставило новые акценты в интересе В. Н. Перцева к Пруссии. Теперь его внимание привлекла тема истоков германского милитаризма. В марте 1942 г. в выступлении на сессии Академии наук БССР в Казани В. Н. Перцев говорил: «Историей Германии я интересуюсь давно, теперь же я веду свою работу в области изучения начальных моментов германской захватнической политики. Эти начальные моменты падают на XIII—XIV столетия» [4, с. 89].

Новое направление исследований разбилось на два потока. Один из них ориентировался на всесторонний анализ агрессивных действий со стороны Германии в средние века в статьях «Барацьба палачан і наўгародцаў супраць нямецкіх агрэсараў у XIII ст.» («Большавік Беларусі», 1945) и «Захват и заселение Бранденбургской марки немцами» («Ученые записки БГУ», 1950).

Второй поток был итогом еще одной концентрации научных интересов — теперь они были сфокусированы на истории древней (доорденской) Пруссии. В эвакуации, как это видно из характеристики, выданной Удмуртским ГПИ и сохранившейся в его личном деле, В. Н. Перцев занимался разработкой темы в следующей формулировке — «Пруссия до XIII в.».

Первым сюжетно законченным воплощением разработки истории прусского народа в доорденские времена в текстовой форме стала опубликованная в 1943 г. в журнале «Славяне» публицистическая статья под символическим названием «Древняя Пруссия и агрессивное пруссачество». Как представляется, эта статья знаменовала ту грань прусской истории, которая как раз и привлекла его внимание — контрастное противопоставление миролюбивого прусского населения германским агрессорам. Кроме того, можно высказать предположение, что В. Н. Перцев увидел в изучении древней (доорденской) Пруссии возможность в полной мере реализовать свой потенциал историка-исследователя.

Под названием «прусы» известна группа племен, являвшаяся коренным (автохтонным) населением южного побережья Балтий-

ского моря (между нижним течением Вислы и Немана). По языку пруссы были родственны летто-литовцам, по материальной культуре близки к летто-литовцам и славянам. К 1283 г. земля пруссов была завоевана рыцарями Тевтонского ордена. Народ Пруссии не знал письменности и не оставил после себя никаких нарративных и законодательных памятников. Таким образом, комплексное изучение прусской истории требовало от исследователя не только общеисторической подготовки, но также владения латинским и греческим языками, свободной ориентировки в сюжетах средневековой германской и церковной истории, в вопросах балтийской и древнеславянской религии и мифологии, археологии. В. Н. Перцев взялся за эту сложную работу и посвятил ей оставшиеся годы своей жизни.

Высказанные в журнале «Славяне» положения были развернуты в 1944 г. в весьма содержательную статью «Пруссия до ее завоевания немцами» [25]. В. Н. Перцев выделил ряд этапов развития древней Пруссии, ориентируясь при этом не на внутреннее развитие региона, а на наличие свидетельств античных и средневековых авторов: 1) до конца II в.; 2) III–VI вв.; 4) VI–IX вв.; 5) X–XIII, включая завоевание Пруссии Тевтонским орденом. При этом он предложил последовательное краткое изложение социально-экономических и политических сюжетов прусской истории от начала н. э. до конца IX в. В результате В. Н. Перцев пришел к выводу, что на этих землях начали складываться феодальные отношения «по крайней мере в зачаточной форме», а «завоевание Пруссии Орденом было по существу разбойничьим вмешательством, насильственно оборвавшим нить прусского исторического развития и задержавшим прогресс политической, общественной и экономической жизни Пруссии. Никакого цивилизующего влияния на историю Пруссии это завоевание не оказало» [25, с. 52].

Значительно расширенный текст этой статьи был положен в основу первого варианта монографии «Пруссия до ее завоевания немцами» (дело № 8). Текст рукописи сохранился фрагментарно (глава 2 без начала, глава 3 полностью, глава 4 без окончания) — с. 37–77 машинописи, оборванные на полуслове. Опорой для рассуждений В. Н. Перцева о прусском языке служат труды академика Н. Я. Марра по языкознанию (присутствует обширная цитата из Марра на с. 38 рукописи).

Рукопись второго варианта монографии (дело № 16) имеет объем 462 страницы машинописи, причем ссылки на произведения Н. Я. Марра сняты (зачеркнуты). Второй вариант совпадает с первым

частично — по материалам глав 3 и 4, начало же главы 2 коренным образом переработано. Этот вариант рукописи был возвращен издательством на доработку. Точно установить срок завершения работы над монографией после возвращения издательством не представляется возможным (подобного рода авторские указания отсутствуют). Однако приблизительный ответ на этот вопрос дает страница с двойной нумерацией, 30—31, из полной рукописи второго варианта монографии в машинописном исполнении. Уже то, что страница имеет двойную нумерацию и склеена из трех частей, указывает на ее более позднее относительно остальной части рукописи происхождение. На этой странице находится снятая (зачеркнутая) позднее В. Н. Перцевым цитата из работы И. В. Сталина по вопросам языкознания, причем ссылка вписана от руки — «Вопросы истории, 1950. № 7. С. 130». Таким образом, одна из (как можно допустить) последних правок в рукопись была внесена не позднее лета 1950 г. Вероятно, в ходе этой правки в тексте были сняты (зачеркнуты) также и ссылки на работы академика Н. Я. Марра.

В 1951 г. монографию В. Н. Перцева «Пруссия до ее завоевания немцами» отправили на отзыв в Москву. Судьбу исследования решила подписанная 7 декабря 1951 г. неизвестным столичным автором рецензия-отзыв (сохранилась в деле № 9). Начинаясь рецензия вполне мирно — с признания актуальности выбранной темы и ряда замечаний технического характера, причем совершенно справедливых. В частности, было указано, что в работе отсутствует глава 7 (и это действительно так, нумерация глав в рукописи нарушена, и за главой 6 сразу следует глава 8), что отдельные главы имеют непропорционально малые (или большие) размеры: от 24 до 112 страниц, с чем также нельзя не согласиться.

Однако вслед за этим следует обвинение В. Н. Перцева в недостаточном усвоении сталинской методологии. Автор рецензии пишет: «На последующих страницах монографии приведены некоторые цитаты из новой классической работы И. В. Сталина "Марксизм и языкознание", причем приведено одно из наиболее острых мест в высказываниях И. В. Сталина о сущности "учения" Марра. Словом, автор монографии недвусмысленно демонстрирует свое желание следовать методологическим указаниям тов. Сталина. Но одного желания мало — необходимо и творческое **усвоение** (выделено в документе. — *И. Е.*) сталинской методологии... В. Н. Перцев, однако, методологических указаний И. В. Сталина не усвоил, не понял. И поэтому, вводя в свой текст цитаты из труда И. В. Сталина "Марк-

сизм и вопросы языкознания", отказываясь от ссылок на Н. Я. Марра и его учеников, он все же сохраняет в своей монографии основные марровские положения». Далее на трех страницах излагается «марризм» В. Н. Перцева, который, в частности, заключается в том, что он признает пруссов автохтонами. Общий вывод рецензии был компромиссным — первые четыре главы нуждаются в коренной переработке, последующие же главы следует издать, «поскольку эта часть монографии представляет большую научную ценность».

Невозможность опубликования книги полностью не остановила работу В. Н. Перцева над изучением древней Пруссии. Фактически им была выбрана тактика публикации монографии по главам (в виде отдельных статей). Первыми были напечатаны две заключительные главы монографии, не вызвавшие замечаний со стороны анонимного рецензента. Однако нельзя сказать, что указанные статьи были публикациями глав в чистом виде. Значительная часть информации (речь идет об абзацах, страницах и сюжетно законченных разработках, занимающих несколько страниц) сокращалась, формулировки уточнялись.

При этом Владимир Николаевич подстраховался. Глава «Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами» первоначально была передана для публикации в юбилейный сборник в честь 30-летия БГУ, а когда возникли проблемы с его выходом в свет, отдал статью в «Ученые записки БГУ». В итоге статья появилась в печати дважды под одним и тем же названием (в юбилейном сборнике к 30-летию БГУ и регулярном выпуске). Кроме того, в текст статьи была внесена отсутствующая в рукописи монографии ссылка на работу И. В. Сталина «Марксизм и языкознание».

Подстраховался В. Н. Перцев и при публикации заключительной главы монографии «Культура и религия древних пруссов» в 1953 г. в «Ученых записках БГУ». Эта статья самая большая по объему из всех, посвященных Пруссии. Он начал статью с пространной цитаты из работы И. В. Сталина «Марксизм и языкознание» и общего рассуждения о марксистско-ленинском понимании роли и места идеологии в истории общества. На тактический характер цитаты и рассуждений указывает тот факт, что данный фрагмент отсутствует в полной рукописи второго варианта монографии.

В 1955–1956 гг. В. Н. Перцев продолжил свои исследования наиболее ранних периодов истории Пруссии в рамках госбюджетных тем, финансируемых БГУ. Общей своей целью, как это видно из отчета о научной работе кафедры истории средних веков за 1955 г., Владимир Николаевич поставил «доказать, что древние пруссы

были миролюбивым, способным к прогрессивному развитию народом, рано — уже на рубеже новой эры — приступившим к пашенному земледелию и к торговым связям с соседями, и что среди них рано возникло деление на классы, хотя основы первобытнообщинного строя удерживались вплоть до завоевания прусской земли немцами. В заключении автор имеет в виду подчеркнуть, что естественное развитие древних пруссов было насильственно прервано завоевателями-немцами, помешавшими мирному и способному народу идти вперед по пути прогресса». В рамках исполнения темы материал первой главы монографии «Пруссия по данным античных авторов (до II столетия н. э.)» был переработан в две статьи для «Ученых записок БГУ».

При этом профессор В. Н. Перцев показал, что он, высказав однажды достаточно аргументированное положение, не будет от него отказываться, пока не появится более веских контраргументов. Насколько позволяют судить указанные выше статьи Владимира Николаевича, критическое выступление рецензента не убедило его в ошибочности его взглядов на раннюю историю пруссов. По крайней мере, в 1956 г. он вновь повторяет раскритикованные рецензентом выводы первой главы своей монографии — «автохтонность пруссов на Прибалтийском побережье, их родственная близость не только с другими народами прибалтийской группы, но и со славянством — вот исходные пункты, от которых отправляется древняя прусская история» [24, с. 119].

Г. М. ЛИВШИЦ (1909—1983)

Гилер Маркович (Мордухович) Лившиц [15] родился 25 июня 1909 г. в поселке Дараганово, относившемся тогда к Новодорожской волости Бобруйского уезда Минской губернии (ныне Осиповичский район Могилевской области), в семье мелкого торговца. Первоначальное образование мальчик получил в местном хедере, где меламед научил его ивриту, читать и толковать Тору и Талмуд. Знания эти Гилер сохранил до конца жизни, оставаясь одним из немногих историков, способных читать Ветхий Завет Библии на языке оригинала.

Обучение в хедере, в котором светские науки не изучались вообще, обычно не имело продолжения для мальчика из еврейского белорусского местечка. Однако ситуация изменилась коренным об-

разом после образования БССР. Теперь путь к бесплатному школьному образованию был открыт для представителей всех национальностей. В 1927 г. Гилер закончил стародорожскую семилетнюю школу.

Семья Лившица не имела материальных средств для того, чтобы обеспечить ему возможность продолжить образование. Поэтому Гилер пошел сам зарабатывать на кусок хлеба. Получив специальность столяра и поработав немного в Дараганово, юноша решил перебраться в столицу республики, в Минск. Там он устроился работать по своей основной специальности на Минский завод стандартных домов.

Тяга к знаниям тем временем его не оставляла. Тем более что для учебы рабоче-крестьянской молодежи создавались необходимые условия. В стране с 1919 г. действовала система рабфаков, готовивших к поступлению в высшие учебные заведения. Пройдя такие курсы при Белорусском государственном высшем педагогическом институте, Гилер был зачислен в 1931 г. на первый курс экономического отделения социально-экономического факультета. Влияние на выбор профессии, возможно, оказала коммерческая деятельность его отца.

Пройдя полный курс обучения и сдав квалификационные государственные экзамены, Гилер Лившиц получил в 1934 г. диплом преподавателя, дававший ему право работать в техникумах, школах ФЗУ и на рабфаках.

Ему было 25 лет. И он чувствовал, что подлинный его жизненный путь еще не открылся. Решающую роль в дальнейшей судьбе Лившица сыграл профессор Владимир Николаевич Перцев, заведовавший в то время кафедрой всеобщей истории в педагогическом институте. Именно он пригласил в аспирантуру при кафедре показавшегося ему способным к истории молодого человека.

Профессор Перцев не ошибся в выборе. Гилер Лившиц успешно сдал вступительные экзамены и поступил в аспирантуру. Во время учебы он не только работал над кандидатской диссертацией, но и преподавал в педагогическом институте и на созданном в БГУ историческом факультете. Благо, что там работал и профессор В. Н. Перцев. В педагогическом институте Г. М. Лившиц был штатным сотрудником, в БГУ — совместителем. По совместительству он

Студент Г. М. Лившиц,
1933 г.

также работал в Минском юридическом институте (ныне — юридический факультет БГУ).

Вскоре произошли важные события в личной жизни Гилера Марковича. В 1938 г. он женился на Брониславе Рившиной, студентке Минского медицинского института. К середине следующего года у них родилась дочь Инна.

Столь же счастливо обминул семью и кровавый молох сталинских репрессий. Марк Лившиц, его сын, писал в своих воспоминаниях: «Впоследствии работник органов рассказывал отцу, что вычеркнул его фамилию из списка, исходя из личных симпатий. Он так и сказал: "Гилер, ты хороший парень, я тебя вычеркнул из списка"» [22, с. 138].

В том же 1939 г. он получил законное право именоваться ученым-историком и заниматься наукой. В 1939 г. состоялась защита кандидатской диссертации Гилера Марковича Лившица «Социально-политическая борьба 60-х гг. I в. до н. э. в Риме и заговор Катилины». Это была первая защита кандидатской диссертации по всеобщей истории в Белоруссии. На следующий год Гилер Маркович стал первым в БССР доцентом по всеобщей истории. В 1941 г. доценту Лившицу с учетом его базового высшего экономического образования было присвоено достаточно высокое воинское звание интенданта 3-го ранга, которое соответствовало званиям капитана и старшего политрука.

После начала Великой Отечественной войны Гилер Маркович переправил свою семью в Могилев, а сам явился в действующую армию. Воинская служба началась в комендантском взводе в городе Новозыбкове. Его воинская часть, входившая в состав 13-й армии, попала в окружение, но смогла вырваться из него под Пропойском и отойти с боями на восток.

В октябре 1941 г. Г. М. Лившиц был временно демобилизован. В то время на сборных пунктах и военкоматах скопилось большое число кадровых офицеров из разбитых частей.

В дальнейшем Гилер Маркович подпал под бронирование лиц высшей квалификации и был отправлен в эвакуацию к родственникам в южный Казахстан, где он встретился со своей семьей. Там его приняли на работу в Кзыл-Ординский педагогический институт (ныне университет) на должность доцента. Гилер Маркович получил возможность заниматься любимой работой и обеспечить приемлемый уровень жизни своей семье. Кроме того, значительно расширился диапазон его преподавательских возможностей. В силу огромного дефицита квалифицированных кадров ему пришлось

читать общие курсы лекций и вести семинары по древней, средневековой и новой истории.

Война еще продолжалась, но Минск уже был освобожден. В город с подмосковной станции Сходня вернулся БГУ. Для налаживания его нормальной работы со всей страны начали собирать старых сотрудников. В числе прочих был вызван из Казахстана и доцент Г. М. Лившиц.

По прибытии в Минск он написал следующее заявление на имя ректора: «Согласно Вашего вызова я сегодня прибыл в гор[од] Минск и готов приступить к своим обязанностям в качестве доцента кафедры истории ср[едних] веков. Прошу оформить меня штатным работником Белгосуниверситета». Резолюция ректора гласила: «В приказ: зачислить доц[ентом] каф[едры] ср[едних] веков с 25.X.44 г.».

В Минске у Гилера Марковича родился второй ребенок — сын Марк.

Переход Г. М. Лившица в БГУ вызвал некоторое замешательство на его прежнем месте работы — Минском государственном педагогическом институте им. М. Горького (МГПИ). Там тоже имели на него определенные виды. Тем более что до войны Г. М. Лившиц на постоянной основе работал именно в педагогическом институте.

Буквально через несколько дней, 1 ноября, его назначили исполняющим обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории, а с 1 февраля 1947 г. — заведующим кафедрой.

Однако в конце концов Г. М. Лившиц выбрал в качестве основного места своей дальнейшей работы БГУ. 14 августа 1950 г. он покинул пост заведующего кафедрой всеобщей истории МГПИ и продолжал работать там в качестве совместителя.

В университете Гилер Маркович читал курс лекций и вел семинары по истории Средних веков.

Следует отметить, что высшие учебные заведения послевоенной Белоруссии испытывали настоящий кадровый голод, ученым приходилось работать в нескольких местах. Поэтому с 1944 г. Г. М. Лившиц продолжил работу совместителем в юридическом институте.

Кзыл-Ординский период оказался насыщенным и разнообразным в плане научно-педагогической практики. Наука же в то время отошла на второй план. Возвращение в Минск позволило историку вновь обратиться к отложенным ранее темам по истории Древнего Рима. Для будущей докторской диссертации Г. М. Лившиц сначала выбрал тему «Общественно-политические и философские воззрения Цицерона». Затем он радикально изменил направление сво-

их исследований и взялся за разработку темы «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима».

Обе темы были связаны с историей Древнего Рима. Исследователь возвращался в большую науку. Но база его прежних изысканий была к тому времени полностью уничтожена: рукопись кандидатской диссертации и пять научных публикаций пропали во время немецко-фашистской оккупации Минска. В научной работе Г. М. Лившица возникла лакуна. Для того чтобы двигаться вперед, ее нужно было восполнить. Для этого им были опубликованы три статьи по тематике кандидатской диссертации: «Эпизод борьбы за диктатуру в Риме I в. до н. э. (заговоры 66 г.)» (1948); «Политическая борьба в Риме накануне заговора Катилины» (1950); «Заговор Катилины и его социальная база» (1953).

Отдав долги прошлому, Г. М. Лившиц уверенной поступью направился в будущее. В 1957 г. увидела свет его монография «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима».

Появление книги насторожило некоторых ученых, не связанных с историей, в частности филолога члена-корреспондента АН БССР Ивана Васильевича Гуторова, который на ученом совете университета заявил, что книга может вызвать международные осложнения.

Возможно, повод для столь неожиданного заключения дал Суэцкий кризис 1956 г., когда Израиль при прямой военной поддержке Великобритании и Франции атаковал Египет, во главе которого

Г. М. Лившиц (второй справа),
В. Н. Перцев (третий справа). 1950-е гг.

На даче у В. Н. Перцева.

В первом ряду: Н. В. Перцева (*вторая слева*), В. Н. Перцев (*третий слева*).
Во втором ряду: Г. М. Лившиц (*третий слева*). 1950-е гг.

находился Гамаль Абдель Насер, вызывавший симпатии у высшего партийного руководства СССР. В 1964 г. Героями Советского Союза стали и сам президент Насер, и его соратник фельдмаршал Амер, активный участник боевых действий 1956 г.

Тем не менее Министерство иностранных дел СССР дало официальное заключение, что ни с какими странами указанная В. И. Гуровым книга отношения не осложнит.

Монография Гилера Марковича получила высокую оценку при обсуждении на кафедре истории древнего мира МГУ в 1958 г. Однако рецензент книги профессор М. Ф. Поршнев высказал свое сомнение в возможности рассматривать ее в качестве основы для будущей докторской диссертации. По его мнению, книга недостаточно полно раскрывает материал о движении и восстаниях в провинциях Рима в свете недавно открытых источников. Имелись в виду кумранские рукописи. И в этом профессор М. Ф. Поршнев был безусловно прав. Кумранские тексты несли в себе бесценную информацию не только об общине ессеев, но и о восстании Бар-Кохбы против римского владычества 131–135 гг. (деловые документы и два письма самого предводителя восстания).

Преодолеть этот барьер оказалось проще, чем бюрократические препоны и рогатки. В рекордно сжатые сроки Г. М. Лившиц написал и издал требуемую монографию: «Кумранские рукописи и их

историческое значение» (1959). Причем тема эта еще долго не отпустила его.

В 1967 г. он издал монографию «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря». Также профессор Лившиц читал специальный спецкурс, посвященный кумранским находкам.

Профессор В. А. Федосик вспоминает: «На 3-м курсе Гилер Маркович читал нам свой спецкурс по кумранским рукописям. Он не просто излагал свои выводы, а посвящал нас в лабораторию своих исследований. Показывал фотографии и ксерокопии рукописей, объяснял методику работы с текстами» [22, с. 164]. Научная степень доктора исторических наук была присуждена Г. М. Лившицу в 1960 г. после защиты докторской диссертации по этим двум монографиям. В 1962 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В конце 1960-х гг. началось издание 12-томной Белорусской советской энциклопедии. Гилер Маркович принял активное участие в этом масштабном проекте. Его перу принадлежат статьи «Візанцізнаўства», «Венецыянская рэспубліка», «Вялікае перасяленне народаў», «Крыжовыя паходы», «Лацінская імперыя», «Тэўтонскі ордэн» и др. Статья «Симон бар Гиора», написанная им для Советской исторической энциклопедии, была также помещена в Большой советской энциклопедии (3-е издание).

В студенческой аудитории профессор Г. М. Лившиц был всегда разным, не менялось только одно — высокий профессионализм лектора и уважительное отношение к студентам.

Середина 1950-х, курс истории Средних веков: «Гилер Маркович ворвался в аудиторию и бросил папку на кафедру. Пока поднявшись в приветствии студенты усаживались, он распахнул форточку и обеими руками начал обмахивать лицо морозным воздухом. Энергично повернулся, и нельзя было заметить, когда он достал конспект. Это был мужчина высокого роста. Черные волосы. Посередине затылка короткая челка, зачесанная на темя. Брови густые. Лицо чуть продолговатое. Не хватало только усов и бородки для полного сходства с крестовым королем на глянцевой игровой карте. Высокий зычный голос, едва заметная одухотворяющая улыбка дополняли исходящую от учителя энергию. На лекции его душа была нарастающей, а не как у формально диктующего конспект, застегнутого на все пуговицы лектора.

Гилер Маркович экзаменовал так же, как читал лекции, — энергично и напористо... О причинах первого крестового похода я успел сказать только несколько предложений. А потом началась "перестрелка" между дуэлянтами: вопрос — ответ. Количество "выстре-

лов" определял экзаменатор: даты всех крестовых походов, названия органов управления и т. д. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Руководители первого похода? — Годфруа Бульонский, Боэмунд Тарентский. — А четвертого? — Князь... осечка. Теперь старому сердечнику может быть лучше выразиться, что случилась систола в ритме ответов... Хорошо помнятся слова и легкая улыбка Гилера Марковича: "А еще отличник..."» [22, с. 169].

Вторая половина 1960-х, курс истории стран Азии и Африки, по которому не было удовлетворяющего лектора учебника: «В аудиторию Гилер Маркович вошел стремительно. Оказавшись за кафедрой, он сразу же сообщил, что хотя курс очень сложный, но главное — вести конспект лекций, и успех на зачете будет обеспечен. В крайнем случае, если будут трудности с ответом на какой-либо вопрос, то последней спасительной соломинкой станет знание основателей трех японских сегунатов. Он пошел вдоль рядов длинной аудитории, где мы занимались, и стал знакомиться со студентами. Особый интерес вызвали у профессора студенты, занимавшие последний ряд. Там, на "камчатке", обычно располагались те, кто предпочитал не слушать лекции, а заниматься своими делами. Особенно долго он поговорил с нашим однокурсником Николаем Лирой, высоким худым студентом, который где-то работал и на занятия приходил, естественно, усталым. Знакомство с аудиторией сопровождалось обоюдными шутками. Профессор с серьезным выражением лица на самом деле оказался веселым, добрым человеком, который искренне вникал в заботы студентов.

Лекции Гилер Маркович читал не спеша, диктовал, чтобы все успевали записывать. Каждое занятие начиналось с вопроса: "А Лира здесь?" Польщенный вниманием Николай вставал и радостно отвечал: "Здесь!" После короткого разговора о проблемах студенческой жизни Н. Леры начиналась лекция. Никто не шумел, все старательно записывали. Если профессор замечал, что аудитория начинала уставать, то тут же следовала реплика: "А... (называет фамилию) спит!" — и следовал взрыв хохота. Или же, записав на доске имя какого-либо китайского или арабского правителя, Гилер Маркович тут же дописывал: "А Лира на ходу подметки рвет" (или что-нибудь в этом роде), — и снова все смеялись. В общем лекции проходили весело, Гилер Маркович излучал какую-то необыкновенную энергию, и работали все. Никому и в голову не приходило пропускать его лекции» [22, с. 163–164].

На закате жизни больному раком Гилеру Марковичу было физически тяжело добираться до университетского корпуса, поэтому его

сопровождал сын Марк: «Привел его в очередной раз в университет, сел в аудитории и смотрел, как отец принимал зачет по истории Востока у студентов заочной или вечерней формы обучения. Никто из студентов не помнил, конечно, ни одной династии, все боялись войти в аудиторию. Отец выходил в коридор и успевал заметить кого-то из разбегающейся группы. "Жертва" всходила на "эшафот" и мужественно брала билет. Далее происходила типичная ситуация. На лице появлялось выражение неподдельного ужаса, а папа усаживал студента и начинал убаюкивающую беседу о древних корейцах. Постепенно студент приходил в себя и начинал понимать, о чем говорил отец, еще через некоторое время он даже кивал головой в знак согласия с ним. Оказывается, он знал, что в VII в. до н. э. в Корее правила династия Цин. Папа неспешно продолжал выпрашивать подробности, одновременно заполняя зачетку и обстоятельно разъясняя студенту, что в VII в. после Цин Ким Чина пришел Ким Чин Ким и сместил Цин Чина, а потом вновь посадил на трон Цин Ким Чина младшего. "Правильно?" — спрашивал папа у студента, которому становилось дурно от одной мысли, что все это можно держать в голове и остаться при этом нормальным человеком. Поставив "зачет", папа передавал зачетку студенту со словами: "Так ведь надо же было это сказать!"» [22, с. 153–154].

Отдельной строкой в научном творчестве Гилера Марковича Лившица проходят монографии, посвященные истории атеизма от древности до начала XX в. Книги выходят с интервалом в один-два года на протяжении десяти лет: «Свободомыслие и атеизм в древности в средние века» (1973), «Свободомыслие и материалистическая философия в Западной Европе (вторая половина XVII в.)» (1975 г. — принята ученым советом БГУ в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук), «Французские просветители XVIII века о религии и церкви» (1976), «Атеизм Людвига Фейербаха» (1978), «Атеизм русских революционных демократов» (1979), «Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова» (1981), «Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса» (1982), «Критика В. И. Лениным идеализма и религии» (1983).

Подлинная научная концепция не может быть поставлена на поток. Она проходит длительный период от возникновения идеи через вызревание к реализации. В данном случае количество приносится в жертву качеству. Некоторые из указанных книг имеют очевидный налет конъюнктуры и несут следы поспешности, недоработки и поверхностности.

Это прекрасно понимали близкие профессора Г. М. Лившица. Его сын, Марк, сам будучи ученым, кандидатом физических наук, вспоминал: «Признаюсь, я уговаривал отца остановить поток ежегодных публикаций, явно уступавших по сложности его фундаментальным трудам, принесшим мировую известность и вполне заслуженное уважение научной общественности. Его высокий авторитет в кругу специалистов по всеобщей истории не нуждался в дополнительном подтверждении» [22, с. 147].

Профессор Г. М. Лившиц.
1970-е гг.

Одна книга Гилера Марковича осталась стоять особняком. Это выстраданная им монография о классовой борьбе в Иудее. Свой законченный вид она обрела только в XXI в., когда в 2009 г. была опубликована глава «Еврейская диаспора в свете взаимоотношений Иудеи с Римом» [22, с. 92–134].

Только теперь в полной мере стала понятна концепция автора. Не о классовой борьбе в ее узкомарксистском толковании писал Гилер Маркович, «а об особой социальной структуре Иудеи, претерпевшей специфическую эволюцию во времена персидского владычества, при Хасмонеях, римлянах. Основной сюжет... разворачивается в противоречиях религиозно-политических группировок, а не "классов" в римской Иудее, за которыми стояли конкретные социальные интересы» [22, с. 5–6].

Жизненный путь профессора Г. М. Лившица завершился 27 июня 1983 г.

ЛАТИНИСТЫ КАФЕДРЫ

В царской России латынь была достаточно распространенным языком. Ее в обязательном порядке изучали в классических гимназиях, университетах, духовных семинариях и академиях.

В СССР сфера распространения латинского языка значительно сократилась, ограничившись только некоторыми специальностями в вузах. Попытка введения преподавания латинского языка в средних школах, предпринятая в конце 1940-х — начале 1950-х гг., успехом не увенчалась.

В наименьшем объеме латынь изучали будущие биологи и медики (только отдельные названия). Юристы помимо терминологии овладевали еще и основами грамматики и запоминали крылатые выражения, такие как «*dura lex, sed lex*» (закон суров, но это закон). Историки же учились читать и переводить сравнительно большие связанные тексты.

Преподавателей латинского языка в то время в Белоруссии не готовили. В университете работали выпускники отделений классической филологии из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, создавая уникальную возможность собрать воедино методики различных школ и сформировать на этой основе свою собственную традицию.

В 1930-х гг. латинский язык преподавали Иосиф Натанович Файнберг и Михаил Федорович Старжинский, входившие в состав кафедры. В 1943–1944 гг. латинский язык на факультете преподавали сотрудники филологического факультета Д. И. Захаров и А. Н. Смирнов. Работали они в очень тяжелых условиях: совершенно не было учебников и пособий, весь материал приходилось записывать на доске.

После войны латинский язык преподавали работавшие на кафедре Андрей Федорович Бондарин, Андрей Михайлович Малинин, Бенъямин Исаакович Мельцер, Самуил Исаакович Пильман.

Андрей Федорович Бондарин [18] родился в 1877 г. в Брест-Литовске в семье железнодорожного кондуктора. Он получил хорошее образование: окончил классическую гимназию (1898) и Учительский институт (1902), после чего на долгие годы связал себя со школой, преподавая математику в Могилеве и Гродно. Участник Первой мировой и Гражданской войн.

Когда наступило мирное время, закончил физико-математический факультет Смоленского университета и вновь вернулся в школу, на этот раз в Минске. Кроме того, в 1930–1934 гг. он преподавал математику на рабфаке Института народного хозяйства.

Во время Великой Отечественной войны Андрей Федорович был в эвакуации в Северной Осетии. В этот период он также преподавал в школе.

В 1944 г. А. Ф. Бондарин вернулся в освобожденный Минск. Неожиданно очень востребованным оказалось его знание латинского языка, пусть даже и уровня царской гимназии. Он был приглашен преподавать латынь в Минский юридический институт. В 1948 г. Андрея Федоровича пригласил на кафедру истории средних веков

академик Владимир Николаевич Перцев. На кафедре А. Ф. Бондарин проработал в должности старшего преподавателя до своего выхода на пенсию в 1958 г. Но и на заслуженном отдыхе он продолжал обучать студентов латыни на заочном факультете на условиях почасовой оплаты.

Профессор Н. А. Гончарова оставила о нем в своих воспоминаниях очень теплый отзыв: «Он был знаменит своей необыкновенной добротой и снисходительностью по отношению к студентам. Никогда не ставил оценок ниже "хорошо". При этом непременно интересовался у студента, какую оценку тот предпочел бы получить. Как и Владимир Николаевич Перцев, Бондарин относился к той плеяде вузовской интеллигенции, которая получила образование еще в царской России и отличалась своей гуманностью. Меня он покорила добросердечным искренним напутствием. Более того, подарил свой рабочий конспект и составленный им список афоризмов. В 50-е гг. учебники латинского языка были редкостью и получить методические разработки опытного преподавателя было большой удачей. Небольшого роста, сухонький, живой, с лучистыми добрыми глазами и быстрой речью, Бондарин вызывал к себе симпатию и доверие. Знакомство с ним я воспринимала как добрый знак. Так что благословение на работу в университете я получила из рук хорошего человека» [5, с. 99].

Андрей Михайлович Малинин [17], талантливый латинист и медиевист весьма непростой судьбы, также преподавал латынь, хотя и недолго, на кафедре истории средних веков. А. М. Малинин, из дворян, родился в семье военврача. После окончания в 1906 г. 4-й Санкт-Петербургской гимназии поступил в столичный университет, где работал под руководством видных российских медиевистов профессоров И. М. Гревса (1860–1941) и А. Н. Ясинского (1864–1933). Через три года он перешел в Юрьевский университет, который окончил в 1911 г., получив специальности медиевиста и филолога-классика. В 1913 г. Совет Юрьевского университета удостоил молодого ученого степени кандидата истории «с присвоением ему всех прав и преимуществ, которые по существующим в Российской Империи законам сопряжены с сей степенью». В этом же

А. М. Малинин

году он приступил к работе в Николаевском учительском институте (1913—1916). В 1919—1921 гг. А. М. Малинин преподавал в Крымском университете.

В дальнейшем Андрей Михайлович преподавал в ленинградских вузах. После выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 января 1934 г. получил звание доцента. В сентябре 1938 г. А. М. Малинин стал заведующим кафедрой древних языков Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. В 1941 г. вышли в свет две его главные работы — «Латинско-русский словарь для вузов» (2-е издание появилось в 1947 г.) и русский перевод «Книги о делах управления» аббата Сугерия. Данный перевод стал основой уже подготовленной к защите кандидатской диссертации.

Однако началась война, и так хорошо складывавшаяся научная карьера пошла под откос. Немцы захватили Пулковку, где жил ученый, — в огне пожара погибла вся его библиотека и рукопись диссертации. Во время блокады Ленинграда А. М. Малинин продолжал преподавательскую деятельность, пока не началась эвакуация вузов города (в августе 1942 г.). Андрей Михайлович попал в Кисловодск, где сразу же был госпитализирован с диагнозом дистрофия. Не успел он оправиться, как город был захвачен немецко-фашистскими войсками. На этот раз А. И. Малинин эвакуироваться не смог. Четыре месяца провел он в оккупированном городе, зарабатывая на жизнь преподаванием латинского языка в I Ленинградском медицинском институте, который находился в Кисловодске в эвакуации и в полном составе (и студенты, и преподаватели). После освобождения Кисловодска Андрей Михайлович работал в Карачаево-Черкесском педагогическом институте (1943—1944), после ликвидации последнего был переведен в Ставропольский педагогический институт, где в 1945 г. возглавил кафедру всеобщей истории.

Казалось, все понемногу начинает налаживаться. В 1946 г. А. М. Малинин защитил в Московском государственном педагогическом институте кандидатскую диссертацию по теме «Аббат Сугерий и его «Книга о делах управления» как источник для истории Франции». В 1947 г. он оставил заведование кафедрой, чтобы сконцентрироваться на работе над докторской диссертацией (возраст обывал — уже за 60!), посвященной генезису феодальной монархии. После переутверждения в 1948 г. ВАКом СССР в звании доцента (документы о присвоении звания в 1934 г. пропали во время эвакуации) А. М. Малинин перевелся в Минск, где после войны жил его старший сын Георгий Андреевич (полковник, начальник I отдела ГУМПВО МВД СССР), и был избран по конкурсу на должность до-

цента кафедры всеобщей истории МГПИ. Сын Павел пал смертью храбрых при освобождении Минска. Одна дочь, Марианна, была инженером и жила в Ленинграде. Вторая дочь, Елизавета, осталась преподавать в Ставропольском педагогическом институте.

Буквально через два месяца (точнее, 8 ноября) заведующий кафедрой истории средних веков академик АН БССР В. Н. Перцев инициировал приглашение ученого в БГУ на условии почасовой оплаты. В 1949 г. А. М. Малинин стал совместителем (полставки) доцента кафедры истории средних веков БГУ. В 1953 г. университет предоставил ему отпуск (правда, без сохранения содержания) для завершения докторской диссертации. Однако последняя так и не была закончена.

В 1955 г. доцент А. М. Малинин прекратил сотрудничество с кафедрой.

Беньямин Айзикович Мельцер [21] родился в 1915 г. в Польше, в небольшом городке Снятине (Станиславовское воеводство). К началу Второй мировой войны он успел окончить классическую гимназию и пройти курс обучения в Краковском университете. В результате он привнес на кафедру традиции польской системы преподавания латыни.

В 1945 г. Б. А. Мельцер окончил экстерном Минский юридический институт, где преподавал римское право, латинский и немецкий языки.

В 1948 г. Беньямин Айзикович был приглашен на кафедру истории средних веков БГУ как старший преподаватель латинского языка.

Профессор Н. А. Гончарова пишет: «Б. А. был женат на женщине красивой, статной, царственно величественной и в отличие от него, подвижного как ртуть, столь же царственно спокойной. Она относилась к той породе людей, которые способны повелевать движением ресниц. Б. А. гордился своей Любой (Абрамович Любовь Израилевна. — *И. Е.*) и обожал ее. Большую часть семейных забот брал на себя. Умел и любил готовить, делал заготовки из овощей и фруктов. В семье он был скорее хозяйкой, чем хозяином. Но это его не тяготило, а доставляло удовольствие. Детей у супругов не было. Все свои нерастраченные отцовские чувства Б. А. дарил студентам...

Б. А. Мельцер

Секрет педагогического мастерства Б. А. заключался в том, что он не сосредоточивался только на латинской грамматике и переводах текста, а попутно привлекал сведения, связанные с историей, литературой, культурой античности, использовал возможности афористики... Темперамент Б. А. проявлялся в том, как проходили занятия: в быстром темпе, эмоционально, с обязательной обратной связью. Студенты, не замечая времени, находились в атмосфере языка и его культурных реалий. Б. А. успевал за полтора часа опросить многих студентов, по ходу комментируя их ответы, не упуская случая отпустить шутку по поводу неудачного ответа. Тут же использовал возможность кстати ввести культурологический материал... Преподаватель и студенты были единым организмом. Все было захватывающе интересно» [5, с. 101–103].

В 1975 г. Бенъямин Айзикович вышел на пенсию.

Самуил Исаакович Пильман [20] родился в Бобруйске в 1889 г. в семье кустика. После получения базового школьного образования ему удалось успешно окончить гимназию (экстерном), давшую ему фундаментальные знания по латыни и свободное владение французским языком. С 1918 г. он начал работать учителем математики в школе.

В 1931 г. Самуил Исаакович, будучи уже взрослым человеком, поступил в БГУ на физико-математический факультет, который окончил в 1935 г., и вновь вернулся в школу.

Через три года его пригласили консультантом-методистом по математике в народный комиссариат (а затем министерство) просвещения БССР.

С. И. Пильман

После войны нужда системы образования в специалистах-латинистах была особо острой и С. И. Пильману предложили заняться преподаванием латинского языка. При этом он продолжал (до 1958 г.) работать учителем математики в школе.

Профессор Н. А. Гончарова вспоминает: «За многие годы нашей совместной работы С. И. внешне практически не менялся. Небольшого роста, лысый, плотный старик обтекаемой формы, не знающий, что значит простужаться, да и вообще болеть. Ходил медленно, размеренно, никогда не оглядывался по сторонам... Не пом-

ню, чтобы С. И. присутствовал на общих собраниях или заседаниях совета факультета, выполнял какие-либо общественные поручения, в партию не вступил. И никому даже в голову не приходило навязывать ему нечто подобное. Все принимали его таким, каков он есть.

Своей единственной обязанностью он считал только занятия со студентами или аспирантами, на которые приходил задолго до их начала, никогда не опаздывал. Как в жизни, во внешнем виде, поведении, одежде, так и в работе у С. И. существовал раз и навсегда установленный стереотип. Из года в год он проводил свои занятия по одному и тому же плану, ничего не меняя. Его требования сводились к знанию грамматики и умению переводить тексты, что, впрочем, тогда полностью соответствовало требованиям типовой программы по латыни. Ничего отвлекающего. Никогда не повышал голос на студентов. Хотя и повода не было — студенты вели себя безупречно на его занятиях. Понимали, что с С. И. не забалуешь. Он добивался дисциплины и серьезного отношения к предмету спокойной уверенностью в непреложности происходящего. Священнодействовал. Его студенты спокойно воспринимали требования, учили наизусть парадигмы склонения, морфологическую структуру времен глагола и т. п. Причем у С. И. была оригинальная система опроса — не по вертикали, а по горизонтали. Например, спрашивал не окончания I, II и т. д. склонения, а окончания одного падежа, например, винительного, всех пяти склонений: -am, -um, -em, -im, -em и т. п. Проверяя перевод текста, С. И. обязательно задавал вопросы по грамматике. В оценке был строг. И в этом отношении у него были свои нормативы. Если в контрольной работе студента-заочника оказалось восемь ошибок, последний получал "не зачтено". В этом отношении он был предельно объективен. Рассчитывать на поблажки не приходилось. Входил в аудиторию строго по звонку и по звонку покидал ее... Работа в аудитории напоминала четко отлаженный механизм, который не давал сбоев... У С. И. была семья: жена, двое детей (сын и дочь), внуки. Они с женой жили вместе с семьей дочери. В семье С. И. находился в привилегированном положении, как и подобает настоящему мужчине. Никаких хозяйственных забот. Самое большое — он мог сходить в магазин за продуктами или погулять с внучкой в парке. На этот счет у него были свои принципы. И вообще по любому вопросу у С. И. было сформировано четкое и неизменное мнение» [5, с. 105–107]. В 1973 г. в возрасте 84 лет Самуил Исаакович вышел на пенсию, продолжая преподавать латынь на условиях почасовой оплаты.

Н. А. Гончарова

Нинель Афиногеновна Гончарова получила специальность преподавателя латинского и французского языков в стенах Киевского университета. По ее словам, обучение дало ей крайне скудный методический багаж: «На классическом отделении... господствовал грамматический метод обучения. На педагогическую практику отводился всего месяц. Один показательный урок — и все. Можешь считать себя готовым преподавателем» [5, с. 102].

Последовавшая после университета работа в Минском институте иностранных языков тоже немногим обогатила ее: «Педагогический опыт моего старшего коллеги по преподаванию латинского языка Якова Ильича Порецкого тогда показался неэффективным... Обучение латинскому языку сводилось к регулярному сопоставительному анализу лексических единиц индоевропейских языков с точки зрения их образования. Информация, безусловно, ценная для лингвистов, но явно недоступная для первокурсников. Терялась непосредственная цель курса латинского языка» [5, с. 102].

О методических подходах самой Нинель Афиногеновны у ее бывших учеников остались самые яркие воспоминания: «Немало первокурсников, наслышанных об "ужасах" латыни от старших коллег, с трепетом приступали к изучению курса, необходимого каждому историку и филологу. Нинель Афиногеновна выработала свою методику преподавания, в которой главное место отводилось поощрению студентов за любой (пусть самый маленький) успех в преодолении "терний" латинского языка. Необыкновенная интеллигентность, сопереживание вместе с каждым студентом в процессе усвоения латыни отличали ее стиль преподавания» [28, с. 97].

Только в стенах БГУ начался бурный профессиональный рост Нинель Афиногеновны. Здесь были опубликованы ее учебники, выдержавшие несколько изданий. Здесь она стала кандидатом филологических наук (1974) и профессором (1991).

В середине 1970-х гг. на кафедру пришли выпускники классических отделений МГУ (Галина Романовна Наливайко), Ленинградского (Людмила Николаевна Мушнина) и Львовского университетов

(Антонина Васильевна Гарник), а также Ольга Семеновна Давидович, преподаватель гимназической латыни.

В сентябре 1978 г. секция в полном составе перешла на кафедру французского и испанского языков, после чего в название кафедры был добавлен латинский язык.

Тем не менее профессор Н. А. Гончарова сохранила связь с кафедрой истории древнего мира и средних веков: проводит здесь факультативные занятия по латинскому языку для студентов, желающих повысить свой уровень знания латыни, и читает спецкурс для магистрантов.

Методические подходы Нинель Афиногеновны прекрасно раскрывает изданный ею словарь «Историческая терминология и лексика латинского языка» (2008).

Структура словаря весьма продуманна и логична: словарные статьи, латинско-русский словарь непроизводных слов, приложения (в состав которых входят удобные для работы таблицы наиболее продуктивных приставок и суффиксов). Каждая словарная статья однотипна по своей структуре: 1) термин и его значение, 2) этоним (латинское слово-основа), 3) примеры употребления этонима в латинском языке. Однотипные составные части отдельных словарных статей, взятые вне контекста и собранные вместе, составляют самостоятельные подсистемы: терминов, этонимов и примеров употребления. Подсистемы этонимов и примеров их употребления призваны реализовать учебную функцию издания.

В словарной статье «Аверс» в качестве иллюстрирующего примера приводится выражение «*Aversa pars capitis*. М. Затылок». При этом студент имеет возможность обратиться к латинско-русскому словарю-минимуму и установить значение словосочетания *pars capitis* (часть головы). В словарной статье «Прелат» приводится этоним *praefero, tuli, lātum, ferre* 'нести впереди' и указание на приставку *prae* 'перед'. О прочих значениях указанной приставки студенты могут узнать из приложений к словарю.

Кроме того, подсистемы этонимов и примеров их употребления значительно расширяют лингвистический кругозор студента-историка. Для этого ему придется приложить определенные усилия, однако словарь создает все необходимые условия для достижения положительного результата.

В словарной статье «Аграрный» приводится пример «*Ager assignatus*. Земля, назначенная по завещанию». Любопытный студент может провести собственное лингвистическое мини-

исследование и через эпоним *assignation, onis, f. C.* 'назначение' выйти на термин «ассигнация».

В словарной статье «Патриции» приведены эпоним *pater, tris m* 'отец'; *pl.* 'сенаторы (из патрициев)' и пример употребления: «*Patres conscripti. C.* Господа сенаторы (формула обращения)». И вновь студенту надо немного потрудиться для того, чтобы разобраться с данным примером. Обращение к приложению выводит на приставку *con-* 'вместе', словарь-минимум дает слово *scribo, scripsi, scriptum* 'писать'. Соотнеся полученные результаты со значением эпонима во множественном числе ('сенаторы из патрициев') и со своими знаниями по истории Древнего Рима, студент без труда придет к выводу, что данным выражением (буквально 'отцы вместе записанные') первоначально обозначались сенаторы, приписанные из всаднического сословия к основному составу сената.

Размещение информации по трем подсистемам, таким образом, является очень интересным и плодотворным методическим ходом (вполне в духе Б. А. Мельцера), помогающим студентам-историкам одновременно с изучением латинского языка углублять знания по истории Древнего Рима.

Библиографические ссылки

1. Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов // Тр. Архива. Вып. 28 / под ред. Б. В. Левшина (отв. ред.), Н. Я. Московченко. Л., 1986. Т. 8. 191 с.
2. Бібліяграфічны даведнік навуковых работ супрацоўнікаў гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта (1921—1994 гг.) / склад. : І. В. Аржахоўскі [і інш.]. Мінск, 1994. 203 с.
3. *Вайнштейн О. А.* История советской медиэвистики. 1917—1966. Л., 1968. 424 с.
4. Выступление академика АН БССР В. Н. Перцева // Материалы Мартовской сессии АН БССР (12—13 марта 1942 г., г. Казань). М., 1942. С. 89—91.
5. *Гончарова Н. А.* Воспоминания [Рукопись]. Минск, 2014. 200 с.
6. *Елисеев М. Г., Рагькова О. Г.* Новая и новейшая история Германии в трудах белорусских исследователей (20—30-е годы XX в.) // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). Мінск, 3—5 лют. 1993 г. : тэз. дакл. і паведамленняў. Мінск, 1993. Ч. 2 : Сусветная гісторыя. С. 220—222.

7. Корзун М. С. Две концепции истории русской православной церкви // Матэрыялы выкладчаска-студэнцкай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы» у гонар М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (14–15 лістап. 1995 г.). Мінск, 1996. С. 11–18.

8. Корзун М. С. «Крестовый король» белорусской историографии // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 168–172.

9. *Никольская Р. А.* Николай Михайлович Никольский. Воспоминания // Вытокі гістарычнай навукі БДУ. Мінск, 2005. С. 16–25.

10. *Никольский Н. М.* О построении истории Древнего Востока // ВДИ. 1938. № 3. С. 314–332.

11. *Никольский Н.* Царь Давид и Псалмы. СПб., 1908. 83 с.

12. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 1/21.

13. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 1/24.

14. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 3/64.

15. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 6/310.

16. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 7/136.

17. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 7/396.

18. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 9/489.

19. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 16/13.

20. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 27/1187.

21. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 29/1236.

22. Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. 192 с.

23. Память и слава: Федор Макарьевич Нечай: к 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2005. 176 с.

24. *Перцев В. Н.* Начальные периоды истории древней Пруссии (генезис прусской народности) // Учен. зап. БГУ им. В. И. Ленина. Сер. Ист. 1956. Вып. 30. С. 109–122.

25. *Перцев В.* Пруссия до ее завоевания немцами // Ист. журн. 1944. № 4. С. 44–52.

26. *Прохоров А. А.* Социальные отношения и государственное устройство в странах Древнего Востока // Всемирная история : учеб. пособие : в 3 ч. / О. А. Яновский [и др.]. Минск, 2002. Ч. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. С. 37–46.

27. *Ходин С. Н.* В. И. Шевченко — декан исторического факультета БГУ в эвакуации (1943—1944 гг.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. / отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. Минск, 2009. Вып. 4. С. 187—190.

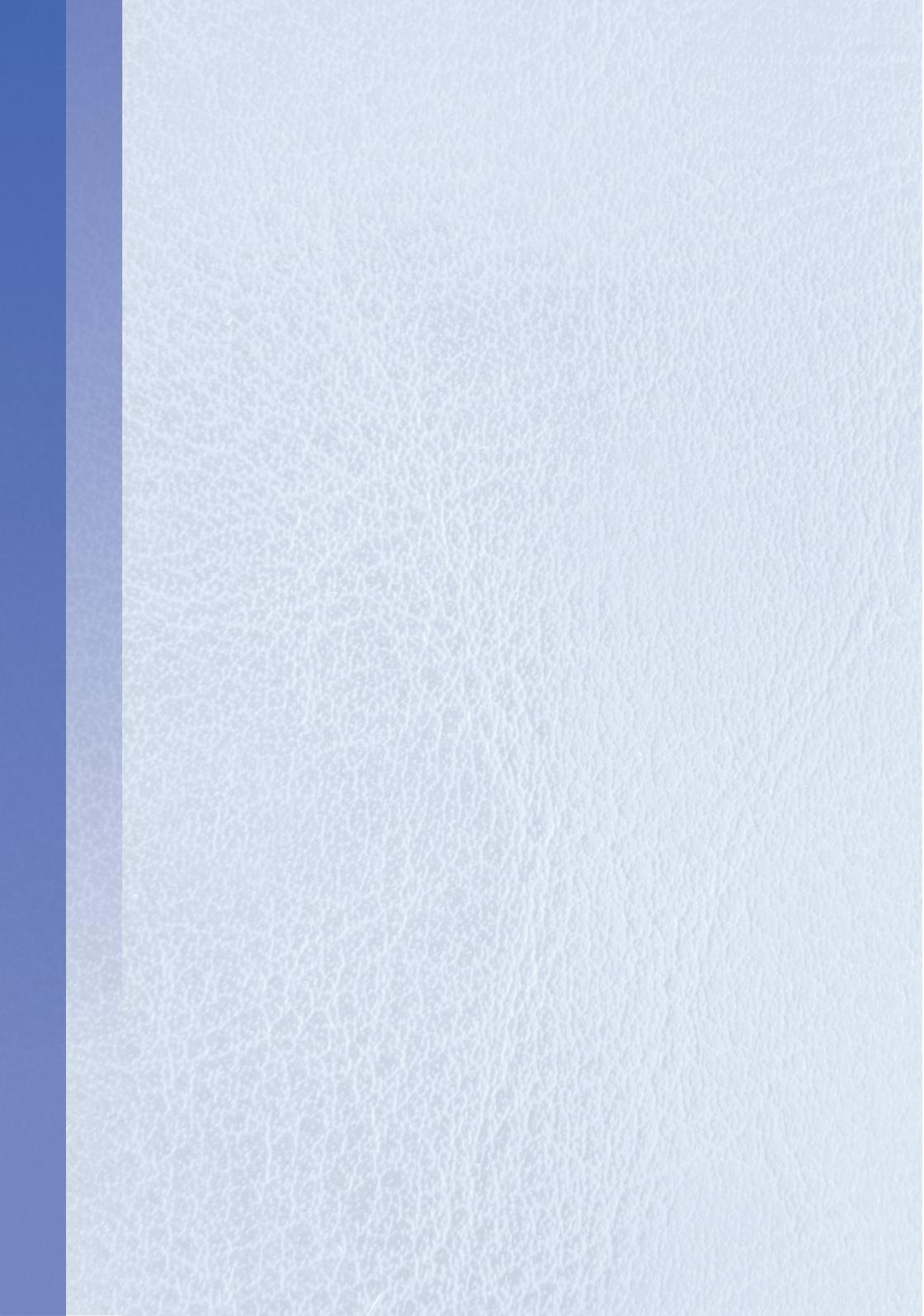
28. *Ходин С. Н., Фегосик В. Н.* Нинель Афиногеновна Гончарова // Весн. БДУ. Сер. 3. 2010. № 3. С. 97—98.

29. *Чепко В. В.* Из воспоминаний // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2005. Вып. 6. С. 197—213.

30. *Шевченко В. И.* Сокровища исчезнувших городов: Записки музейного работника. Л., 1948. 84 с.

31. *Шульман А.* Не потерять достоинства [Электронный ресурс] // Мишпоха. № 29. URL: <http://mishpoha.org/n29/29a22.php>.

ОБЪЕДИНЕННАЯ
КАФЕДРА

НАУЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ 1960-х ГОДОВ

В. В. ЧЕПКО
(1925—2004)

Валентина Владимировна Чепко [13] родилась в Минске 25 февраля 1925 г. в семье милиционера. В годы сталинских репрессий ее отец был исключен из партии как враг народа, бывший царский офицер и «польский шпион».

Валентина Владимировна вспоминала: «Мой отец очень хорошо учился в школе и был направлен в Пружанское городское училище для продолжения учебы, а затем год учился в Августовской учительской семинарии, но война прервала учебу. Он был взят в армию, а в 1916 г. как грамотный боец произведен в подпрапорщики. С 1917 г. — в Красной Армии. После окончания Гражданской войны Владимира Чепко направили работать в органы милиции... В 1935 г. Владимир Чепко был назначен начальником Витебской областной милиции. По современной "табели о рангах" он был генерал-майором или комиссаром милиции... 14 декабря 1937 г. отец на партийном собрании был исключен из партии (в которой был, по-моему, с 1927 г.) как враг народа, "польский помещик и шпион, царский офицер". Вернувшись домой, он всю ночь не спал, стоял у окна, ожидая "воронка" — арестантской машины. Не спали и мы с мамой. Утром он заставил меня пойти в школу, маму отправил с заказным письмом на почту, а сам застрелился, не желая быть арестованным» [17, с. 198—199]. В 1940 г. Валентина окончила школу (учиться она начала с шести лет) и поступила в Ленинградский кораблестроительный институт.

Начало Великой Отечественной войны застало ее в Ленинграде. Валентина Владимировна была ранена при обстреле и вывезена из блокадного города зимой 1942 г. В 1943 г. пошла добровольцем на фронт. Служила она в роте связи вместе со своей матерью, фельдшером. В рядах 27-й армии Валентина Владимировна прошла всю Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. В дальнейшем 27-я армия была переброшена на Дальний Восток для участия в боевых действиях против Японии. В Маньчжурии Валентина Владимировна дошла до Мукдена. Демобилизовалась в ноябре 1945 г. и вернулась в Минск.

«Вокзала в городе не было. Вез мои вещи на ручных санках какой-то дяденька (за большую плату, конечно), я же шла рядом пешком вдоль разрушенной до основания Советской улицы (теперь проспект Франциска Скорины)... Я решила пойти на исторический факультет БГУ, так как ехать в Ленинград в кораблестроительный институт была не в состоянии. Тем более что наш курс почти полностью погиб — в живых остались только несколько девушек. Сдала какой-то вступительный экзамен и к началу декабря пришла на первый курс. Исторический факультет располагался в школе на улице Энгельса, а год спустя в школе на Юбилейной площади» [17, с. 210–211].

Когда Валентина Владимировна была студенткой третьего курса исторического факультета БГУ, ее в первый раз избрали депутатом Минского городского совета. Всего же Валентина Владимировна была депутатом 12 лет. Работала в комиссии по народному образованию. В 1950 г. окончила университет и поступила в аспирантуру, где училась до 1953 г.

В 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Общественная и культурная деятельность Георгия Скорины». Ее научным руководителем был академик В. Н. Перцев, по рекомендации которого Валентину Владимировну приняли на работу в Институт истории АН БССР, где ей было присвоено звание старшего научного сотрудника (1956). Там она работала до 1972 г.

В. В. Чепко исследовала социально-экономические процессы в Белоруссии в первой половине XIX в., изучала вопросы аграрной истории Белоруссии, историю белорусских городов конца XVIII — первой половины XIX в., творчество Франциска Скорины, историографию Белоруссии эпохи феодализма.

Валентина Владимировна входила в состав авторских коллективов двухтомной «Истории БССР», пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР», подобрала, подготовила и опубликовала документы для 3-го и 4-го томов сборника «Белоруссия в эпоху феодализма».

Собранный и проанализированный фактический материал лег в основу монографии «Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века», вышедшей в 1966 г. А уже через три года Валентина Владимировна защитила докторскую диссертацию на тему «Разложение феодально-крепостнической системы и формирование капиталистических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX в.». В 1970 г. была награждена орденом «Знак Почета».

С 1972 по 1978 г. работала заведующей кафедрой всеобщей истории в Минском государственном педагогическом институте им. М. Горького. В институте Валентина Владимировна также основное внимание уделяла истории Белоруссии — издала в 1972 г. монографию «Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века». При этом она не забывала и об истории Средних веков: читала по этому предмету общий курс лекций.

С 1975 по 1983 г. была заведующей кафедрой истории Белорусской ССР в БГУ. В это время она издала монографию «Города Белоруссии в первой половине XIX века: экономическое развитие» (1981). В 1976 г. ей присвоили звание профессора.

«В 1983 г., — вспоминала Валентина Владимировна, — декан исторического факультета Царюк Ираида Осиповна решила стать заведующей кафедрой истории БССР. Она заставила меня перейти на кафедру истории древнего мира и средних веков под угрозой отправки на пенсию в случае отказа с моей стороны. Я была вынуждена согласиться и снова стала читать курс истории средних веков на отделении истории КПСС, а также на вечернем и заочном отделениях» [17, с. 212].

После ухода в 1992 г. на пенсию профессор В. В. Чепко читала спецкурс «Итальянское Возрождение» для студентов 4-го курса дневного отделения и 5-го курса заочного отделения, руководила курсовыми и дипломными работами.

Неспокойная старость увенчала жизнь Валентины Владимировны: «Читая лекции, я чувствую себя еще человеком, приносящим пользу людям своими знаниями. Правда, последние годы подводит здоровье, иногда тяжело ехать на лекции. Но бросить работу не могу — пенсии не хватает. Дело в том, что я ушла на пенсию в размере 350 рублей с оклада 500 рублей — тогда это были большие деньги, на которые я могла нормально жить, покупать одежду, книги. Постепенно пенсия профессора сокращалась, и теперь она вместе с добавкой четырех минимальных зарплат за участие в войнах составляет 150 тыс. рублей, зарплата у меня 120 тыс. рублей.

Этого хватает на оплату квартиры, на еду достаточно скромную... Никогда я не думала, что у меня будет такая тяжелая старость после

всех трудностей моей жизни. Были у меня сбережения... Эти деньги на сберкнижках теперь пропали, ибо неизвестно, кто ограбил людей, пытавшихся обеспечить свою старость... Тяжело обо всем этом думать. Хочется пожелать, чтобы не становилось еще хуже... Раньше, когда было плохо, надеялась, что все станет лучше, теперь и этого нет...» [17, с. 212—213].

До последних дней Валентина Владимировна работала на родной для нее кафедре: выпустившей ее в молодости и принявшей на скло-не лет. Закончился ее жизненный путь 24 ноября 2004 г.

Д. С. КЛИМОВСКИЙ (1920—1982)

Даниил Сергеевич Климовский [9] родился 24 декабря 1920 г. в Брянской области. После окончания школы поступил в Смоленский электротехникум, но не окончил его. Даниил выбрал путь офицера и продолжил учебу в Ульяновском военном училище связи. Звание лейтенанта он получил 10 июня 1941 г., а через 12 дней началась война. Всю войну Даниил Сергеевич был в действующей армии, пройдя путь от командира взвода до помощника начальника штаба полка. Боевой путь начался на Юго-Западном фронте, продолжился на Волховском, Ленинградском, 3-м и 2-м Прибалтийском, 2-м и 1-м Белорусском фронтах. Был трижды ранен. Всегда возвращался после госпиталя в действующую армию.

За проявленное мужество был награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, медалями.

После войны Даниил Сергеевич некоторое время служил в Группе советских войск в Германии, затем был переведен в Белоруссию: сначала в Минск, а потом в Витебск. Он выбрал для себя гражданскую специальность и поступил на заочное отделение исторического факультета БГУ. В 1954 г. Даниил Сергеевич уволился из армии в звании майора и начал работать в Минске в Республиканском научно-методическом кабинете культурно-просветительской работы.

В 1956 г. Даниил Сергеевич получил диплом историка и поступил в аспирантуру. Здесь его научным руководителем стал доцент

Г. М. Трухнов, один из ведущих германистов БГУ, специалист по германской истории 1920-х гг.

Под его влиянием определилось основное направление научных изысканий Д. С. Климовского: германско-польские отношения между двумя мировыми войнами.

Большое значение для успешной работы над диссертацией имела поездка в Москву в 1962 г. для работы с фондами Историко-дипломатического архива. Сформулированные ранее предположения требовали документального подтверждения.

После окончания аспирантуры Даниил Сергеевич приступил к работе на кафедре Новой и Новейшей истории.

В 1964 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Германо-польский договор 1934 года», в которой особо подчеркнул, что договор не только определил всю внешнюю политику Польши, но и стал «троянским конем», приведшим страну к катастрофе 1939 г.

В 1967 г. Д. С. Климовский выступил с докладом «Германско-польское сближение в 1933 г.» на Всесоюзном симпозиуме «"Дранг нах Остен" и страны Центральной и Восточной Европы».

В течение следующего десятилетия проблема германско-польских отношений оставалась в поле его научных интересов. Поле это постоянно расширялось и включало в себя все новые и новые вопросы. Ведь именно германско-польские отношения стали детонатором для начала Второй мировой войны. Многолетние исследования завершились публикацией в 1975 г. монографии «Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений». В книге показано, что Локарнская система дала Германии повод для того, чтобы поставить вопрос о пересмотре границы с Польшей. Кроме того, Германия получила выгодную для себя международную юридическую формулу «возврата» Польского коридора и польской части Силезии. При этом по мере нарастания германского давления увеличивалась уступчивость польских правящих кругов.

В том же 1975 г. он выезжал в Польшу, где читал лекции по Новейшей истории Западной Европы и США студентам краковского Ягеллонского университета.

В 1977 г. Д. С. Климовский защитил докторскую диссертацию, после чего его рекомендовали к избранию заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков. Профессор Ф. М. Нечай, покидавший этот пост, так отзывался о своем преемнике: «Уверен, что под руководством доцента Климовского кафедра будет работать так же хорошо, как до сих пор, и еще лучше» [9]. В 1979 г. Даниилу Сергеевичу Климовскому была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1980 г. присвоено звание профессора. Возглавляя

кафедру истории древнего мира и средних веков, он снова вернулся к проблемам, связанным с германским «Дранг нах Остен». Только на этот раз в эпоху Средневековья.

Умер Даниил Сергеевич 30 июня 1982 г.

Профессор Д. С. Климовский не был ни ориенталистом, ни антиковедом, ни медиевистом. Он был германистом Новейшего времени. Тем не менее профессор Ф. М. Нечай именно ему передал руководство кафедрой истории древнего мира и средних веков, и кафедра не может не отдать должное человеку, пять лет стоявшему у ее руля.

Н. А. ГУСАКОВА (1929—1992)

Нина Антоновна Гусакова [10] родилась 24 декабря 1929 г. в деревне Климовичи Шкловского района Могилевской области.

До начала Великой Отечественной войны Нина успела окончить четыре класса местной школы. Во время немецко-фашистской оккупации Белоруссии семья Гусаковых проживала на Витебщине в деревне Лидино.

После получения среднего образования Нина поступила на исторический факультет БГУ. Особый интерес у нее вызвала история западных славян и монументальные фигуры вождей гуситского движения: Яна Гуса и Яна Жижки.

С молодой способной выпускницей, получившей в 1954 г. диплом с отличием, определенные надежды связывал профессор В. Н. Перцев. К тому времени его ученица, Валентина Владимировна Чепко, после защиты кандидатской диссертации пошла работать в Институт истории АН БССР. Значит, нужно было позаботиться и о кадрах для кафедры. В. Н. Перцев предложил Нине Антоновне поступать в аспирантуру, а когда она была на последнем году обучения, передал ей часть учебной нагрузки на условиях почасовой оплаты. В 1957 г. после успешного окончания аспирантуры Нина Антоновна стала штатным преподавателем.

Защита диссертации не состоялась по причинам личного характера: замужества и рождения в том же 1957 г. дочери Елены. Вернувшись после вынужденного перерыва на кафедру, Нина Антоновна

с головой окунулась в научную деятельность. В 1963 г. вышла ее монография «Борьба плебейской оппозиции против феодально-католической реакции в начальный период гуситского движения (1419—1422 гг.)». В 1964 г. последовала защита кандидатской диссертации, на основе которой была написана книга.

При выборе темы исследования и сама Нина Антоновна, и ее научный руководитель профессор Владимир Николаевич Перцев прекрасно понимали, что о таких фигурах, как Ян Гус и Ян Жижка, написано уже очень много и какая-либо новая информация может быть добавлена только в результате кропотливых поисков в архивах Чехословакии и Германии, что в те времена было совершенно невозможным. Поэтому был избран другой путь: показать зарождение гуситского движения с двух точек зрения: городского плебса и пламенных пропагандистов новых идей, ставших военными вождями. Для такого анализа прекрасно подходил священник-гусит Ян Желивский, сумевший объединить пражские городские низы, организовать эффективную оборону чешской столицы и дать сокрушительный отпор немецким крестоносцам, расчитывавшим на легкую прогулку для усмирения восставшей черни.

В соответствии с двумя линиями анализа Нина Антоновна посвящает первую главу своей книги детальному рассмотрению социально-экономического положения городской бедноты в Чехии, подтверждая каждый высказанный тезис конкретными цифрами о суммах ежедневного заработка, ценах на основные продукты, подробным разбором структуры залоговой задолженности. Вторая глава посвящена деятельности Яна Желивского. Двигаясь строго в русле марксистско-ленинской методологии, Нина Антоновна выводит на первый план социально-политическую составляющую его взглядов, несколько оставляя в тени составляющую религиозную.

Так, например, она полностью отвергает саму возможность разногласий на религиозной почве между Желивским и Жижкой, уничтожившим коммуны пикартов (чешских вальденсов): «Главное здесь не в религиозности Яна Жижки, а в том, что последний, являясь представителем бюргерско-рыцарского лагеря, имел социальные причины для уничтожения левого движения в лагере и расхождения с Желивским — идеологом городской бедноты и мелких ремесленников. Эти классовые противоречия еще не проявились на первых этапах движения, но неизбежно должны были проявиться при более четком оформлении течений в гусизме» [1, с. 58].

Затушевывание религиозных противоречий между лидерами в какой-то степени обедняет палитру при создании итоговой картины.

Вклад Нины Антоновны в богемистику был высоко оценен в Чехословакии. Академия наук этой страны наградила ее юбилейной медалью «Памяти Яна Гуса».

В 1967 г. Н. А. Гусаковой было присвоено ученое звание доцента. На следующий год образовался еще один перерыв в работе на кафедре, связанный с рождением сына Александра.

Будучи ведущим богемистом советской Белоруссии, Нина Антоновна взяла на себя труд написать по этой теме статьи для БелСЭ, выходявшей в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В 1975 г. она выступит с докладом «Чешское литературное влияние в Белоруссии в XV—XVI вв.» на Всесоюзной конференции историков-славистов в Черновцах.

К сожалению, не все научные планы были воплощены в жизнь. Так и осталась лежать в рукописи призванная стать основой докторской диссертации книга «Чешско-белорусские связи в эпоху феодализма» объемом 12 печатных листов.

Во второй половине 1970-х гг. сфера деятельности доцента Н. А. Гусаковой сместилась в область педагогики. В 1977 г. она со студентами исторического факультета была на производственно-ознакомительной практике в ГДР. На протяжении двух лет (до 1979 г.) руководила семинаром для учителей Столбцовского района: выступала перед ними и жителями района с докладами и лекциями.

Н. А. Гусакова — заведующий кафедрой
в 1982—1988 гг.

Ученица Нины Антоновны, доцент Елена Дмитриевна Смирнова, вспоминает: «Ее лекции по истории средних веков (XVI – первая половина XVII в.) завораживали своей четкой выстроенностью, продуманностью, силой и мастерством. И сама Нина Антоновна привлекала внутренней силой. Студенты ее побаивались, особенно студентки. Привлекало к Нине Антоновне и ее увлечение средневековым искусством и культурой итальянского Возрождения» (из личной беседы с Е. Д. Смирновой. – *И. Е.*).

После смерти в 1982 г. заведующего кафедрой профессора Д. С. Климовского Нине Антоновне пришлось взять на себя руководство кафедрой: профессора Ф. М. Нечай и Г. М. Лившиц были уже в преклонном возрасте. С первыми же серьезными испытаниями на прочность кафедра во главе с новым заведующим столкнулась уже в следующем году. В марте был организован colloquium «Международные связи в средние века», участие в котором приняли ведущие советские медиевисты того времени: Н. И. Басовская, С. П. Карпов, Ю. Л. Бессмертный, С. П. Чистозвонов.

Colloquium прошел на столь высоком уровне, что декан исторического факультета МГУ обратился с личным письмом к ректору БГУ с просьбой найти способ поощрить главного организатора colloquium – Н. А. Гусакову (ей объявили благодарность).

Далее последовали ощутимые кадровые утраты. Ф. М. Нечай покинул должность профессора-консультанта, ушли из жизни профессор Г. М. Лившиц и доцент Р. А. Смольский.

Ситуация немного уравнилась в результате прихода на кафедру доцента В. А. Федосика (ученика Ф. М. Нечая) в 1983 г. и профессора В. В. Чепко (ученицы В. Н. Перцева) в 1984 г.

Нина Антоновна неуклонно приближалась к рубежу пенсионного возраста и уже перешагнула его. В 1988 г. БГУ объявил конкурс на замещение должности заведующего кафедрой. Н. А. Гусакова, будучи доцентом, не имела права занимать эту должность во второй раз, поэтому в конкурсе она не участвовала.

Кафедра видела ее преемником доцента В. А. Федосика, выпускника исторического факультета, бывшего аспиранта кафедры, уже проработавшего на ней несколько лет, имевшего большой научный потенциал, в том числе и для того, чтобы в течение ближайших пяти лет защитить докторскую диссертацию.

Однако заявление на участие в конкурсе подали также доцент Михаил Семенович Корзун и доктор исторических наук Анатолий Петрович Грицкевич – профессор Минского института культуры, также занимавшийся средневековой историей, правда не Европы

или Азии, а Белоруссии. С формальной точки зрения (степень, звание, количество публикаций) перевес был на его стороне.

В этих условиях свое веское слово сказал ученый совет университета: заведующим кафедрой стал доцент В. А. Федосик.

Нина Антоновна приняла кафедру в сложный период смены поколений, смогла обновить в меру имевшихся возможностей ее состав и сохранить традиции. Она вернулась к преподавательской деятельности.

Тем временем коварная болезнь начала обратный отсчет оставшихся ей лет, месяцев, дней.

7 августа 1992 г. Нины Антоновны Гусаковой не стало.

Г. И. ДОВГЯЛО (1935—2002)

Геннадий Иосифович Довгяло [12] родился 1 апреля 1935 г. в учительской семье. Отец, Иосиф Юлианович, работал в школе № 1 города Минска, мать — в железнодорожной школе. Во время Великой Отечественной войны семья находилась в партизанской бригаде им. В. И. Чапаева, начальником штаба которой стал глава семьи Довгяло. После освобождения Минска Геннадий учился в минской школе № 42, активно участвовал в спортивной и общественной жизни.

В 1952 г. Геннадий Иосифович поступил на исторический факультет БГУ. За время учебы стал кандидатом в мастера спорта по волейболу. Научным руководителем его дипломной работы был выдающийся белорусский историк Л. С. Абецедарский. Истфак Г. И. Довгяло окончил с отличием. Работал старшим научным сотрудником организационной группы по созданию историко-краеведческого музея. В 1959—1963 гг. учился в очной аспирантуре БГУ с прикомандированием в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, где его научным руководителем стал ведущий советский востоковед доктор исторических наук Игорь Михайлович Дьяконов. В этот период по рекомендации научного руководителя Геннадий Иосифович проходил стажировку в Государственном Эрмитаже под руководством Б. Б. Пиотровского. В 1962 г. по настоянию И. М. Дьяконова

обращался за консультациями к директору Института этнографии члену-корреспонденту АН СССР Д. А. Ольдерогге.

С 1 октября 1963 г. Г. И. Довгяло приступил к работе на кафедре истории древнего мира и средних веков сначала преподавателем, затем старшим преподавателем (с 1966 г.), и. о. доцента (с 1967 г.), доцентом (с 1970 г.). Вся его последующая научная и научно-педагогическая деятельность разворачивалась именно здесь.

В 1965 г. Г. И. Довгяло, опубликовавший к тому времени две статьи в ведущих научных журналах СССР: «Советская этнография» («О переходе к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу») и «Вестник древней истории» («О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства»), успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Возникновение царской власти у хеттов (на материале хеттских клинописных источников XXII—XVII вв. до н. э.)». Текст диссертации лег в основу монографии «К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов» (Минск, 1968), выдвинувшей Г. И. Довгяло в ряды ведущих хеттологов СССР.

В центре внимания историка находился текст, известный как «Указ Телепину», устанавливающий правила наследования престола. Документ этот уже неоднократно рассматривался в советской историографии. И. М. Дьяконов в 1953 г. опубликовал его перевод в журнале «Вестник древней истории», академик Н. М. Никольский в 1948 г. посвятил анализу документа специальную статью «Реформы хеттского царя Телепина».

Ключ к решению проблемы содержал § 28 Указа, который в переводе И. М. Дьяконова звучит следующим образом: «Царем пусть становится только первый сын из сыновей царя; если первого из сыновей царя нет, то пусть будет царем тот, кто второй по месту сын. Когда же наследника из сыновей царя нет, то той, которая первая дочь, пусть ей возьмут мужа, и он пусть будет царем». Особый характер параграфа подчеркнул советский хеттолог Г. Г. Гиоргадзе в специально посвященной этой проблеме статье «О престолонаследии в древнехеттском царстве (К интерпретации § 28 "Указа Телепину")», оставив без перевода слова, обозначающие наследников: «³⁶Царем пусть становится только hantezziiaš-царевич, сын. Если же сына-³⁷hantezziiaš нет, то кто tån pedaš сын, пусть царем тот ³⁸станет. Когда же царевича-сына нет, то кто дочь-hantezziš, ³⁹ей пусть возьмут мужа и пусть царем тот станет».

Геннадий Иосифович предложил в монографии свой вариант перевода: «Царем пусть становится именно первый царский сын. Если же первого сына нет, то царем пусть становится тот, кто вто-

рого места сын. Если же у царя сыновей нет, то тот, которая первая дочь пусть возьмут мужа, и этот пусть царем станет» [2, с. 73]. После анализа, проведенного с привлечением более широкого круга источников, автор приходит к выводу, что «"первый царский сын" и "второго места сын"... не могут быть родными братьями, рожденными одной царицей» [Там же, с. 79]. Дальнейший анализ приводит исследователя к выводу, что шумерская идеограмма DUMU («сын») обозначает как родных детей, так и детей братьев и сестер, т. е. племянников [Там же, с. 83]. Таким образом, § 28 отражает борьбу между патрилинейными и матрилинейными наследниками престола. Это была «своеобразная форма противодействия родовой аристократии усиливающейся царской власти» [Там же, с. 156].

На 1970-е гг. приходится пик научного творчества Г. И. Довгяло. Он выступает на конференциях, публикуется в советских и зарубежных научных периодических изданиях, поддерживает связи с коллегами: февраль — май 1973 г. — стажировка в Московском институте востоковедения под руководством профессора, позднее академика М. А. Коростовцева, май — июль 1973 г. — служебная командировка в ГДР.

Закономерным итогом весьма насыщенной научной деятельности стал выход в 1980 г. второй монографии Г. И. Довгяло «Становление идеологии раннеклассового общества (на материале клинописных текстов)» и депонирование третьей — «Библия в свете клинописных источников». После столь плодотворного десятилетия в научной деятельности Геннадия Иосифовича отмечено некоторое затишье. В 1980-х гг. он включил в сферу своих научных интересов проблематику славянской (белорусской) мифологии и обрядности и вопросы развития белорусского востоковедения. Эти темы он изучал до конца своей жизни. С годами Геннадий Иосифович начал задумываться о научной смене. Студентов под свое научное руководство он брал всегда на первом курсе. Наиболее способные задерживались у него на годы для написания дипломных работ. Одним из своих студентов, Андрея Аркадьевича Прохорова, он довел до аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации по теме «Сакральное обоснование власти вождя у восточнославянских племен по данным исторических преданий и фольклора (на индоевропейском фоне)» (1995). В том же году Г. И. Довгяло был награжден Почетной грамотой БГУ.

Профессор И. О. Евтухов вспоминает: «Манера проведения занятий Геннадием Иосифовичем Довгяло была довольно своеобразной. К ней нужно было привыкнуть. Говорил он, расхаживая по аудитории, не спеша, слегка запинаясь и делая небольшие паузы между отдельными предложениями. Причем было непонятно, проговарива-

ется знакомый текст или идет рассуждение на заданную тему. Тема спецкурса была "Историография Библии". Началась лекция с хорошо знакомого мне сюжета, связанного с формированием в 19 в. синодальной комиссии по переводу Библии (при просмотре журналов Санкт-Петербургской ДА "Христианские чтения" встречались статьи про эту комиссию), поэтому слушал в пол-уха. Но лектор, задержавшись в своем рассказе в Санкт-Петербурге, перешел к хеттским текстам из собрания Эрмитажа, затем начал рассказывать о научном творчестве В. Я. Проппа (и показал его книжку "Исторические корни русской волшебной сказки" — а значит, этот поворот был продуман заранее).

Поговорил об образе Бабы Яги (о том, какая была ее *вторая* нога, а не та, которая была костяная). Затем последовала реконструкция обряда инициации, имевшего место у славян в доисторические времена. А замкнулось все на помазании Самуилом Давида, что также трактовалось лектором как инициация. За всеми поворотами мысли лектора нужно было следить, особо отмечая узловые пункты, иначе картина не складывалась.

Тут нужно учитывать, что лекция читалась все-таки на четвертом курсе, а не на первом, студентам кафедральной специализации, т. е. аудитории достаточно подготовленной» [3, с. 19–20].

Главным в своей жизни Г. И. Довгяло всегда считал историю Древнего Востока. Работа над клинописными текстами не прекращалась. В декабре 1990 г. Геннадий Иосифович объявил на заседании кафедры, что завершает новое фундаментальное исследование по теме «Библия в свете древних клинописных текстов», которая, возможно, станет темой его докторской диссертации. Объем рукописи монографии предположительно составит 15 печатных листов. Срок окончания работы планировался на лето 1991 г. Но этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Распался СССР, разорвались многие научные связи с коллегами, стало ухудшаться здоровье ученого. В 1995 г. Геннадий Иосифович достиг пенсионного возраста. В связи с этим регулярные выборы по конкурсу были заменены ежегодно возобновляемым контрактом.

Однако и за последнее отведенное судьбой десятилетие Геннадий Иосифович успел очень многое сделать. Вместе с В. А. Федосиком подготовил комментированное издание исторических трудов Иосифа Флавия («Иудейская война», Минск, 1991; «Иудейские древности», Минск, 1994), создал собственную концепцию истории Древнего Востока, воплотившуюся как в соответствующих разделах всех существующих белорусских учебников для средней школы, так и в первом

в истории Беларуси учебном пособии по истории Древнего Востока для вузов. Это пособие было подготовлено в 1994 г., но свет увидело только восемь лет спустя, уже в новом тысячелетии.

Продолжалась работа по подготовке высококвалифицированных научных кадров. В феврале 1997 г. под руководством доцента Г. И. Довгяло была написана кандидатская диссертация О. В. Перзашкевича «Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества». Защита состоялась в феврале 2000 г.

К концу 1990-х гг. здоровье ученого значительно ухудшилось – почти отказало зрение. Около двух лет потребовалось для операций и частичной реабилитации. Но даже в столь непростой ситуации Геннадий Иосифович продолжал работать: читать лекции на историческом факультете, писать научные статьи, вносить вместе со своими учениками А. А. Прохоровым и О. В. Перзашкевичем последние, завершающие штрихи в новый вариант все еще не изданного учебника для высших учебных заведений «История древнего Востока».

В 2000 г. в белорусские средние школы поступил учебник по всемирной истории для 10-го класса. В то время история Древнего Востока в школе изучалась дважды: в 5-м классе на ознакомительном уровне и в 10-м классе на углубленном. В учебнике на Древний Восток было отведено семь параграфов, авторами которых были Г. И. До-

Сотрудники и аспиранты кафедры. Сидят: Л. П. Сушкевич, М. С. Корзун, О. И. Ханкевич, В. А. Федосик, Е. Д. Смирнова. Стоят: А. В. Козленко, Л. В. Вонсович, С. С. Александрович, О. М. Лянцевич, К. А. Ревяко, Е. В. Акелан, А. А. Прохоров, Е. Е. Барсук, Г. И. Довгяло, М. М. Минов, И. О. Евтухов, Д. В. Мазарчук. Конец 1990-х гг.

вгяло (§ 4–7, 10), О. В. Перзашкевич (§ 5, 6, 8), А. А. Прохоров (§ 9). Предложенный авторами подход несколько отличался от варианта, сформулированного в свое время академиком Н. М. Никольским.

С одной стороны, изложение, как и предлагал основоположник белорусской ориенталистики, велось по странам и регионам: Междуречье, Египет, Малая Азия, Восточное Средиземноморье, Индия и Иран, Китай.

С другой стороны, авторы не отводили общине определяющее место, как это делал Н. М. Никольский. Они провели достаточно строгую региональную дифференциацию социальных структур древневосточных обществ, подчеркивая тем самым вариативность их развития: низведенные до рабского статуса земледельцы и ремесленники в Междуречье при Саргоне I, свободные крестьяне и немногочисленные рабы из числа военнопленных в Египте, мелкие землевладельцы, ремесленники и пастухи в Лидии, ремесленники и торговцы в Финикии, варны в Индии, зависимые от государства земледельцы в Китае.

В ноябре 2001 г. Г. И. Довгяло суждено было пережить последнее в его жизни суровое испытание — обширный инсульт головного мозга, в результате которого наступил паралич, отнялась речь. Приговор врачей был неутешительным. Но ученый не хотел мириться с тем, что в его жизни начался обратный отсчет. Он пытался победить болезнь. К сожалению, это ему не удалось. В ночь с 1 на 2 сентября 2002 г. жизненный путь Г. И. Довгяло завершился. А на следующий день увидело свет написанное под его руководством учебное пособие для вузов «История древнего Востока».

Несколько слов о том, как работал Г. И. Довгяло

Мне пришлось неоднократно наблюдать за тем, как Геннадий Иосифович работал над решением вопросов истории Древнего Востока и как он организовывал сам процесс своей работы.

Прежде всего, этот человек обладал очень развитой памятью, благодаря чему все свои исследования он располагал по отдельным вопросам, которые ставил сам, и это расположение он помнил до последних дней своей работоспособности.

Каждый вопрос имел свою папку или даже несколько, куда складывались:

- отдельные фрагменты известных самому Г. И. Довгяло исследований или библиографические указания на них;

● относящиеся к теме клинописные источники в виде фотографий или автографов или указания на микрофильмы и издания, содержащие эти источники;

● разборы и переводы соответствующих источников;

● собственные соображения Г. И. Довгяло по этому вопросу, уже напечатанные или написанные от руки.

Когда Геннадий Иосифович решал, что вопрос пора изложить в каком-либо законченном виде, он брал соответствующую папку (папки) и начал приводить существующие материалы в ту систему, которая виделась ему в качестве результата, т. е. статьи, доклада или монографии.

Наиболее трудоемким делом во всем описанном процессе была, конечно, работа с источниками. Трудно сказать, сколько времени и сил уходило у Геннадия Иосифовича на каждый клинописный памятник, но, судя по сохранившимся папкам, количество полностью разобранных и переведенных им текстов составляло по крайней мере несколько десятков. Примечательно, что эти разобранные тексты раскладывались по папкам с выделением тех фрагментов в разборе источников, которые так или иначе касались, по замыслу самого Г. И. Довгяло, темы каждой папки.

При этом очень многое и из разобранных текстов, и из других используемых источников (например, Ветхого Завета или «Истории» Геродота) Геннадий Иосифович помнил или наизусть, или очень близко к оригинальному тексту, вплоть до отдельных терминов и выражений.

В этой связи мне не раз приходилось лично убедиться, насколько хорошо Г. И. Довгяло знал текст Ветхого Завета. Помнится, в середине 1990-х мы (Г. И. Довгяло, А. А. Прохоров и О. В. Перзашкевич) составляли раздел «История Древнего Востока» для хрестоматии по истории Древнего мира, предназначенной для школьных учителей. При отборе материалов по истории Восточного Средиземноморья разговор зашел о некоторых сюжетах из Ветхого Завета. И тогда для каждого из них Геннадий Иосифович примерно указывал книгу или даже главу, где этот сюжет находился.

Похожая ситуация была и с «Историей» Геродота. Как-то при обсуждении одной рукописи монографии, где были ссылки на Геродота, Геннадий Иосифович задал автору вопрос, что и как именно написано в указанных ссылках по тому вопросу, о котором говорил автор монографии. Поскольку вопрос вызвал у автора затруднения в немедленном ответе (что было вполне ожидаемо, поскольку монография была не совсем о том, о чем рассказывал Геродот), Геннадий Иосифович не только процитировал русский текст на память, но и вспомнил, как именно обсуждаемые реалии были названы по-гречески.

И подобных случаев, связанных с Ветхим Заветом и «Историей» Геродота, на моей памяти было несколько. Так что память у него действительно была колоссальной.

О. В. Перзашкевич

НАУЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ 1970-х ГОДОВ

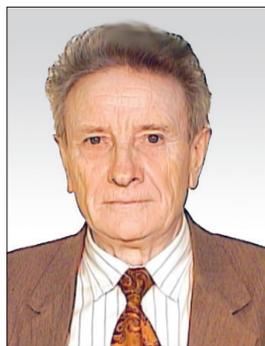
М. С. КОРЗУН

Михаил Семенович Корзун родился 10 августа 1935 г. в деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области в многодетной крестьянской семье. Рос он «в атмосфере общинного быта, который был лишь немного изменен колхозным коллективизмом, но не ликвидирован. Общинные отношения всегда обеспечивали жителям выживание» [8, с. 168].

После окончания семилетки в родном селе и средней школы в райцентре молодой человек решил поступать на исторический факультет БГУ. Полученная в школе серебряная медаль дала возможность не только поступить без экзаменов, но и получать повышенную на 25 % стипендию.

В 1957 г. обучение на факультете было успешно завершено. Начались трудовые будни. Михаил Семенович стал директором семилетней шестикомплектной Серговской школы, составлявшей вместе с четырехлетней Калитской школой «школьный район» Дуниловичского (ныне Поставского) района. После трех лет работы М. С. Корзун возвратился на малую родину в Кировский район в Подсельскую восьмилетнюю школу. Ученики четырехклассных школ присоединялись к своим ровесникам и вместе с ними получали обязательное восьмилетнее образование. Директор при этом был учителем, завхозом, бухгалтером и завучем в одном лице [7, с. 12].

Способного студента, которому в свое время предлагали поступать в аспирантуру, хорошо помнили на факультете. В связи с этим

Михаил Семенович упоминал про один достаточно курьезный случай: «Так случилось, что через пять лет работы в сельской школе вспомнился совет Федора Макарьевича Нечая поступать в аспирантуру. И вот я иду на кафедру, когда мне навстречу случайно вышел декан, Петр Захарович Савочкин. Пять лет прошло, пять лет выпускник ничем не напоминал о себе, но Петр Захарович сразу спросил: "А вы, Корзун, что у нас делаете?" Вспомнил фамилию, как будто расстались вчера после выпускного вечера на фабрике-кухне» [8, с. 170].

В 1962 г. Михаила Семеновича направили в целевую аспирантуру при кафедре истории Древней Греции и Древнего Рима ЛГУ. Г. М. Лившиц написал будущему научному руководителю М. С. Корзуна Ксении Михайловне Колобовой (заведовавшей кафедрой) рекомендательное письмо, в котором выразил надежду на способность соискателя написать диссертацию за три года. В реальности все оказалось значительно сложнее. Профессор М. С. Корзун вспоминает: «Научный руководитель сориентировал меня по-другому. Ксения Михайловна сразу выяснила незнание древнегреческого и посоветовала работать не менее 10 часов в сутки, но не ставить сверхзадачу, которая может подорвать и физические, и моральные силы: за три года диссертацию по истории Греции нельзя написать» [8, с. 170–171].

По целому ряду объективных причин аспирантура была закончена без защиты диссертации, М. С. Корзун вернулся в БГУ и приступил к работе на кафедре в 1965 г.

В 1968/69 учебном году по предложению Г. М. Лившица на кафедре был введен спецсеминар «Русское православие», разработка и проведение которого были поручены Михаилу Семеновичу.

В 1972 г. М. С. Корзун защитил кандидатскую диссертацию. Вскоре она была издана в виде монографии «Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н. э.» (Минск, 1975).

Выработанную научную позицию вступивший в пору научно-возмужания историк был готов отстаивать в полемике в том числе и со своими учителями. Профессор М. С. Корзун вспоминает: «В 1973 г. Г. М. Лившиц издал монографию "Свободомыслие и атеизм в древности и средние века" и защитил ее в качестве докторской диссертации по философским наукам. Предложение написать рецензию на монографию было принято мною с радостью. У меня как раз была временная передышка после защиты кандидатской диссертации по теме социально-политической борьбы в Афинах в пред-

военные годы и в ходе первого шестилетия Пелопоннесской войны. Глобальная постановка проблемы в монографии Гилера Марковича и переключки с собственной тематикой привлекли меня для составления рецензии. Например, Г. М. Лившиц не дал ответа на вопрос, как приверженцы софистов обосновывали свое политическое разделение на сторонников рабовладельческой демократии и олигархии. Поэтому мне пришлось ограничиться тем, что Гилер Маркович побудил меня искать ответ.

Профессор сокрушался, что допустил ошибки: особенностью элевсинского культа Деметры был допуск рабов к обрядам; Антифонт был связан с рабовладельческой демократией, а Критий — с аристократией» [8, с. 171–172].

В 1999 г. М. С. Корзун издал «Гісторыю старажытнай Грэцыі: курс лекцый для студэнтаў гістфака». Он также входит в авторский коллектив школьных учебников по истории Древнего мира.

В 1990-х гг. сотрудники кафедры подготовили к изданию и прокомментировали сочинения Иосифа Флавия: «Иудейская война» (1991) и «Иудейские древности» (1994). При столь большом внимании к восточной провинции Римской империи оказался обойденным не только Древний Рим, но и столь близкая сердцу Михаила Семеновича Древняя Греция. В 1995 г. М. С. Корзун принял участие в переиздании «Избранных жизнеописаний» Плутарха в издательстве «Беларусь». Образцом послужило издание 1941 г., предпринятое

Профессора М. С. Корзун и В. А. Федосик. 2013 г.

С. Я. Лурье. Биографии издавались не парами (греческая — римская), а по отдельности. Михаил Семенович подготовил к печати и снабдил обширными комментариями «греческую» часть сборника.

Помимо исследований проблем Древней Греции Михаил Семенович постоянно держал в поле своего научного внимания историю Русской православной церкви, традиции исследования которой были заложены на кафедре еще академиком Н. М. Никольским. В результате кропотливой исследовательской работы М. С. Корзун издал две монографии: «Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. — 1917 г.» (1984) и «Русская православная церковь. 1917—1945 гг.» (1985). К первой монографии профессор Г. М. Лившиц успел написать рецензию. Но сама книга вышла уже после его смерти. Третья монография, логически завершавшая весь цикл, «Русская православная церковь. 1946—1988 гг.» была депонирована в 1992 г.

В 1996 г. М. С. Корзун защитил докторскую диссертацию «Русская православная церковь: деятельность и мировоззрение (X в.—1988 г.)». Оппонентами выступили профессора И. В. Оржиховский, Н. С. Гордиенко и В. И. Новицкий.

В настоящее время профессор М. С. Корзун в равной степени распределяет свои интересы между историей Русской православной церкви и античной историей.

На факультете продолжается чтение специального курса по истории Русской православной церкви, на который М. С. Корзуна благословил Г. М. Лившиц. В 2009 г. для реализации учебного потенциала, заложенного в монографиях и диссертации, Михаил Семенович издал УМК «История Русской православной церкви. X век — 2000 год», содержащий программу курса, конспект лекций, хрестоматию.

Читается также спецкурс «Религиозно-социальные концепции в истории и культуре античности», который был задуман Михаилом Семеновичем более 30 лет назад.

К. А. РЕВЯКО (1937—2013)

Казимир Адамович Ревяко родился 9 августа 1937 г. в крестьянской семье в деревне Смолянки Ляховицкого района Брестской области. Будучи ребенком, в полной мере испытал на себе ужасы немецко-фашистской оккупации Белоруссии и трудности первых послевоенных лет.

После окончания средней школы поступил в Минский библиотечный техникум им. А. С. Пушкина. С отличием окончив его, сделал следующий шаг для повышения своего образовательного уровня — поступил на исторический факультет БГУ.

После окончания университета в 1962 г. Казимир Адамович работал учителем в школе деревни Синкевичи Лунинецкого района Брестской области, затем преподавателем в Краснобережном сельскохозяйственном техникуме Жлобинского района Гомельской области.

Тем не менее молодой специалист не считал свой путь выбранным окончательно. Его привлекала научная деятельность.

На эту направленность в науку недавнего, но уже вполне оперившегося выпускника обратил внимание профессор Федор Макарьевич Нечай, который уже начинал постепенно создавать кадровый резерв из числа молодой смены. Он пригласил Казимира Адамовича в аспирантуру, а в 1972 г. принял на работу на кафедру истории древнего мира и средних веков.

Профессор Нечай предложил своему ученику для исследования принципиально важный для романистики вопрос о роли плебса. Решить проблему предстояло на примере конкретного исторического события — II Пунической войны.

Казимир Адамович не подвел своего учителя и прекрасно справился с предложенной задачей. В 1973 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Роль римского и итальянского плебса во II-ой Пунической войне», где убедительно показал, что после битвы при Каннах Рим понизил ценз римских граждан для службы в армии, в результате чего призванные в армию пролетарии (плебеи шестого разряда) омолодили ее, повысили боеспособность и способствовали победе Рима. В 1977 г. текст диссертации был переработан в монографию и депонирован. В том же году отдельные наиболее значимые части диссертации были опубликованы в виде статей в научных изданиях кафедры и БГУ.

Как правило, после защиты и публикации основных результатов диссертационных исследований ученый начинает нащупывать новую тему или расширять и углублять старую. Тема «не отпускала» Казимира Адамовича еще целых одиннадцать лет.

За это время он депонировал монографию «Немецкая историография о Пунических войнах» (1982), а также охватил своим вниманием все три войны и опубликовал обобщающую монографию «Пунические войны» (1988), получившую весьма благожелательную научную оценку (рецензии: Лисовый И. А. К. А. Ревяко. Пунические войны. Минск : Университетское, 1988 // Весн. БДУ. Сер. 3. 1989. С. 74; Burian J. К. А. Ревяко. Пунические войны. Минск : Университетское, 1988 // Listy Filologicke. Praha, 1992. № 115. S. 180—181) и огромный успех у читательской аудитории. Первое издание книги было раскуплено очень быстро.

На 1990-е гг. приходится пик научно-популярных публикаций К. А. Ревяко. Совместно с видным чешским антиковедом Игорем Лисовым он издает словарь-справочник «Античный мир в терминах, именах и названиях» (1996). Эта книга получила такую же популярность, как и монография о Пунических войнах.

В составе различных авторских коллективов Казимир Адамович участвовал в подготовке первых переизданий после долгого забвения книг Э. Ренана «Жизнь Иисуса» и «Апостолы», а также произведений Иосифа Флавия «Иудейская война» и «Иудейские древности».

Огромное внимание уделял Казимир Адамович работе со студентами, чтению лекций и спецкурсов. На протяжении двадцати лет он руководил работой созданного им при кафедре студенческого научного кружка «Древний мир и современность».

Плодотворная деятельность на ниве педагогики высшей школы была отмечена присвоением Казимиру Адамовичу Ревяко ученого звания профессора в 1997 г.

Сама жизнь заставила вернуться к теме Пунических войн — нужно было садиться за докторскую диссертацию.

Долгие пять лет длилась работа и увенчалась успешной защитой диссертации по теме «Борьба Рима и Карфагена за мировое господство» (2001).

Завершил свой жизненный путь профессор Казимир Адамович Ревяко 9 июля 2013 г., ровно за месяц до 76-й годовщины со дня своего рождения.

Л. П. СУШКЕВИЧ (1940—2004)

Людмила Петровна Сушкевич (в девичестве — Беляева) [13] родилась 3 января 1940 г. в Тбилиси в семье военнослужащего. Позднее большая дружная семья (отец, мать и четверо детей: два сына и две

дочери) переехала к новому месту службы отца, в Баку, где Людмила до 1957 г. училась в средней школе, сначала женской, а потом общей и дополнительно — в музыкальной.

После окончания средней школы Людмила Беляева поступила на исторический факультет БГУ. Во время учебы она приняла активное участие в освоении целинных и залежных земель.

Исторический факультет был успешно окончен в 1962 г., и выпускнице предложили поработать лаборанткой. Но на кафедре истории древнего мира и средних веков вакансии на то время не было, поэтому Людмила Петровна пошла на кафедру Новой и Новейшей истории. Но и с кафедрой своей студенческой специализации связи не теряла — выполняла часть учебной нагрузки, связанной с проверкой контрольных работ студентов заочной формы обучения. Через три года Людмиле Петровне все-таки удалось перейти на кафедру истории древнего мира и средних веков. С 1969 г. она была переведена с должности лаборанта на должность ассистента, что открывало перед ней больше возможностей в работе со студентами. Кроме того, по настоянию своего научного руководителя профессора Г. М. Лившица Людмила Петровна поступила в аспирантуру БГУ на заочную форму обучения. В 1975 г. ею была успешно защищена кандидатская диссертация по теме «Анджей Фрыч Моджевский — идеолог польского Возрождения». Работу на кафедре Людмила Петровна продолжила в должности старшего преподавателя (с 1976 г.) и доцента (с 1980 г.). Ученое звание Л. П. Сушкевич было присвоено в том же 1980 г. В 1999 г. в связи с достижением пенсионного возраста она перешла на контрактную систему заключения трудового соглашения.

В диссертации и последующих научных статьях и выступлениях Людмилы Петровны публицистическая деятельность и социально-политические идеи А. Моджевского показаны как отражение потребностей перехода к фольварочно-барщинной системе хозяйства, развития ремесла и торговли, которое, однако, тормозилось противоречиями между шляхтой и крестьянами, между шляхтой и магнатами, между шляхтой и духовенством.

Особое внимание было обращено на подрыв влияния латинского языка и замену его польским.

Основной сферой научно-педагогических интересов доцента Л. П. Сушкевич была германистика. Под ее руководством были подготовлены и успешно защищены две кандидатские диссертации по истории средневековой Германии. Обе ее ученицы подтвердили полученную ими во время обучения на историческом факультете и в аспирантуре высокую профессиональную квалификацию и в настоящее время работают в университетах ФРГ.

Научно-методическая работа Людмилы Петровны представлена разработкой курса истории южных и западных славян, читавшегося преподавателями кафедры на протяжении многих лет до образования на факультете отдельной кафедры истории южных и западных славян в 1998 г.

Доцент Л. П. Сушкевич принимала непосредственное участие в создании четырех поколений школьных учебников для 6 класса и первого в стране учебного пособия по истории Средних веков для вузов.

Свой жизненный путь Людмила Петровна Сушкевич завершила 3 октября 2004 г., оставив заметный след в белорусской средневековой славистике и полонистике, успев вырастить двух дочерей (Ирину и Светлану) и понычаться с внуком Евгением.

О. И. ХАНКЕВИЧ

Ольга Ивановна Ханкевич (в девичестве — Лаптева) родилась 12 октября 1947 г. в деревне Березки Добрушского района Гомельской области в семье служащих. После окончания школы поступила на исторический факультет БГУ, который с отличием окончила в 1970 г. Ей предложили работать на кафедре истории древнего мира и средних веков.

Заведующего кафедрой, Федора Макарьевича Нечая, в то время интересовала проблема римского плебса. В силу этого обстоятельства его аспирант К. А. Ревяко получил тему, главным направлением которой было изучение роли плебса во II Пунической войне, а на долю Ольги Ивановны выпала тема, связанная с такими политическими институтами республиканского Рима, как собрания плебса и деятельность представителей этого сословия — народных трибунов.

В дальнейшем исследовательница сконцентрировалась на изучении историко-правовых аспектов функционирования римского общества и государства эпохи Республики.

В 1978 г. кандидатская диссертация на тему «Роль народных трибунов и собраний плебса в общественно-политической жизни Римской республики II в. до н. э. (до Гракханского движения)» была успешно защищена. Ведущая роль плебейских магистратов и трибутовых комиций была показана Ольгой Ивановной на основе широкого круга нумизматических, эпиграфических и нарративных источников.

В 1980 г. О. И. Ханкевич было присвоено ученое звание доцента. В 1982 г. ее наградили медалью СССР «За трудовое отличие».

В 2000 г. исследовательница издала монографию «Древние цивилизации», в которой были обобщены современные представления по вопросам механизма формирования и развития первичных и вторичных очагов цивилизаций древности, охарактеризованы древнегреческая и древнеримская цивилизации с позиций их социально-политического устройства.

Преподаватели Д. С. Климовский (в первом ряду слева),
О. И. Ханкевич (во втором ряду вторая слева),
М. С. Корзун (в третьем ряду),
Н. А. Гусакова (в четвертом ряду первая справа)

Переработав огромный документальный материал, автор предложила новую модель становления и развития древней государственности и связанной с ней общественно-политической системы. Интерес Ольги Ивановны к междисциплинарному подходу в общественных науках, а также чтение курса лекций по римскому праву на факультете международных отношений БГУ нашли практическое выражение в серии публикаций на страницах исторических и юридических научных белорусских изданий, в частности в сборнике научных трудов «Право и демократия», издаваемого преподавателями юридического факультета БГУ.

На страницах этого сборника и других белорусских научных периодических изданий появилась целая серия статей, среди которых: «Древнее общество и государство: вопросы типологии и периодизации» (Вып. 14, 2003), «Особенности гражданского статуса в античности» (Вып. 16, 2005), «Политико-правовые институты и исторические реалии Римской республики» (Вып. 19, 2008), «Формирование гражданского общества в цивилизациях европейской античности» (Вып. 25, 2014).

В центре внимания исследовательских интересов О. И. Ханкевич находятся вопросы возникновения и формирования социально

Чествование Ф. М. Нечая в связи с 75-летием.
В первом ряду: О. И. Ханкевич, Ф. М. Нечай,
Г. М. Лившиц, Н. А. Гусакова. 1980 г.

расчлененного (стратифицированного) общества в греческом классическом полисе и римской республиканской цивитас.

В современном антиковедении полис и цивитас характеризуются как особая форма древнего государства общинного типа с выборными институтами управления и правовой формой регулирования частной и общественной жизни. Именно такие «точечные полиитии» древности являются, как отмечает исследовательница, идеальной моделью в деле изучения истоков современной демократии и путей становления гражданского общества. Сам же институт гражданства, основанный в эпоху древности на принадлежности к сообществу своих, т. е. сообщников, соплеменников, содружников и соучастников политической жизни, был, по заключению О. И. Ханкевич, новаторским и прогрессивным явлением на пути движения человечества к демократии.

Ю. Е. ИВОНИН

Юрий Евгеньевич Ивонин родился 26 августа 1947 г. в городе Бранденбурге в семье военнослужащего, проходившего службу в Группе советских войск в Германии. Само место рождения предопределило его прекрасное владение немецким языком и глубокий интерес к Германии и ее роли в судьбах Западной Европы Средневековья и раннего Нового времени.

В 1969 г. Юрий Евгеньевич окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Спустя несколько лет ему удалось поступить в аспирантуру Ленинградского государственного университета. В 1974 г. он успешно завершил свое обучение, защитив в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии».

После аспирантуры Ю. Е. Ивонин был направлен в БГУ, где проработал до 1987 г. Тринадцать лет, посвященных Юрием Евгеньевичем БГУ, были очень плодотворными и для него самого, и для кафедры.

В 1980–1981 гг. в течение 10 месяцев он проходил научную стажировку в Лейпцигском университете.

В 1984 г. в ЛГУ защитил докторскую диссертацию на тему «Англия и Священная Римская империя в системе международных отношений конца XV — первой половины XVI в.».

В своем исследовании Ю. Е. Ивонин доказал, что англо-имперские отношения на протяжении всего изучаемого периода имели общеевропейское, системное значение. В процессе отношений начался постепенный переход во внешней политике от защиты дворянско-династических интересов к защите национальных интересов. Англия же вступает на путь свойственной для последующих времен политики «равновесия сил» и борьбы против сильнейшего на континенте.

В сентябре 1985 г. во многом благодаря инициативе Юрия Евгеньевича и его широким личным связям в сообществе советских медиевистов на кафедре был проведен научный colloquium «Международные связи в средневековой Европе» с участием ведущих российских исследователей того времени: Н. И. Басовской, В. Г. Безрогова, Т. П. Гусаровой, А. П. Черных, О. И. Варьяш. На colloquium также была широко представлена позиция кафедры: доклады прочитали Ю. Е. Ивонин, Н. А. Гусакова, Е. Д. Смирнова.

В 1987 г. увидел свет сборник научно-популярных очерков «И живы памятью столетий», вышедший под редакцией Ю. Е. Ивонина и Н. А. Гусаковой. Сборник, собравший на своих страницах очерки, написанные ведущими советскими медиевистами, получил высокую оценку научного сообщества: «Медиевисты не избалованы популярными изданиями. Изыскания историков остаются достоянием академической или вузовской науки. Книги научно-популярной серии читают в основном представители интеллигенции, а существующий большой интерес публики к истории средних веков удовлетворяется беллетристикой, кинофильмами и телесериалами главным образом западного происхождения... Поэтому появление сборника очерков "И живы памятью столетий" не может не обрадовать. Авторы, историки Минска, Москвы и Ленинграда, получили наконец возможность напрямую обратиться к самой широкой аудитории» [15, с. 243].

В том же году Юрий Евгеньевич покинул БГУ и перешел на работу в Запорожский госуниверситет. Там он стал деканом исторического факультета, заведующим кафедрой всеобщей истории, получил звание профессора (в 1989). В Минске, в издательстве «Университетское», были опубликованы его первые две монографии: «Истоки европейской дипломатии нового времени» (1984) и «Ста-

новление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох» (1989), положившие начало целой серии книг и публикаций, приведших в итоге к созданию фундаментального трехтомника «Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время. 1495—1806 гг.», изданного в Смоленске.

В недавнем интервью, возвращаясь к периоду своей историко-исследовательской и педагогической деятельности времен Советского Союза, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Смоленского госуниверситета, заслуженный деятель науки РФ Юрий Евгеньевич Ивонин подчеркнул следующее: «Я как старался быть объективным исследователем, так им и остался. Просто теперь не надо подкреплять свои идеи и выводы ссылками на произведения классиков марксизма-ленинизма. Конечно, в СССР история как наука была часто идеологизирована. Но это и понятно, ведь в нашей стране осуществлялась попытка создания социально справедливого государства» [6].

Следует отметить, однако, что лекции Юрия Евгеньевича полностью разрушали методические стереотипы педагогики советской высшей школы. Профессор И. О. Евтухов, слушавший их, будучи студентом второго курса, вспоминает: «Вторая часть средневековой истории в советской медиевистике охватывала весь XVI век и доходила до Вестфальского мирного договора (1648 год). Читал этот курс доцент Ивонин Юрий Евгеньевич. Уже защищенная им докторская диссертация еще не была утверждена ВАКом. Я писал у него курсовую работу и спросил о регалиях (для оформления титульного листа). Ответ был следующий: "Уже не кандидат, но еще не доктор. Пишите просто — доцент".

Читал курс Юрий Евгеньевич очень своеобразно: блоками. Весь материал был разбит на три большие части: 1) первоначальное накопление капитала; 2) реформация; 3) международные отношения. Читались они в указанной последовательности. А значит, каждая страна проходила перед студентами трижды в разных обликах, например: английская экономика, английская реформация, английская внешняя политика. И в каждом блоке она находилась как элемент пазла в неразрывной системной связи с другими странами. А вот на экзамене блоки рассыпались на отдельные кирпичики-вопросы. Но системные связи между ними в памяти оставались: при ответе одно всегда цепляло другое и вытаскивало в итоге общую картину» [3, с. 13].

Р. А. СМОЛЬСКИЙ (1947–1983)

Ревальд Андреевич Смольский прожил короткую жизнь, не успев реализовать себя в полной мере в науке. Преждевременная смерть оборвала его исследования сразу после того, как были получены первые итоги. Ревальд Смольский [11] родился 11 августа 1947 г. в семье учителей в деревне Селиба Березинского района Минской области. Кроме него подрастали два брата, получившие от родителей более распространенные имена: Эдуард и Святослав, и сестра.

В 1957 г. Смольские переехали в Минск. Всех представителей мужской части подрастающего поколения ждала вполне определенная стезя — они влились в ряды рабочего класса. Эдуард был слесарем на заводе им. Вавилова, Святослав — на заводе им. Ленина. Исключение было сделано для сестры, поступившей на дневное отделение архитектурно-строительного факультета БПИ. Сам Ревальд вступил на трудовой путь буквально со школьной скамьи, будучи подростком. На опытный завод СКБ-3 он пришел после окончания девяти классов. Дальнейшее образование Ревальд продолжил в вечерней школе рабочей молодежи, которую окончил в 1966 г.

Вопрос о выборе профессии перед ним не стоял — работа на заводе СКБ-3 продолжалась еще долгие годы. Тем не менее молодой человек искал возможность продолжить свое образование. Постепенно верх взял интерес к истории, и Ревальд в 1968 г. поступил на исторический факультет БГУ на вечернее отделение.

В 1969 г. он женился. На следующий год — стал отцом, у него родилась дочь.

В 1974 г. Ревальд успешно окончил университет. Перед ним снова встал вопрос о выборе дальнейшего пути: завод, школа или что-то другое. К выбору третьего варианта его подталкивал руководитель его дипломной работы профессор Г. М. Лившиц, предложивший ему остаться на кафедре.

Данный вариант поддержал и заведующий кафедрой профессор Ф. М. Нечай. Ему также импонировал талантливый молодой историк, прошедший закалку школой жизни. Тем более что ему пред-

стояло работать со студентами, близкими ему по возрасту и жизненному опыту — с «вечерниками» и «заочниками». На вечернем отделении Ревальд Андреевич вел семинары и руководил написанием курсовых работ, на заочном — принимал контрольные работы. Научно-педагогическая деятельность повышала уровень его методической подготовки, хотя и отнимала достаточно много времени. Поэтому написание диссертации несколько затянулось. Наконец, работа над текстом подошла к концу. Отдельные части исследования были опубликованы в виде трех статей в научных журналах.

В 1980 г. состоялась успешная защита кандидатской диссертации Р. А. Смольского «Общественно-политические воззрения Монтеня», написанной под научным руководством профессора Г. М. Лившица. В 1981 г. ВАК СССР утвердил решение совета БГУ о присуждении Ревальду Андреевичу ученого звания кандидата исторических наук. Квалификационный барьер был успешно взят. Открывалось широкое поле деятельности, тем более что Г. М. Лившиц в этот период очень активно разрабатывал тему проявления свободомыслия и атеизма в различные эпохи европейской истории.

Но планам сбыться не было суждено. 26 марта 1983 г. Ревальд Андреевич Смольский скончался.

В. А. ФЕДОСИК

Виктор Анатольевич Федосик родился 9 февраля 1951 г. в деревне Синкевичи Лунинецкого района Брестской области в семье известного белорусского ученого, филолога-фольклориста Анатолия Семеновича Федосика.

Безусловно, интеллектуальная атмосфера, которая существовала в семье, в значительной мере сформировала интересы молодого Виктора Федосика. В то время выходили в свет сорок два тома выдающейся серии «Беларуская народная творчасць», главным редактором которой был его отец. Серия стала настоящим кладом материалов белорусской народной культуры, любовь к которой, а также к истории навсегда сохранилась у Федосика-младшего.

Первым шагом на пути в науку было поступление на исторический факультет Белорусского государственного университета, который он окончил с отличием в 1973 г. После завершения в 1976 г. аспирантуры в БГУ В. А. Федосик работал в Минском институте культуры сначала преподавателем, а с 1980 г. — доцентом кафедры истории СССР, БССР и зарубежных стран.

Научные интересы Виктора Федосика определились еще в студенческие годы выбором специализации по кафедре истории древнего мира и средних веков. Именно заведующий этой кафедрой профессор-антиковед Ф. М. Нечай предложил молодому выпускнику пойти в аспирантуру.

В 1977 г. под научным руководством профессора Ф. М. Нечая Виктор Анатольевич Федосик защитил кандидатскую диссертацию на тему «Возникновение христианских таинств крещения и причащения (социально-политическая эволюция христианства и обрядовая практика)».

В то время религиозную тематику, и в особенности взвешенное, объективное научное изучение истории христианской религии, нельзя было отнести к приоритетным темам. Советские функционеры считали, что религия — принадлежность «отживших эксплуататорских формаций» и чуждое явление для советского человека.

Однако на кафедре истории древнего мира и средних веков существовала научная школа по исследованию древних обществ, неразрывно связанных с изучением религии. В разные времена здесь работали академики Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, профессора Ф. М. Нечай, Г. М. Лившиц — настоящие мастера своего дела. Научная школа была тесно связана с развитием исторического знания еще в дореволюционные времена в российской науке. В ходе работы над диссертацией Виктор Анатольевич сформировался как профессионал высокого класса, чему активно способствовали профессора Ф. М. Нечай и Г. М. Лившиц [4; 5]. Результаты диссертационного исследования были опубликованы в виде монографии «Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств» (1979).

Анализ христианских таинств и их места в становлении клира вывел историка на следующий круг проблематики — формирование структуры ранней христианской церкви. Здесь им был подробно рассмотрен институт катехумената, который до этого находился на периферии поля внимания историков. В изданной в 1983 г. монографии «Критика богословских концепций сущности

Студент БГУ
Виктор Федосик

Ректор БГУ В. М. Сикорский поздравляет курсанта В. Федосика с принятием присяги на военных сборах

Доцент Минского института культуры В. А. Федосик (в центре)

христианского катехумената» Виктор Анатольевич показал, что катехуменат возникает вместе с епископальной церковью, маркирует ее значительное влияние на рядовых верующих и отмирает после укрепления позиций церкви. Реликтом катехумената является деление литургии на две части: для катехуменов и для верных. В том же году В. А. Федосик возвратился в БГУ на кафедру истории древнего мира и средних веков. Молодой преподаватель сразу стал пользоваться авторитетом у студентов. Многие из его учеников пошли в науку, а некоторые сейчас работают вместе с профессором В. А. Федосиком.

С сентября 1988 г. он заведует кафедрой истории древнего мира и средних веков.

Продолжая исследование процесса институционального становления раннехристианской церкви, В. А. Федосик вновь обратился к источникам, незаслуженно обойденным вниманием историков, к пассионам, рассказам о мученичестве. Большинство пассионов были записаны в раннее Средневековье, хотя повествовали они о временах поздней Античности. В своей новой монографии «Церковь и государство: критика богословских концепций», опубликованной в 1988 г., Виктор Анатольевич раскрыл огромный информационный потенциал пассионов для анализа отношений

В. А. Федосик (справа)
и профессор Ливио Зербини (Италия). 2006 г.

раннехристианской церкви и римского государства. Помимо пассионов, в монографии анализировалась переписка карфагенского епископа Киприана. Это обстоятельство определило направление дальнейших исследований. Именно Киприану посвятил историк свою следующую монографию: «Киприан и античное христианство» (1991).

Данное исследование отличает не только глубокая аналитика и интересные новые выводы, но и уважительное отношение к источнику. Если у Киприана встречается цитата из Нового Завета, то Виктор Анатольевич не берет (как делают многие историки, к сожалению) текст синодального перевода, а переводит сам, ибо «латинские новозаветные тексты, используемые Киприаном, отнюдь не всегда идентичны Вульгате Иеронима» [16, с. 4].

Закономерным и знаменательным итогом многолетнего изучения античного христианства стала успешная защита в 1992 г. докторской диссертации на тему «Христианская церковь в Римской империи в III — начале IV в. (становление христианской церкви и религиозная политика императорской власти)». Оппонентами выступили заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ профессор В. И. Кузищин, авторитетнейший специалист по раннему христианству профессор И. С. Свенцицкая и минский профессор В. И. Горемыкина, чья позиция, высказанная в вышедшей незадолго до этого книге «В поисках истины о раннем христианстве», совершенно не совпадала с научной позицией диссертанта. Оппонирующей организацией был известный своими достижениями в изучении античной истории Казанский университет.

В концепции, предложенной в диссертационном исследовании, были раскрыты два взаимосвязанных процесса, разворачивавшихся на землях Римской империи в конце III — начале IV в. н. э. Христианские поместные церкви империи стремились к унификации (католизации), имперская центральная власть пыталась установить эффективный контроль (в том числе идеологический) над подданными. В указанный период эти стремления вступают в конфликт, выразившийся в гонениях на христиан, отказавшихся приносить жертвы официальному культу императора. Конфликт, однако, приводит к консолидации церквей и ускоряет их католизацию. В результате, в заключительной части указанного периода, имперская власть берет курс на легализацию христианства (Миланский эдикт). Завершился кризис установлением режима домината и обретением им новой идеологической опоры в лице христианства.

В 1993 г. Виктору Анатольевичу было присвоено ученое звание профессора.

В. А. Федосик подготовил к изданию и обеспечил научными комментариями историческую работу Иосифа Флавия «Иудейская война». Это было первое после длительных десятилетий забвения издание сочинений знаменитого историка в Советском Союзе. Сейчас им пользуются ученые и студенты на всем постсоветском пространстве.

В 1994 г. Виктор Анатольевич Федосик стажировался в Пенсильванском университете (Филадельфия, США). Кроме того, он читал лекции по истории христианства периода Римской империи во Вроцлавском университете (Польша).

После становления суверенной Беларуси профессор В. А. Федосик мобилизовал коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков на решение насущных задач — написание новых программ и учебников по истории для вузов и средних школ.

Под научной редакцией профессора В. А. Федосика издано первое рекомендованное Министерством образования Республики Беларусь учебное пособие для вузов «История средних веков» на белорусском и русском языках (2002—2008), в котором он является ведущим автором.

В течение последних десятилетий Виктор Анатольевич активно трудится над созданием учебников и учебных пособий для средних школ Беларуси. Под его научной редакцией и при его авторстве выпущены более 20 учебников и учебных пособий по истории Средних веков и всеобщей истории для школ, начиная с самых первых в 1993 г. Более десятка из них имеют гриф Министерства образования Республики Беларусь, последний учебник издан в рамках школьной реформы в мае 2009 г. Ученый активно участвует и в создании хрестоматий, атласов, учебных карт, рабочих тетрадей, тестовых заданий, методических пособий для учителей по истории Средних веков.

Почти сразу после создания в БГУ Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла профессор Федосик начал сотрудничать с ним, внося свою лепту в возрождение богословского образования в нашей республике.

В. А. Федосик является одним из ведущих антиковедов и медиевистов в нашей стране. Помимо монографий, им опубликовано несколько энциклопедических и научно-популярных книг в соавтор-

стве («Средневековый мир», «Древний мир. Культура, искусство, история», «Очерки истории христианской церкви в Европе» и др.).

Всего он издал более 320 печатных научных и научно-методических работ. Кафедра истории древнего мира и средних веков является ведущим научным центром Республики Беларусь в области исследования древней и средневековой истории, а сам он — признанный лидер созданной академиком Н. М. Никольским научной школы исследования античного христианства.

Ученики Виктора Анатольевича работают над темами по античному христианству, по истории католичества в средние века, по христианской идеологии. Профессор В. А. Федосик создал собственную научную школу изучения средневекового христианства.

Под его научным руководством защищены одна докторская и восемь кандидатских диссертаций. Научные работы В. А. Федосика широко известны за пределами Беларуси, они изданы в России, Украине и других странах, входят в списки рекомендованной литературы вузовских курсов по истории Древнего мира и спецкурсов по первоначальному христианству зарубежных университетов.

В. А. Федосик прилагает много усилий для организации научно-исследовательской работы студентов. На кафедре истории древнего мира и средних веков уже много лет действует студенческий научный кружок. За последние годы был создан первый студенческий электронный научный журнал SCRIPTORIUM.

Несколько лет подряд профессор Федосик возглавляет комиссию по историческим дисциплинам Республиканского конкурса студенческих научных работ.

Виктор Анатольевич отдает дань уважения своим учителям. В серии «Память и слава», которую издает БГУ в честь своих выдающихся ученых, под научной редакцией В. А. Федосика и его коллег вышли книги, посвященные профессорам Ф. М. Нечаю и Г. М. Лившицу.

Профессор В. А. Федосик является членом Совета по защите докторских диссертаций при БГУ, членом секции исторических дисциплин Государственной комиссии по подготовке учебников в гуманитарно-обществоведческой сфере, членом редколлегии журнала «Веснік БДУ» (сер. 3), «Беларускага гістарычнага часопіса» и др.

За высокие достижения в научной, педагогической и общественной деятельности он награжден Почетной грамотой Кабинета министров Республики Беларусь (1996 г.), Почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь (2001 и 2004 гг.),

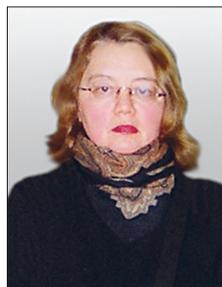
Грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР (1983 г.), пятью Почетными грамотами БГУ. В 2003 г. профессор В. А. Федосик за цикл научных работ «Человек и социум в античности и средневековье» получил премию им. В. И. Пичеты в области социальных и гуманитарных наук.

В 2006 г. он награжден медалью святителя Кирилла Туровского Белорусской Православной Церкви, а в 2009 г. — нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі».

НАУЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в.¹

Е. Д. СМЕРНОВА

Елена Дмитриевна Смирнова родилась 12 декабря 1954 г. в Ленинграде в семье интеллигентов (по матери из семьи художников Астаповичей, по отцу из старинного дворянского рода Смирновых-Менделеевых). Позже семья переехала в Рязанскую область, в город Рыбное, где мать Елены Дмитриевны Нина Ивановна Смирнова получила место заведующей отделом в НИИ пчеловодства. В 1963 г. после защиты докторской диссертации (в возрасте 34 лет) Н. И. Смирнова с семьей переехала в белорусский город Витебск, где получила место заведующей кафедрой микробиологии и была утверждена в ученом звании профессора.

Елена Дмитриевна окончила 10-ю среднюю школу города Витебска, сдала вступительные экзамены на искусствоведческое отделение Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академия художеств СССР, Ленинград) и отделение истории искусств исторического факультета Ленинградского университета. Сказались любовь к изобразительному искусству, привитая с самого раннего детства бабушкой — художницей Зинаидой Антоновной Бочаровой (Астапович), ее рассказами о дореволюционном Санкт-Петербурге, художниках «Мира искусства», Н. К. Рерихе, И. Я. Билибине, А. Р. Эберлинге, у которых она училась в Школе Императорского Общества Поощрения Художеств в 1915—1918 гг.; а также

¹Глава написана совместно с Н. В. Кошелевой, О. В. Перзашкевичем, Е. Д. Смирновой, А. А. Торканевским.

прочитанные книги, прекрасная домашняя библиотека по искусству и мировой художественной классике; близость с тетей Идой Тарасовной Нерсесовой — московским искусствоведом, заведующей отделом ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Но вернуться в Ленинград в качестве студентки не получилось.

В 1975 г. Елена Дмитриевна вышла замуж и одновременно поступила на первый курс дневного отделения исторического факультета Белорусского государственного университета, который окончила с рекомендацией в аспирантуру в 1981 г. (на год позже, чем положено, так как в начале 1976 г. родился сын Александр).

Научным руководителем курсовых работ по специализации и дипломной работы Елены Дмитриевны была доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Нина Антоновна Гусакова. Темой дипломной работы Е. Д. Смирновой стала «Проблема социальных корней Возрождения в советской историографии», защищенная на «отлично» в 1981 г. Работа получила Первую премию на Республиканском конкурсе студенческих работ и была представлена на Всесоюзный конкурс. После защиты заведующая кафедрой Н. А. Гусакова предложила прикрепиться к кафедре в качестве соискателя, чтобы получить возможность сдать кандидатский минимум.

После окончания университета Елена Дмитриевна в течение двух лет (1981—1983) работала младшим научным сотрудником отдела белорусского искусства Государственного художественного музея БССР (теперь Национальный художественный музей Беларуси). Одновременно с экскурсионной и научной работой в музее Елена Дмитриевна была прикреплена в качестве соискателя к кафедре этики, эстетики и научного атеизма философского факультета БГУ. Научным руководителем был утвержден доктор исторических и философских наук, профессор Г. М. Лившиц. Он предложил заняться философскими взглядами Поля Гольбаха. В 1983 г. Е. Д. Смирнова, успешно сдав последний экзамен по специализации, поступает в аспирантуру на кафедру истории древнего мира и средних веков.

В связи со смертью Гилера Марковича в 1983 г. возникла необходимость в утверждении нового научного руководителя. Им стала Нина Антоновна Гусакова. Темой кандидатской диссертации были утверждены «Чешско-русские культурные связи (вторая половина XVIII в.)». Конечно, хотелось заниматься любимым итальянским Возрождением, но в условиях СССР в научном мире царил негласный закон: ученик обязан заниматься проблематикой своего учителя. Значит, Чехией, которая была темой научных интересов Н. А. Гусаковой. Елена Дмитриевна хорошо запомнила слова,

сказанные ей в 1983 г. в Москве при встрече в ИВИ РАН профессор Ю. Л. Бессмертным: «У Вас там в Минске центр славяноведения. И лучше синица в руке, чем журавль в небе. Ну, а если бы Вы были моей аспиранткой, я дал бы Вам в качестве исследования Кристину Пизанскую».

Но Чехия тоже была разной. И в истории Чехии существовала культура чешского Возрождения, которую и выбрала после долгих метаний Елена Дмитриевна. В декабре 1988 г. после пяти лет работы (в 1986 г. родился второй сын Дмитрий) Елена Дмитриевна успешно защитила кандидатскую диссертацию по культуре чешского национального Возрождения и славянским (чешско-русским) контактам в области культуры в период феодализма. Официальными оппонентами стали профессор Д. Б. Мельцер (г. Минск) и доцент А. И. Митряев (г. Харьков).

В годы аспирантуры Елена Дмитриевна приняла участие в нескольких прошедших в Минске представительных конференциях — межвузовском коллоквиуме «Международные связи в средневековой Европе» (1985), организованном доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Ю. Е. Ивониным и заведующей кафедрой Н. А. Гусаковой, и в XI Всесоюзной научной конференции историков-славистов (1988); много работала в библиотеках и архивах Ленинграда, Москвы (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека АН СССР, архив Государственного Эрмитажа, ЦГИА СССР, Ленинградское отделение Архива АН СССР, ГБ СССР им. В. И. Ленина и др.), Праги (Государственная библиотека Чешской Социалистической Республики, Славянская библиотека, библиотека Чешского музея), обоснованно полагая, что человек науки не должен ограничиваться локальными возможностями местных библиотек и архивов.

Большую помощь и несомненное влияние на Елену Дмитриевну оказал ленинградский историк-славист, профессор Александр Сергеевич Мыльников (1929—2003), с которым она познакомилась в Ленинградском университете на заседании ученого Совета по защите диссертаций в 1984 г. Человек потрясающих энциклопедических знаний, свободно владевший несколькими европейскими языками, писавший стихи на немецком языке, Александр Сергеевич стал научным консультантом Елены Дмитриевны (утвержден ученым советом истфака БГУ).

В 1988 г. Елена Дмитриевна стала преподавателем кафедры истории древнего мира и средних веков. Сразу после защиты кандидатской диссертации приступила к чтению лекций по истории Средних

веков (XVI — первая половина XVII в.) на дневном отделении исторического факультета БГУ, вела семинары, разработала спецкурс «Французский гуманизм», в течение ряда лет вела спецсеминар «Немецкий гуманизм». В 1992 — начале 1993 г. прошла научную стажировку в Санкт-Петербургском университете на кафедре истории средних веков под руководством заведующей кафедрой истории средних веков профессора Г. Е. Лебедевой.

В 1992 г. Елена Дмитриевна получила должность доцента, а в следующем 1993 г. ей было присвоено ученое звание доцента кафедры истории древнего мира и средних веков.

В 1995—1996 гг. Е. Д. Смирнова являлась руководителем проекта фонда Сороса и подготовила совместно с искусствоведом Н. М. Усовой (сейчас заместитель директора по науке Национального художественного музея Беларуси) каталог, посвященный двум признанным белорусским художникам — Аркадию и Зинаиде Астапович (бабушка Елена Дмитриевны). В апреле — мае 1998 г. написала для российских школ задачник «Дидактический материал по истории средних веков» (вышло два издания).

В 90-е гг. научные интересы Елены Дмитриевны сфокусировались на истории культуры и истории повседневности средневекового Запада. Вышел ряд ее статей по истории французской средневековости. В 1997 г. Елена Дмитриевна выступила с инициативой подготовить словарь-справочник по истории Средних веков. В 1999 г. в издательстве «Беларусь» вышло первое издание этого словаря под названием «Средневековый мир в терминах, именах и названиях», в 2001 г. — второе. В этом коллективном труде (участие в написании принимали также В. А. Федосик и Л. П. Сушкевич) Елена Дмитриевна является основным автором, ею написано большинство словарных статей. Словарь получил одобрение российских специалистов (доцента кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского университета Ю. П. Малинина, профессора А. С. Мыльникова и др.). В 2008 г. на основе «минского словаря» московское издательство «Эксмо» выпустило, серьезно дополнив белорусское издание картами и цветными иллюстрациями, энциклопедию «Средние века. Культура. Искусство. История».

Многие годы Е. Д. Смирнова читает студентам общий курс «История средних веков (XIV—XV вв.)» и три спецкурса — «Средневековый быт», «Историография истории средних веков», «Средневековая культура Западной Европы». Является автором разделов и параграфов в учебниках и учебных пособиях по истории запад-

ноевропейского Средневековья и истории средневековой культуры.

Большой удачей Елены Дмитриевны можно считать ее участие в коллективной монографии российских (преимущественно из Москвы и Санкт-Петербурга) ученых-медиевистов «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал» (Москва, 2004), вышедшей под редакцией профессора Н. А. Хачатурян, а также публикацию о французской писательнице-феминистке Кристине Пизанской (совместно с аспиранткой С. А. Рогач) «Кристина Пизанская: истоки феминизма» в шестом выпуске альманаха гендерной истории «Адам и Ева» (2003), издаваемом Институтом всеобщей истории Российской академии наук.

В 2000-х гг. Елена Дмитриевна являлась стажером-стипендиатом Института им. Г. Эккерта (Германия, г. Брауншвейг), консультантом Карлова университета (Чехия, г. Прага), стала обладателем гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, была руководителем проекта «Человек, общество и материальный мир Средневековья» (Беларусь, г. Минск), стипендиатом Республики Беларусь за вклад в развитие высшего образования (Беларусь, г. Минск). В период с 2004 по 2012 г. руководила студенческой научной лабораторией (СНИЛ) «Повседневная история средневековья и методология современных исследований», организованной ею при кафедре из своих студентов-дипломников, магистрантов и аспирантов. В тех же 2000-х выпустила цикл статей (около 25) по истории повседневности Средневековья в различных научных, периодических изданиях Беларуси, опубликовала монографию «Повседневность Средневековья. Medium Aevum Quotidianum» (Минск, 2010).

Продолжает исследовать историю повседневности, историю культуры и социальную историю средневекового Запада.

Е. Д. Смирнова.
Париж, 1994 г.

И. О. ЕВТУХОВ

Игорь Орестович Евтухов родился 14 апреля 1962 г. в городе Челябинске на Урале в семье инженеров-строителей. В то время его отец, Орест Семенович, вернувшийся из Афганистана, где руководил взрывными работами при строительстве дороги через перевал Саланг, был занят на возведении новой взлетно-посадочной полосы местного аэродрома. Аэродром был сдан, и в 1964 г. семья Евтуховых переехала в Тамбов: там Орест Семенович руководил одним из строительных управлений, работавших на автодороге «Москва — Волгоград». Далее, в 1972 г., главе семейства была поручена организация треста «Дорстроймеханизация» с основным местом дислокации в Калинин (Твери). Наконец, в 1976 г. Орест Семенович был переведен в Минск для организации треста «Магистральдорстрой», основного исполнителя работ при возведении автодороги Москва — Минск — Брест в преддверии Олимпиады-80.

В Минске Игорь Евтухов окончил среднюю школу и попытался поступить на переводческий факультет института иностранных языков. Попытка не удалась, ибо подвело социальное происхождение. На его место был принят абитуриент, набравший на 0,5 балла меньше, но приехавший поступать из деревни.

Далее последовала работа на заводе «Электроника» (ПО «Интеграл»), где Игорь получил специальность фрезеровщика, и служба в Советской Армии.

После демобилизации в 1982 г. Игорь Евтухов поступил на дневное подготовительное отделение БГУ, в группу историков. Слушатели имели все права студентов (получали стипендию). Они на протяжении десяти месяцев проходили предметы, по которым сдавались вступительные экзамены на факультет. Летом слушатели сдавали выпускные экзамены, по итогам которых вне конкурса зачислялись на факультет.

В 1983 г. Евтухов Игорь стал студентом первого курса истфака БГУ. Учеба особых затруднений не вызывала (из 40 выдержанных за пять лет экзаменов 37 были сданы на отлично). Также не вызывала сомнений будущая специализация. Еще будучи школьником он заинтересовался библейскими текстами (через книги Лео Таксила

и Зенона Косидовского), поэтому курс держал на кафедре истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель был также определен, Виктор Анатольевич Федосик. Более того, было получено его предварительное согласие на научное руководство.

В качестве темы дипломного исследования была выбрана антропология Аврелия Августина. Для доступа к религиозной литературе, находящейся в фондах библиотеки им. В. И. Ленина, требовалось ежегодно оформлять допуск. Руководство факультета подготовило необходимую просьбу, и вопрос был решен. Также положительно был решен вопрос и о допуске в спецхран «Ленинки» для работы с современной религиозной и богословской литературой на иностранных языках. Только в этом случае просьба ушла за подписью проректора по науке.

Будучи студентом Игорь Евтухов просмотрел и переработал подписки основных богословских журналов Российской империи за многие десятилетия. Основной упор при этом делался на «Труды Киевской духовной академии», издававшей серию «Творения Отцов Церкви западных»: Иеронима Стридонского, Аврелия Августина, Арнобия и других.

Работа с переводами первоисточников создала необходимую базу для написания оригинальных докладов для выступлений на всесоюзных научных студенческих конференциях. Университет трижды отправлял И. О. Евтухова на такие конференции: в Ленинград, Харьков и Казань.

Не оставался И. О. Евтухов в стороне и от остальных проявлений студенческой жизни, таких как стройотряды. Самым запоминающимся стал ССО безвозмездного труда «Белая Русь», сформированный на историческом факультете в 1986 г. и направленный в пострадавший от землетрясения Ленинабад.

Профессор И. О. Евтухов вспоминает: «Наш объект был за пределами самого Ленинабада. Выполняли кровельные работы на промышленном предприятии. Там же и жили. Пришла июльская жара. Пока в наших комнатах не установили кондиционеры, ночь проходила следующим образом: брали простыни и шли к арыку. Мочили простыни, отжимали и заваливались спать. Через два — три часа простыни были сухими. Приходилось снова идти к арыку. Два похода за ночь.

Работа была простая — уложить на крыше рубероид. На практике это выглядело так. Внизу плавился битум (там, в «преисподней», у печки трудился Витя Лямцев). Жидкий горячий битум заливался во фляги и поднимался на крышу. Нашей задачей было разлить

Бойцы ССО безвозмездного труда «Белая Русь».
Ю. Кончик, И. Евтухов, Н. Ильюшонок.
Таджикистан, Ленинабад, 1986 г.

битум по ведрам, затем ровными полосками по крыше и, наконец, положить рубероид. Делать это надо было осторожно. В последний рабочий день рука у Саши Кирченко дрогнула и он облил себе кисть кипящим битумом. Получилась такая черная блестящая «перчатка».

Крыша плоская. Температура больше 45 °С в тени. Около края крыши была невысокая стенка, ведущая на крышу следующего уровня. В полдень, когда уже были выпиты ведро воды и ведро заваренного заранее зеленого чая, старый битум выработан, а новый еще не закипел, наступало полчаса передышки.

Стенка эта давала тень шириной не более 25–30 см. И вся наша бригада, пять студентов, ложилась вплотную к стене, на бок, в ряд, чтобы хоть как-то спрятаться от палящего солнца» [3, с. 17].

Но и в этих условиях оставалось немного места для науки: «Когда дневная жара поднялась до 45 °С в тени, мы перешли на работу в две смены: вторую (вечернюю) и третью (ночную). Третья смена освободила бригаде светлую часть дня, которую нужно было чем-то занять. Занятие нашли. Вполне интересное и полезное. Подрядились на общественных началах в Северо-Таджикскую археологическую экспедицию, которая вела раскопки около Цитадели Александра Македонского (Ленинабад/Ходжент стоит на месте древней Александрии Крайней).

Два человека из нашей бригады (Коля Ильюшонок и Юра Кончик) после первого курса были призваны в армию и пройти археологическую практику не успели. Теперь же удалось договориться, что мы работаем землекопами, а руководитель экспедиции напи-

шет в БГУ, чтобы им зачли практику (так, кстати, и произошло). Руководителем нашим был археолог, окончивший в свое время Запорожский университет. В Таджикистан он попал после того, как несколько лет работал в Якутии. Рассказывал, как там уважают образованных людей, вышивают для них рукавицы, унты. Узнав, что я украинец, сразу же заверил, что "Нэньку" он не забыл. Но разговор о том, как он попал в Якутию, так и не состоялся. Он от него всячески уходил. А арифметика была простая: 1986 г. минус несколько лет в Таджикистане, минус несколько лет в Якутии получаем 1970 г. — начало массовых арестов среди украинской национальной интеллигенции. За арестом, как правило, следовал пятилетний лагерный срок и пятилетняя ссылка на Север. Правда, и я ему не рассказал, что девичья фамилия моей украинской (со стороны отца) бабушки была Березняк и что ее родным дядей (и моим двоюродным прадедушкой) был Савватий Березняк, член Украинской Центральной Рады, один из руководителей подавления вооруженного выступления большевиков в Киеве в январе 1918 года» [3, с. 17–18].

В 1988 г. исторический факультет был окончен с отличием и выпускник Евтухов поехал работать по распределению в деревню Новая Вёска (Столбцовского района Минской области) учителем истории и английского языка. За время учебы в университете он сдал отдельный экзамен и получил удостоверение переводчика английского языка и литературы по специальности «история». На следующий год его отпустили в Минск, потому что не было возможности предоставить положенное по закону молодому специалисту

Студент 5-го курса БГУ И. Евтухов. 1988 г.

отдельное жилье или комнату в общежитии. Игорь Орестович пошел работать учителем истории в минскую среднюю школу № 75.

В декабре 1991 г. И. О. Евтухова приняли на работу в БГУ на кафедру истории древнего мира и средних веков. При этом было выдвинуто одно обязательное для выполнения условие: в феврале 1992 г. начать чтение лекционного курса и проведение семинаров по истории Средних веков для студентов 2-го курса белорусскоязычного отделения.

За оставшийся до февраля месяц нужно было подготовить лекционный курс и выучить белорусский язык (в школе И. О. Евтухов, приехавший из России, не изучал ни белорусского языка, ни белорусской литературы). Кроме того, нужно было закончить работу над кандидатской диссертацией «Концепция человека поздней античности: запад Римской империи. V в. н. э.» (научный руководитель В. А. Федосик). Защита была уже назначена на апрель 1992 г. Тем не менее все было выполнено. И язык освоен, и лекции прочитаны, и защита состоялась. Оппонентами выступили заведующий кафедрой истории Древнего мира МГУ профессор В. И. Кузищин и доцент (ныне профессор) М. М. Казаков из Смоленского педагогического института.

В диссертации были сформулированы основные концепции человека поздней Античности на латинском Западе империи, сформировавшиеся в рамках христианской парадигмы: пелагиан, масилиан, предестинатов, проанализированы предложенные ими стереотипы поведения и сделан вывод о том, что актуализация того или иного стереотипа зависит от ситуации, складывавшейся в обществе под влиянием внутренних и внешних факторов.

В 1992 г. И. О. Евтухову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук, в 1996 г. — присвоено ученое звание доцента.

В 1995 г. И. О. Евтухов совместно с М. С. Корзуном подготовили переиздание «Избранных жизнеописаний» Плутарха. В основу было положено издание 1941 г., вышедшее под редакцией С. Я. Лурье. И. О. Евтухов написал вводную статью «Плутарх Херонейский: жизнь и творчество» и прокомментировал римские биографии, вошедшие в сборник.

После того как человек поздней античности оказался вписанным в социальную среду, перед исследователем возникла необходимость сделать следующий шаг: посмотреть на том же материале, как человек вписывается в среду природную, как он воспринимает пространство и время.

Дополнительный материал для исследований И. О. Евтухову дала работа в библиотеках Киева, Львова, Санкт-Петербурга, Варшавы.

В результате им была подготовлена и издана монография «Успрыняцце прасторы і часу ў познаантычным менталітэце» (1999). Материалы кандидатской диссертации были положены в основу второй монографии: «Познаантычная канцэпцыя чалавека» (2000).

Обе монографии легли в основу докторской диссертации И. О. Евтухова «Позднеантичный менталитет: запад Римской империи (IV—V вв. н. э.)», подготовленной под научным руководством профессора В. А. Федосика и успешно защищенной в 2001 г. (оппоненты: доктора исторических наук И. В. Оржиховский, Ю. Е. Ивонин, С. Е. Рассадин).

В диссертации на основе анализа латинских источников был смоделирован механизм формирования менталитета, показаны различные этапы его становления, а также варианты воплощения: «ноль-реализация», «квази-реализация», «полная-реализация».

В 2001 г. И. О. Евтухову ВАК РБ присудил ученую степень доктора исторических наук, в 2004 г. — присвоил ученое звание профессора.

В сферу его дальнейших научных изысканий попало восприятие времени в западноевропейском менталитете раннего Средневековья. Он опубликовал несколько статей, раскрывающих концепции историков данного периода, и свел материал в монографию «Западноевропейская историческая мысль раннего средневековья» (подготовлена к печати, но пока не опубликована).

В монографии раскрыты концептуальные подходы наиболее видных латинских историков, писавших в период раннего Средневековья. На этой основе автор сформулировал парадигму национальной истории данного периода и проследил ее формирование от столетия к столетию.

Концепцию человека раннего Средневековья И. О. Евтухов планирует рассматривать на англосаксонском материале. На данном этапе идет предварительная работа: начат перевод поэм «Раскаianie», «Наставления», «Судьбы людские». Все эти произведения на русский язык с древнеанглийского ранее не переводились.

Профессор И. О. Евтухов читает общий курс по истории Средних веков и ведет семинары на белорусскоязычном отделении и два спецкурса для студентов кафедральной специализации. Подготовил трех кандидатов исторических наук. Входит в состав Совета по защите диссертаций БГУ и в комиссию по социальным вопросам Профессорского собрания БГУ. Входит в состав авторского коллектива всех учебников по истории Средних веков для средней и высшей школы, издававшихся в Республике Беларусь с 1993 г. по настоящее время.

А. А. ПРОХОРОВ

Андрей Аркадьевич Прохоров родился 10 января 1963 г. в городе Минске. В 1980 г. после окончания средней школы поступил на исторический факультет БГУ.

За время учебы ему удавалось сочетать серьезные научные занятия под руководством доцента Г. И. Довгяло с не менее серьезными выступлениями за факультетскую и университетскую команды КВН.

После окончания исторического факультета в 1985 г. работал учителем истории в средней школе № 6 г. Минска.

В 1990 г. В. А. Федосик пригласил Андрея Аркадьевича на кафедру. Он активно работает над диссертацией, выступает на международных конференциях (Москва, Люблин) с докладами. Информировывает научное сообщество о промежуточных результатах своих исследований и одновременно следит за реакцией коллег, которая, впрочем, убеждает его в правильности выбранного пути.

В 1995 г. А. А. Прохоров успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сакральное обоснование власти вождя у восточнославянских племен по данным исторических преданий и фольклора (на индоевропейском фоне)». Научным руководителем исследования был доцент Г. И. Довгяло. Оппонентами выступили член-корреспондент НАН Беларуси профессор В. К. Бондарчик и доцент Н. И. Миницкий из МГПУ. Оппонирующей организацией был Институт славяноведения и балканистики РАН.

Диссертационное исследование посвящалось анализу былины «Иван Гостинный сын». Андрей Аркадьевич рассмотрел все доступные ему варианты былины (18 из 37) и пришел к выводу, что макротекст характерен для всего славянского ареала, после чего провел детальный сравнительный анализ выделенных структурных элементов с индоевропейским материалом.

В результате он пришел к выводу, что сакрализация власти князей-жрецов у славян произошла еще в языческий период. Более поздняя княжеская власть использовала сложившиеся механизмы для сакрализации собственного положения.

В 1997 г. А. А. Прохорову было присвоено ученое звание доцента.

А. А. Прохоров (слева) и О. В. Перзашкевич (справа)
с туркменским археологом доктором
исторических наук Хемра Юсуповым (в центре).
Туркменистан, Дошгогуз, 2011 г.

Выступление А. А. Прохорова на Международной научно-
практической конференции «Культурное наследие
Индии и Беларусь. К 110-летию со дня рождения
Ю. Н. Рериха». Минск, 2012 г.

Сделанный в диссертации вывод оказался неокончательным. Вскоре Андрей Аркадьевич обозначил вехи для дальнейшей разработки темы, поставив вопрос о стадиальности сакрализации княжеской власти.

Именно эта стадиальность была проанализирована в изданной в 2005 г. монографии «Князь Тур: история легенды. Сакрализация княжеской власти у славян», где подробно рассматривается образ полусторического-полумифического князя Тура на огромном индоевропейском материале (кельтском и индоиранском). В результате автор пришел к выводу, что образ летописного князя Тура — легендарный или исторический — это не начало белорусской истории, а итог ее долгого тысячелетнего предшествующего исторического развития, символ длительного формирования ее традиционной духовной культуры.

С 2005 г. Андрей Аркадьевич совмещает научно-учебную деятельность с административной, исполняя обязанности заместителя декана факультета по образовательным инновациям и международному сотрудничеству. Награжден Почетной грамотой Министерства образования (2009).

О. В. ПЕРЗАШКЕВИЧ

Олег Валерьевич Перзашкевич родился 18 июля 1969 г. в городе Минске. Отец — журналист, мать — инженер. В 1986 г. окончил с золотой медалью минскую среднюю школу № 54 г. и поступил на исторический факультет БГУ. Учебу на год (1988—1989) пришлось прервать срочной военной службой. После демобилизации Олег вернулся на факультет.

В 1992 г. учеба в университете была успешно завершена. Кроме диплома с отличием Олег Валерьевич получил удостоверение переводчика английского языка (иностран- ным языком он занимался в специализированной группе).

Главное, что он обрел в стенах БГУ, — это возможность работать под научным руководством доцента Г. И. Довгяло и тема, изучению которой он посвятит многие годы, — древнеиндийское общество. Пока же был сделан только первый шаг на этом пути — написана

и защищена дипломная работа «Варна брахманов в структуре древнеиндийского общества».

В 1992–1995 гг. О. В. Перзашкевич работал учителем истории в средней школе № 168 города Минска. Одновременно он принимал участие в написании учебного пособия по истории Древнего мира для средней школы «История древних цивилизаций» (1993). Это было первое официальное учебное издание по всемирной истории для средней школы, полностью созданное в Республике Беларусь. В дальнейшем Олег Валерьевич входил во все авторские коллективы, работавшие над школьными учебниками.

Сразу после окончания БГУ в 1992 г. О. В. Перзашкевич был прикреплен соискателем кафедры истории древнего мира и средних веков. В результате под научным руководством Г. И. Довгяло была написана кандидатская диссертация «Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества».

С 1992 г. Г. И. Довгяло и О. В. Перзашкевич совместно с А. А. Прохоровым вели работу над рукописью учебного пособия «История Древнего Востока». Книга, отражая позицию руководителя автор-

Олег Перзашкевич и Александр Дунай (Украина)
на Генеалогической конференции.
Вашингтон, 2003 г.

О. В. Перзашкевич среди участников конференции
Всемирной ассоциации ведийских исследований. Хьюстон, 2006 г.

ского коллектива, фокусировала внимание на индоевропейской истории (особенно в рамках разделов по истории Малой Азии, Ирана, Средней Азии и Индии) и вопросах развития языковых семей и письменности.

Работа над рукописью была закончена в 1997 г., а еще через пять лет она увидела свет в качестве учебного пособия для студентов исторических специальностей высших учебных заведений, допущенного Министерством образования Республики Беларусь, став первым изданным в Беларуси отечественным учебным пособием для вузов по всеобщей истории.

Стартовой площадкой 1992-й был и для еще одного масштабного проекта О. В. Перзашкевича. Он начал заниматься исторической генеалогией и социальной историей Беларуси (начиная с XIV в., периода, о котором в белорусских архивах остались письменные свидетельства).

В 1994 г. Олег Валерьевич — один из основателей Минского историко-генеалогического общества, в 1997 г. перерегистрированного как минское городское общественное объединение «Историко-генеалогическое общество». Результатом этой деятельности стал целый ряд отечественных и зарубежных публикаций и научных докладов О. В. Перзашкевича по источниковедению источников по генеалогии лично свободных социальных слоев белорусского общества XVI — начала XX в., социальной истории отдельных городов и местечек Беларуси, а также монография «Saul Wahl: Polish King for a Night or Lithuanian Knight for a Lifetime», написанная совместно с видным исследователем генеалогии Нилом Розенштейном на английском языке и вышедшая в США в 2006 г.

В дальнейшем О. В. Перзашкевич работал в Научно-производственной фирме «Ваўкалака», в «Фонде развития традиционной этнической культуры» на должности научного сотрудника, учителем истории негосударственной гимназии «Эко-Л», учителем и социальным педагогом в гимназии № 7 города Минска. Одновременно с работой в школе Олег Валерьевич преподавал на кафедре истории древнего мира и средних веков БГУ в качестве совместителя.

О. В. Перзашкевич на III Конференции по проблемам изучения культуры и религии стран Южной и Юго-Западной Азии. Индонезия, Бали, 2009 г.

В 1998 г. О. В. Перзашкевич был в числе инициаторов создания отечественных атласов по истории для средней школы (белорусские школьники пользовались переизданными с незначительными изменениями атласами советских времен, а учебных атласов по истории Беларуси просто не существовало).

Первым атласом, подготовленным с участием О. В. Перзашкевича, стал «Атлас па гісторыі Беларусі старажытных часоў» (1999; дважды переиздавался). Именно с этого издания начинается история отечественных учебных атласов для средней школы. Работа над атласами продолжалась и в последующие годы.

О. В. Перзашкевич 24 февраля 2000 г. защитил в БГУ кандидатскую диссертацию «Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества», написанную под руководством Г. И. Довгяло. Оппонировали диссертанту доктор исторических наук С. Е. Рассадин (Минск, БГТУ) и кандидат исторических наук А. А. Немировский (Москва, МГУ). Оппонирующей организацией был БГПИУ им. М. Танка.

После защиты диссертации О. В. Перзашкевич приступил к преподавательской работе в БНТУ. С 2002 г. занимал должность доцента. Одновременно он продолжал работать по совместительству на кафедре истории древнего мира и средних веков БГУ.

О. В. Перзашкевич открывает Международную научно-практическую конференцию «Культурное наследие Индии и Беларусь. К 110-летию со дня рождения Ю. Н. Рериха». Слева от него декан исторического факультета С. Н. Ходин. Минск, 2012 г.

В 2002 г. после тяжелой болезни ушел из жизни Геннадий Иосифович Довгяло, так и не увидев своего учебного пособия «История Древнего Востока». Преподавание общего курса «История Древнего Востока» на историческом факультете БГУ было доверено его ученику, О. В. Перзашкевичу.

В 2003 г. О. В. Перзашкевич был переведен из БНТУ на работу в Федерацию профсоюзов Беларуси. С апреля 2004 г. О. В. Перзашкевич переходит на исторический факультет БГУ. В 2005 г. он получает звание доцента. В 2006 г. по итогам конференции Всемирной ассоциации ведийских исследований в Хьюстоне (США) за исследования социальных аспектов ригведийского общества он удостоивается специальной награды Всемирной ассоциации ведийских исследований *grāchya vidya parangata*.

В 2007–2009 гг. О. В. Перзашкевич становится одним из идеологов и участников издательского проекта, предусматривавшего целую серию изданий по всемирной истории и истории культуры. В рамках этого начинания при его участии были написаны «Энциклопедия символов», «История Древнего мира. Иллюстрированная энциклопедия», «Весь Восток в алфавитном порядке», выпущенные в Москве издательством «Наше слово» совместно с «Эксмо».

После успешной защиты кандидатской диссертации:
А. А. Прохоров, В. А. Федосик, А. С. Миксюк (диссертант),
О. В. Перзашкевич (научный руководитель), М. С. Корзун. 2014 г.

В последние годы О. В. Перзашкевич работал по нескольким направлениям. Основным приоритетом была и остается история Древней Индии и индоиранского мира. Издана монография «Ригведийское жречество» (2014), в которой подводятся итоги многолетних исследований, ведшихся еще со студенческой скамьи. Продолжают удерживаться в сфере научного интереса социальная и этноконфессиональная история ВКЛ середины XV — начала XVII в., а также вопросы распространения христианства у восточных славян.

Исследуя историю Древней Индии, О. В. Перзашкевич доказывает, что жречество (*Rtvija* («упорядочиватели жертвы»)) являлось тем социальным институтом, который дает основания рассматривать ригведийское общество как единое целое. Кроме чисто ритуальной деятельности, у ригведийских жрецов постепенно появились и другие социальные функции, постепенно сформировавшиеся в социальные институты, одинаково понимаемые в разных племенных объединениях. Самым убедительным доказательством социального единства ригведийского общества следует считать понятие *rASTra/rASTri*. Оно выступает той основой, на которой со временем формируется понятие *dharma* и «установленные людьми правила сосуществования между собой по образцу божественных правил (*Rta*)». Общественно-политическое содержание *rASTra/rASTri* может быть определено как стадия существования государственных образований, выходящих за рамки прежних общественных отношений.

При исследовании истории ВКЛ Олег Валерьевич концентрирует внимание на вопросе о подходах Франциска Скорины к переводам тех фрагментов Ветхого Завета, где этнос выделяется как отдельная от всего упоминаемого Библией населения общность людей: *ἔθνος* = *gens* = *языкъ*. В качестве рабочей гипотезы выдвинут тезис о сильном влиянии на Скорину латинской средневековой комментаторской традиции, что говорит об увеличении влияния западной христианской культуры на вопросы этноидентификации в славянском культурном пространстве как минимум XV—XVI вв.

Подготовил одного кандидата наук.

Н. В. КОШЕЛЕВА

Наталья Владимировна Кошелева родилась 17 марта 1978 г. в городе Минске в семье историков, Натальи Григорьевны и Владимира Сергеевича Кошелевых.

Склонность к рисованию привела ее в художественную школу (средняя школа № 26), где она проучилась с 1985 по 1993 г. Тем не менее свою профессиональную деятельность она связала с историей, интерес к которой ей был привит с детства родителями. Сделав выбор в пользу истории, Наталья Владимировна сначала окончила гуманитарное отделение Лицея БГУ (1995), затем поступила на исторический факультет Белорусского государственного университета, который окончила в 2000 г.

В том же году она поступила в аспирантуру БГУ по кафедре истории Нового и Новейшего времени и в 2003 г. защитила диссертацию «Мусульманская община и исламские организации США в XX веке» под научным руководством доктора исторических наук, профессора Г. А. Космача.

В 2003 г. Н. В. Кошелева стала преподавателем кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ; с 2007 г. была на должности старшего преподавателя, а с 2009 г. — доцента этой же кафедры. В 2010 г. она получила звание доцента.

Интерес к религиям в целом и влияние отца, известного белорусского востоковеда и арабиста, определили сферу научной деятельности Натальи Владимировны — история исламской цивилизации. Особое внимание при этом она уделяет проблемам межцивилизационного и межрелигиозного взаимодействия; адаптации традиционных религиозных институтов к условиям современного западного общества; трансформации религиозных (исламских) концепций, а также вопросу религиозного фактора в политике. За период научной деятельности Н. В. Кошелева опубликовала более 50 научных и учебно-методических работ, включая научные статьи, материалы конференций, а также учебные пособия и материалы по всемирной истории для средней школы. Определенное влияние на ее интерес к учебной литературе оказало сотрудничество с немецкими коллегами: в 2002 г. Наталья Владимировна принимала участие в проекте по изучению школьных учебников, а в 2012 г. прошла стажировку в Институте Георга-Эккерта (Брауншвейг, Германия), где занималась исследованием учебных пособий по религиоведению. Сотрудничество с китайскими коллегами и стажировка в Восточнокитайском педагогическом университете (КНР, г. Шанхай) повлияли на ее интерес к восточным религиозным и медитативным практикам.

В. С. Кошелев и Н. В. Кошелева
на XXXVII Международном конгрессе
ориенталистов. Москва, 2004 г.

Помимо преподавательской и научной деятельности Н. В. Кошелева также занимается общественной работой. Возглавляя Совет молодых ученых исторического факультета БГУ, она принимает активное участие в работе факультета, обменивается опытом с молодыми историками и политологами Беларуси и других стран.

А. А. ТОРКАНЕВСКИЙ

Андрей Анатольевич Торканевский родился 28 января 1981 г. в городском поселке Монино Щелковского района Московской области в семье военного штурмана Анатолия Николаевича и музыкального педагога Екатерины Семеновны. В 1982 г. его отца переводят служить в Беларусь и семья переезжает в Семков Городок (под Минском). В 1985–1989 гг. живет в городе Легница (ПНР), в связи с переводом отца по службе. В Польше Андрей оканчивает первые два класса школы. В 1989 г. семья переезжает Минск. Там Андрей поступает в среднюю школу № 32 с углубленным изучением английского языка и оканчивает ее в 1998 г. В том же году становится студентом исторического факультета БГУ, где со второго курса специализируется по кафедре истории древнего мира и средних веков. С третьего курса — под руководством профессора В. А. Федосика. Наибольший интерес у Андрея вызывает история христианства в Риме I—II вв. Этой теме он посвятил дипломную работу и магистерскую диссертацию.

В 2003 г. А. А. Торканевский окончил исторический факультет БГУ, поступил в магистратуру и был распределен на работу в среднюю школу № 176. Годы спустя двое из учеников 5-го класса, в котором он вел уроки, поступили на истфак БГУ.

Во время учебы в магистратуре судьба свела А. А. Торканевского с одним из однокурсников по учебе в Польше. Когда преподаватель английского языка дал задание написать сочинение на тему детских лет, то он получил две работы, где описывались детские годы, проведенные в военном городке в польском городе Легница. Старый профессор заподозрил магистрантов в списывании. Вторым магистрантом, описавшим свое детство в Легнице, оказался Дмитрий Жаденев. Как позже выяснилось, Андрей учился с ним не только во 2-м классе в Легнице, но еще и пять лет на историческом факультете БГУ. Пути же их пересеклись только в магистратуре благодаря заданию по английскому.

После окончания магистратуры (2004) и аспирантуры (2007) А. А. Торканевский работал на кафедре истории древнего мира и средних веков в качестве преподавателя, с 2012 г. — старшего преподавателя, с 2013 г. — доцента. В целях поиска источников и научной литературы на иностранных языках для написания кандидатской диссертации в 2006 г. ездил в командировку в Жировицы, где работал в библиотеке Духовной академии. В 2007 г. дважды ездил в Санкт-Петербург, где работал в библиотеке им. Салтыкова-Щедринина а также в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. В 2008 г. проходил стажировку при историческом факультете Варшавского университета, где также занимался поиском источников и литературы, в том числе и в фондах библиотеки католической семинарии. Научные командировки позволили собрать весь необходимый материал для решения задач, поставленных перед диссертантом. В 2012 г. под руководством доктора исторических наук В. А. Федосика была защищена кандидатская диссертация на тему «Рим в системе принципата и становление христианской общины Рима (I — середина II в. н. э.)».

В своем диссертационном исследовании Андрей Анатольевич раскрыл особый характер развития христианской общины города Рима по сравнению с общинами, образовавшимися в провинциях

А. А. Торканевский,
М. С. Корзун
и В. А. Федосик

Сотрудники и аспиранты кафедры. Сидят: Н. В. Кошелева,
О. И. Ханкевич, О. В. Шилай, Е. Д. Смирнова, С. И. Коливерда.
Стоят: Д. Н. Черкасов, К. А. Ревяко, И. О. Евтухов, В. А. Федосик,
М. С. Корзун, О. В. Перзашкевич, А. А. Прохоров. 2009 г.

империи, и подчеркнул, что это обстоятельство способствовало возвышению римской общины, особенно после Иудейской войны 66–73 гг. Разрушение римскими легионами храма в Иерусалиме ослабило эсхатологические чаяния и привело к началу смены ориентиров.

По итогам защиты диссертации А. А. Торканевский стал лауреатом конкурса ВАК РБ на лучшую кандидатскую диссертацию 2012 г. в номинации «гуманитарные науки».

Научные интересы Андрея Анатольевича в настоящее время охватывают более широкий круг вопросов, связанных с историей античного христианства. Он является автором 20 научных статей и главы «Петр — апостол и мученик» в коллективной монографии «Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция)» (Минск, 2012). С 2013 г. читает курс «История библейских стран» в магистратуре Минской духовной академии.

Библиографические ссылки

1. Гусакова Н. А. Борьба плебейской оппозиции против феодально-католической реакции в начальный период гуситского движения (1419–1422 гг.). Минск, 1963. 59 с.
2. Довгяло Г. И. К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов. Минск, 1968. 159 с.
3. Евтухов И. О. Игра в бирюльки [Рукопись]. Минск, 2015. 37 с.
4. Евтухов И.О., Прохоров А.А., Ходин С.Н. Виктор Анатольевич Федосик // Весн. БДУ. Сер. 3. 2011. № 1. С. 110–111.
5. Еўтухоў І. А., Прохараў А. А., Ходзін С. М. Лёс навукоўца, шлях грамадзяніна // Беларус. гіст. часоп. 2011. № 2 (139). С. 45–48.
6. Знать или не знать? Вот в чем вопрос... // СН. Смоленские новости. Областная независимая газета. 2014. 1 февр.
7. Корзун М. С. Воспоминания [Рукопись]. Минск, 2015. 30 с.
8. Корзун М. С. «Крестовый король» белорусской историографии // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол.: В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 168–172.
9. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 15/297.
10. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 26/469.
11. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 36/1469.
12. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД – Св. 56/856.

13. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД — Св. 63/939.
14. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. ЛД — Св. 64/946.
15. Уваров П. Ю. [Рецензия] // Средние века. 1990. Вып. 53. С. 243—246. Рец. на кн. : И живы памятью столетий: Очерки о руководителях народных движений в средневековой Европе / под ред. Ю. Е. Ивонина и Н. А. Гусак-овой. Минск, 1987.
16. Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Минск, 1991. 208 с.
17. Чепко В. В. Из воспоминаний // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2005. Вып. 6. С. 197—213.

ИЗ НАУЧНОГО
НАСЛЕДИЯ
КАФЕДРЫ

ПРУССИЯ ОТ VI ДО IX ВЕКА

Центральный научный архив НАН РБ. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 16. Пруссия до ее завоевания немцами. Л. 108 – 143. В данной публикации объединены III и IV главы рукописи: «Пруссия от VI до X века» и «Путешествие Вульфстана (Северо-западный торговый путь и внутренний строй Пруссии в IX в.)» по причине их тесной связи. Акцент при публикации делается на анализе источников, проведенном В. Н. Перцевым. Его научная полемика с немецкими историками XIX в. (в основном с Иоганом Фойгтом, автором вышедшей в 1827–1839 гг. девятитомной истории пруссов) в настоящее время составляет сугубо историографический интерес. В силу своей неактуальности ссылки на труды Фойгта и прочих авторов XIX в. сняты.

Опубликованные фрагменты монографии (сводная таблица):

Глава	Название	Место публикации
–	Введение	
1	Пруссия по данным античных авторов (до II столетия н. э.) – при публикации разбита на две части	Начальные периоды истории древней Пруссии (генезис прусской народности) // Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1956. Сер. Ист. Вып. 30. С. 109–122; Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Пруссии (между I–IV вв. н. э.) // Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1959. Сер. Ист. Вып. 50. С. 63–81
2	Пруссия II–VI вв.	
3	Пруссия от VI до X в.	Настоящее издание
4	Путешествие Вульфстана	Настоящее издание

Глава	Название	Место публикации
5	Пруссия в борьбе с немцами и Польшей (X–XIII вв.)	
6	Призвание немецкого ордена в Пруссию	
7	Отсутствует	
8	Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами — опубликована дважды	Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. [Вып. 42]. К Тридцатилетию Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Горки, 1951. С. 99–123; Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1955. Сер. Ист. Вып. 23. С. 90–123
9	Культура и религия древних пруссов	Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1953. Сер. Ист. Вып. 16. С. 329–378

С VI в. в хозяйственной жизни Пруссии происходят некоторые сдвиги, первоначально слабые, потом более заметные. К сожалению, об этих сдвигах мы знаем только по очень односторонним данным, касающимся главным образом торговых путей, связывавших территорию Пруссии с соседними территориями. Как мы видели, обмен между Пруссией и античным миром от III до VI в. замер в связи с сокращением спроса на прусские товары из Рима и с засорением торговых путей в период т. н. «великого переселения народов». Археологические данные показывают, что уже в конце V в. торговля Пруссии опять оживилась и торговые пути, ведущие к ней, очистились. Военные дружины германских и других племен осели на местах и ограничили, частично совсем прекратили свои передвижения. Для торговли с прибалтийским севером складывались более благоприятные условия.

Но направление торговых путей должно было значительно измениться. Если раньше торговые пути в основном шли к Средиземноморью и Черноморью, т. е. в сущности к старым центрам античной культуры, то теперь, с падением Римской империи и возникновением на ее месте варварских государств, они переместились частично к юго-востоку, частично к северо-западу. На юго-востоке возникли такие крупные политические и торговые центры, как Константинополь, Итиль, столица хозарского царства, Булгар, столица камских болгар (в конце исследуемого периода), Киев, столица Руси. Но от V

до VIII в. оживление торговли с юго-восточными странами было еще незначительным. По-видимому, торговля в то время главным образом шла с Византией, но путь к ней был далек и труден. Да и Пруссия к тому же в Византии была тогда почти неизвестна. В большей степени торговля стала развиваться с VIII в., когда на востоке возникли новые рынки в Итиле, Булгаре и Киеве. Хозары, которые сами у себя ничего не производили, по свидетельству арабских источников, охотно покупали прусские предметы торговли. С VIII в. торговля прусскими товарами расширилась и на арабский халифат. Как высоко ценились меха в Аравии, об этом говорит свидетельство арабского писателя Масуди, сообщающего, что одна шкура черной лисицы стоила 100 золотых динаров. Но янтарь как предмет торговли арабские писатели уже не упоминают. Очевидно, он был вытеснен другими предметами, главным образом мехами, рабами, затем медом, воском, скотом, кожей и др. Взамен из Аравии в Пруссию шли монеты (дирхемы), дамасское оружие, предметы украшения, восточные благовония, вино, фрукты и т. п. О широком развитии этой торговли говорит большое количество арабских монет, которые найдены на территории Пруссии. Арабскими или иначе куфскими монетами (от города Куфа на нижнем Евфрате) усеяны как южные, так и северные берега Балтийского моря, в том числе и Пруссия. Однако торговля с халифатом замирает по мере приближения к XI в. и совершенно прекращается в скором времени после 1012 г. Арабских монет от более позднего времени на территории Пруссии не было найдено.

Едва ли арабские купцы сами ездили в Пруссию, о которой они ничего не знали. Если бы они посещали Пруссию, то от них до нас дошли бы некоторые сведения о ее внутренней жизни, ее природе и торговле с ней. Но таких сведений от арабов мы не имеем... Еще менее могли посещать арабские земли сами пруссы, ибо у них в то время не могло быть купцов как класса людей, избравших торговлю своей профессией и отдававших торговым путешествиям всю свою жизнь. Нет никаких следов и случайных заездов пруссов в восточные земли. Поэтому торговля Пруссии с халифатом носила не непосредственный характер и совершалась главным образом через посредство Итиля, Булгара или Киева. Мы знаем, что особенно часто арабскими купцами посещались рынки Итиля и Киева.

Более активную роль в торговле с Прибалтикой играли восточные славяне. Археологические данные несомненно говорят о наличии торговых сношений между славянами и племенами Восточной Прибалтики, особенно усилившихся там в период образования и расцвета Киевского государства, но существовавших уже с V–VI вв.

В значительной степени через восточные страны арабские товары достигали до Пруссии и прусские — до восточных рынков. Адам Бременский прямо указывает, что в Прибалтийском городе Юлине (Воллине) «встречались суда данов, норманнов, славян и сембов (т. е. пруссов); и другие народы Скифии (к Скифии Адам Бременский относил в то время славянский восток) ежегодно сходятся там из-за разных торговых нужд» (Gesta I, 42). Восточные славяне таким образом (но не они одни) вывозили прусские товары в Киев, откуда они попадали частично в Византию, частично к арабам. Прибалтийские порты, особенно тот же Юлин, часто посещались и западноевропейскими купцами, по тогдашнему обычаю не отказывавшимися и от грабежа, и эти купцы разбойничьей складки доставляли их также до Киева. Среди этих купцов особенно много было «данов» (по выражению латинских хроник), т. е. датчан и скандинавов. Их конунги были одновременно и пиратами, совершавшими морские набеги, и купцами, готовыми взять силою то, чего нельзя было купить, и купить то, что не поддавалось вооруженному грабежу.

О ранних нападениях скандинавских народностей, а именно данов, на Пруссию мы имеем сведения не совсем точного характера. Главным источником здесь является Саксон Грамматик. Но Саксон Грамматик писал главным образом на основе устной традиции и дошедших до него исторических народных песен, носящих характер саг. Сообщенные Саксоном саги могли заключать в себе некоторое историческое зерно, ибо в то время датчане действительно нападали на берега Балтийского моря, побуждаемые к этому скудостью местных средств существования, а также своим ранним знакомством с морскими путями. Но, конечно, все подробности, а отчасти и имена королей и героев, являются в сагах продуктом поэтического вымысла. Саги, переданные у Саксона, говорят о многочисленных набегах данов на Пруссию и соседние с ней земли. Уже в наиболее ранних сагах говорится о грабительских действиях датских героев. В саге, рассказывающей, по-видимому, о событиях V столетия, описываются подвиги Jtark Kodder'a, жившего при дворе датского короля Гаральда, своего рода Геракла севера, который вместе с одним славянским князем Wino воевал против прибалтийских племен. «Они воевали против куретов, племя которых находится в Ливонии, и против сембиев, т. е. пруссов, и против семигалов и позднее против всех восточных племен и одерживали долго и на широких пространствах славные победы» (SRP. I, 92). Другие саги также упоминают об аналогичных нападениях датских и других северных («скандийских») племен на Балтийское побережье...

Места разбойничьих действий всех этих героев и королей в сагах представлены не всегда точно, но ясно, что они касались широких территорий и затрагивали Пруссию. Из смысла саг видно, что скандинавско-датские дружины посещали берега Балтийского моря, от устья Вислы до Финляндии. Сюда входили Эстляндия, Курляндия, Лифляндия, Семигалия, Самбия и «дальше далеко простирвавшиеся на восток земли» (SRP. I, 735). Рассматривая эти довольно многочисленные сообщения скандинавских саг о нападениях северных народов на Прибалтику (в частности, конечно, на Пруссию), следует отметить в них прежде всего то, что саги несомненно преувеличивали значение этих нападений и придавали им характер длительных завоеваний больших территорий. На самом деле все эти «славные победы» (*clarae victoriae*) и подчинение больших областей (*regiones*) имели характер только грабительских набегов с целью захвата добычи (и прежде всего рабов) и приводивших лишь к временному опустошению занимаемых территорий. Иного характера по условиям времени, принимая во внимание сравнительно небольшую численность скандинавских дружин и невозможность подвергнуть занимаемые территории прочной эксплуатации, эти набеги не могли иметь. Нужно помнить, что описываемые события относятся к очень раннему времени, по большей части до IX в., когда норманнские набеги и захваты еще не развернулись во всей своей силе.

Самый факт частых нападений скандинавов и данов на прибалтийские земли мы, однако, заподозрить не можем. Он вполне соответствовал и географическим условиям, в которых находилась тогда Прибалтика — в близком соседстве со Скандинавией, и разбойничьему характеру скандинавско-датских дружин. Судя по характеру сообщений, дружинники часто проникали далеко вглубь прибалтийских стран по суше, следовательно и вглубь Пруссии; достоверность этого мы также заподозрить не можем. Оставив небольшой заслон на берегу моря, скандинавы старались расширить область своих опустошительных набегов на возможно более широкие территории и увезти оттуда как можно больше добычи. Саги имеют тенденцию представить дело так, что туземцы платили нападавшим постоянную дань, но если эта дань и существовала в действительности, то она могла заключаться только в военной добыче, собираемой разбойничьим образом, или в откупных платежах, имевших целью освободиться за деньги или другое вознаграждение от дальнейших нападений северян. Рабы играли самую важную роль в захватываемой добыче. Не могло обойтись и без того, что иногда нападавшие вступали в торговлю с туземцами, т. е. покупали в обмен

или за деньги то, чего не могли взять силой, т. е. из разбойников превращались в мирных купцов. Участников в набегах было немного; туземные жители, конечно, им оказывали сопротивление, и потому покупка мехов, воска и других предметов для нападавших в отдельных случаях могла оказаться более выгодной, чем грабеж. Основным местом высадки была Самландия, и, по-видимому, оттуда скандинавы распространялись дальше.

С IX в. нападения скандиев на южные и восточные берега Балтийского моря участились. Датские хроники, относящиеся к этому периоду, сообщают, что иногда нападавшие оставались в землях, на которые они нападали, на постоянное жительство. Делали это не знатные даны, а люди рядовые, принадлежавшие к низким классам (*servi et populares*), для которых поселение в новых землях открывало, быть может, возможности улучшения их положения и которые думали не столько о подчинении себе других, сколько о сохранении своей свободы. Так, в одной датской хронике говорится о событиях самого конца IX в. (ок. 880 г.): «Лотекнут, сын Эрика Варна, царствовал 11 лет. В его время любой третий из рабов и простых людей выходил из Дакии (разумеется Дания. — В. П.), и они победили Пруссию, Семигалию, Карелию и многие другие земли, перебив мужчин, и остались там до настоящего времени» (*Petri Olai Chron. Reg. Dan. P. 114*). Аналогично сообщение Саксона Грамматика о старшем сыне короля Датского Гаральда Синезубого (935—985 гг.) — Гакуине (*Haquinus*). Саксон рассказывает, что под предводительством Гакуина «даны, завладев Самбией (т. е. Пруссией), перебили мужчин, заставили женщин вступить с ними в браки и, разорвав верность своим отечественным брачным союзам и прилепившись с большей страстью к чужим, связывали свою судьбу свадебными узами с врагом. Недаром сембы считают свою кровь тесно связанной с семьями датского рода. Ибо любовь к пленницам до того охватила душу победителей, что они, отказавшись от желания вернуться на родину, стали считать варварскую землю за свою родную, будучи более расположены к чужим, чем к своим собственным супругам» (*SRP. I, 735*).

Немецкие историки, исходя из своих пангерманистских концепций, склонны в этих сообщениях Саксона видеть один из аргументов в пользу дальнейшего укрепления северо-германских элементов в Пруссии. Они видят в датских поселениях на прусской почве опорные пункты и для датских завоеваний, и для датской торговли, и вообще для германо-датского влияния на Пруссию. Мало этого, некоторые из них склонны даже видеть в более поздней прус-

ской знати благородных потомков нормандских викингов, стремясь этим подчеркнуть северное происхождение старой прусской аристократии. При этом Фойгт самый город Данциг (в противоречии с вышеизложенным мнением Косины, который производит Данциг от крепости, основанной будто бы когда-то вселившимися в Пруссию готами) производит от слова даны, а мост для сбора дани при проезде через Вислу (*danniczy most*) толкует как датский мост (*pons Danensis*). Но приведенный текст из Саксона Грамматика показывает, что вселившиеся в Сембию, т. е. в Пруссию, датские колонисты ассимилировались с местным населением, как бы рассосались в нем и потому германизирующего влияния на Пруссию оказать не могли. Смысл сообщения Саксона заключается в том, что не даны германизировали Пруссию, а, наоборот, сами подверглись местному прусскому влиянию...

Тем не менее рассказы о «подвигах» норманнских (главным образом датских) героев и королей не оставляют никаких сомнений в том, что у скандиев-данов была возможность делать набеги на Пруссию и приобретать там большую военную добычу — и в виде дорогих мехов, и в виде рабов, и в виде некоторых предметов лесного, скотоводческого и охотничьего хозяйства. Даны и другие северные жители — при свойственной им предприимчивости и подвижности — могли пользоваться многими предметами своей добычи в торговых целях и в своих дальнейших полуразбойничьих, полуторговых путешествиях вывозить их и на киевский, и на итильский, и даже, может быть, на болгарский рынки. Там они встречались с арабскими купцами, и таким образом прусские товары достигали и до арабского халифата.

Другой путь, по которому шла тогдашняя прусская торговля, был путь северо-западный. Нужно сказать, что славянские народы — поляки, поморяне, кошубы и другие — так тесно обложили Пруссию с запада и юга, что проникнуть туда по суше для западноевропейских купцов было почти невозможно. Торговая связь Пруссии с Западом вследствие этого почти прекратилась, и только от времен Людовика Благочестивого до нас дошло скудное количество франкских монет, оказавшихся на территории Пруссии. Зато оставался еще другой путь для установления связи Пруссии с европейским западом; это был путь морской — через Северное и Балтийское моря — и этим путем пользовались западноевропейские путешественники, а за ними и купцы. Путь этот нам известен по описанию путешествия Вульфстана (*Wulfstan*), который дал нам

ряд интересных сведений не только о внешней торговле Пруссии, но и о внутренней жизни в ней.

Один смелый путешественник из Гедаби (Hedaby) в Шлезвиге по имени Вульфстан, о происхождении которого мы ничего не знаем, совершил по поручению короля Альфреда Великого путешествие к берегам Пруссии и, вернувшись, дал королю сведения и о дороге, по которой он ехал, и об особенностях и нравах той страны, которую он посетил.

Описание путешествия Вульфстана включено в сделанный между 887 и 900 гг. королем Альфредом Великим англо-саксонский перевод всемирной истории Орозия. Та страна, которую посетил Вульфстан, названа переводчиком Орозия Eastland, ее жители Estum (в немецком переводе Esterland и Esten). Термин Estum близок к эстиям Тацита, к Aestii Иордана или к Aisti Эйнгарда. Мы пользуемся текстом, приведенным в *Scriptores Regum Prussicarum* (SRP. I, 732—735) и снабженным немецким переводом, причем этот перевод до некоторой степени является и толкованием текста.

Начальным пунктом путешествия Вульфстана было местечко Гедаби в Шлезвиге (Haetum, как его называет описание путешествия Вульфстана), конечным — торговое местечко Трузо, недалеко от побережья «моря эстов» (т. е. Фришгаффа). Путешествие Вульфстана продолжалось семь дней и семь ночей. Путь лежал по Балтийскому морю мимо острова Борнгольма, который остался от Вульфстана влево, и вдоль берегов «страны вендов» (Weonodland), т. е. западных славян, живших на запад от Вислы (в Мекленбурге и Померании). После Борнгольма Вульфстан достиг Вислы, за которой лежала «страна эстов» (Eastland), т. е. по-видимому земля пруссов. «Висла, — говорится в описании, — большая река и имеет по своим сторонам земли видов и вендов; и земля видов принадлежит куретам. Висла выходит из страны вендов и вливается в море эстов (т. е. в Фришгафф)». Дальше описание упоминает реку Ifling (т. е. Эльбинг), которая «впадает в море эстов с востока и вытекает из озера, на берегу которого находится Трузо» (SRP. I, 732—733).

Свидетельство Вульфстана является новым доказательством территориальной устойчивости древнего населения Пруссии и его неизменного пребывания на одном и том же месте. Вульфстан находит эстиев на той же (в основном) территории, на которой они находились и при Таците, и при Германарихе, и при Теодорихе, и при Карле Великом. Характерно и то, что имя народа, населявшего Пруссию на протяжении веков, у всех авторов, писавших о нем до конца IX в. — и у Тацита, и у Кассиодора, и у Иордана, и у Эйнгарда,

и у Вульфстана, — остается неизменным. Неизменность территории говорит не только о территориальной, но и об этнической устойчивости населения древней Пруссии — при наличии, однако, некоторых сдвигов в сторону сближения с соседними племенами и народами.

Из приведенного описания Вульфстана видно, что в земле эстив был какой-то г[ород] Трузо, который находился недалеко от устья Эльбинга на озере, расположенном близко к морю. То, что это местечко было целью и конечным пунктом путешествия Вульфстана, посланного туда по распоряжению короля Альфреда, указывает, что Пруссию, которая называется в описании землей эстов, в Англии знали и ей интересовались. На пути к Трузо лежал целый ряд торговых городов, и это облегчало сношения между Англией и странами, примыкавшими к Северному морю (Швецией, Данией и Норвегией), с одной стороны, и со странами Балтийского моря — с другой. К ним принадлежали уже упомянутые Гедаби в Шлезвиге, Бирка в Швеции, священный город Аркона на острове Рюгене (Rue), Колобрег — недалеко от устья Персанти — и особенно «славный город» Волин (иначе Винета). Города эти в то время были широко известны не только в Западной Европе, но и по всему тогдашнему культурному миру. Через них шла торговля между германо-романским Западом и византийско-русским Востоком. Они были складочным местом для товаров, привозимых с северо-запада, и из них купцы разных стран — и норманны (в широком смысле слова «северные люди»), и славяне, и греки — развозили эти товары в разные места: в Византию, на Русь, на Волгу и Каму и, по-видимому, на запад — в Англию, Францию и даже Испанию. Пруссия не могла не быть затронутой этой торговлей. У Адама Бременского, сведения которого относятся к X в., есть совершенно ясные указания как о торговом значении этих городов, так отчасти и о прямой связи их торговли с Пруссией. Особенно большую роль отводит Адам Бременский городу Волину, который он называет Юлином. «У впадения Одера в море находится знаменитый город Юлин, знаменитая пристань, куда съезжаются варвары и греки (т. е. люди греческой религии, главным образом русские. — В. П.). Он самый большой из городов Европы (очевидно, имеется в виду славяно-пруско-литовская восточная Европа. — В. П.). Его населяют славяне вместе с другими народами — греками и варварами. В этом городе, богатом товарами всех северных народов, есть все, чего ни спросишь дорогого и редкого. Из него кратковременным плаванием сообщаются с одной стороны с Деминым, городом, лежащим недалеко от устья Пены, где обитают и руяне

(жители острова Рюгена. — *В. П.*). Оттуда направляются в область Семландию, которой владеют пруссы» (*Gesta II, 19*).

Аналогичны сведения Адама Бременского и относительно торговых связей Пруссии с городом Гедаби. Во времена Оттона I, по словам Адама, из этого порта «обычно посылались корабли в Славонию, и в Швецию, и в Семландию, — и в самую Грецию» (*Gesta IV, 1*). Через Гедаби Пруссия могла связываться и с более западными странами. В «Житии святого Ансгария» говорится, что туда стекались суда со всего света; отсюда шли янтарь, меха и рабы в Англию, Францию и Испанию. От Адама Бременского мы узнаем и о существовании торговых связей Пруссии со Швецией. Адам говорит о шведском торговом городе Бирка: «К этой пристани, которая наиболее безопасна в морских областях Швеции, ежегодно из-за разных торговых нужд стекаются суда данов, норманнов, славян и сембов и других народов Скифии». Из этих слов видно, что пруссы не только принимали у себя чужих купцов, но и сами отправляли свои суда — по крайней мере в ближайшие местности Балтийского моря.

Таким образом Адам Бременский, который является одним из главных источников для определения характера торговли и торговых дорог, связывавших Пруссию с другими странами, дает ряд указаний на существование торговли Пруссии с западом. Из западных стран сюда шли, по-видимому, оружие, предметы украшения (браслеты и кольца западного происхождения найдены в некоторых могильниках Пруссии, правда, в небольшом количестве), шерстяные ткани (так называемые фальдоны — *Faldones*) и, вероятно, другие предметы, о которых у нас, однако, прямых подтверждений ни в литературных источниках, ни в археологических данных не имеется. Со своей стороны Пруссия могла посылать на запад те же товары, что и на восток, с прибавлением к ним янтаря, который на западе нужен был для богослужбных целей и на который поэтому в христианских государствах был тогда большой спрос. Особенно много требовалось в западных городах мехов, и об их значении в торговле Адам Бременский саркастически говорит: «У них (т. е. у самляндцев. — *В. П.*) в изобилии находятся меха, и их гибельный запах прививает яд гордости нашей земле» (*Gesta IV, 18*), т. е. прививает гибельные привычки к роскоши.

Характерно, что монет северного происхождения в Пруссии найдено очень немного (в противоположность арабским дирхемам), и это указывает на то, что торговля с западом играла для Пруссии меньшую роль, чем с юго-востоком, и, по-видимому, сохраняла свой

меновый характер (припомним слова Адама Бременского: «золото и серебро у них значения не имеют» (Gesta IV, 18).

Свидетельства Адама Бременского устанавливают не только факт втянутости Пруссии в торговлю с западом. Отдельные места из Адама Бременского являются литературным подтверждением как данных скандинавских саг, так и археологического материала, свидетельствующего о довольно развитой торговли Пруссии — через посредство норманнов — с юго-востоком. Адам Бременский говорит в нескольких местах о греках и славянах, которые посещали прибалтийские порты.

Поэтому свидетельства Адама Бременского, с одной стороны, подкрепляют данные описания путешествия Вульфстана, говорящие о заинтересованности западной Европы в торговых сношениях с Пруссией, а с другой стороны, дают некоторый новый добавочный материал для суждения о торговых сношениях Пруссии с Византией и юго-востоком вообще.

Но не следует все-таки особенно преувеличивать роли внешней торговли в истории Пруссии VI—X вв. Во-первых, Трузо в описании путешествия Вульфстана фигурирует только как конечная цель этого путешествия, и его торговое значение из описания неясно. Упоминания о Трузо, как о прусской гавани, как о складочном месте для товаров, нигде не имеется, хотя сам факт посещения чужими судами и чужими торговцами Пруссии и прусских гаваней в достаточной степени подтверждается и Адамом Бременским, и археологическими находками, и — косвенным образом — скандинавскими сагами. Самое местоположение Трузо нам точно неизвестно, и о нем идут споры. Он, может быть, находился на месте позднейшей деревни Preussischmark, может быть, на месте города Эльбинге. Нейп предполагает, что Трузо был сначала деревней, позднее развившейся в город. Во всяком случае крупным торговым центром Трузо, по-видимому, ни тогда, ни впоследствии не был, и его роль ни в коей мере не может быть сравнена не только с ролью Воллина, но даже и с ролью таких городов, как Бирка или Аркона. Это, по-видимому, был только укрепленный поселок небольшого торгового значения.

Во-вторых, Трузо, по-видимому, был единственным портом Пруссии, связывавшим и запад (главным образом через посредничество Волина, Гедаби и Бирки), и восток (через посредство Итиля, Киева, Булгара) с Пруссией. Едва ли в это время в Пруссии существовали другие торговые пункты. Данциг, хотя и на него есть указания в более позднем житии св. Адальберта, во всяком случае тогда еще не был торговым центром; о Кульме мы для того времени имеем

только очень смутные сведения, и если он тогда и существовал, то, во всяком случае, торговой роли не играл; о других «городах» Пруссии того времени мы также ничего не знаем. Самый вопрос о том, существовали ли в Пруссии в доорденские времена города, — хотя бы и внутреннего, а не международного значения, — является спорным, и мы разберем его потом, когда будем рассматривать внутренний строй Пруссии во время, непосредственно предшествующее орденскому завоеванию, ибо большинство источников относится к этому более позднему времени. Пока же заметим, что, хотя у Вульфстана и встречается слово «бург» (*burh*) (SRP. I, 733), как место пребывания «царей» Пруссии, но едва ли правильно безоговорочно переводить это слово, равно как и слово *urbs* в житии св. Адальберта (SRP. I, 236) и в польских хрониках, словом *Stadt* (SRP. I, 755). Вернее, это были просто укрепленные пункты. Перевод слова *burh* как город (*Stadt*) вызывал сомнения уже у Фойгта; в первоначальном значении термины *Burg*, *burh* — это *bergenderort*, т. е. место, где скрываются запасы или спасаются от нападений люди (от *bergen* — скрывать, спасать). Но, повторяем, к вопросу о характере городов в доорденской Пруссии нам еще придется вернуться.

В-третьих, торговые сношения Пруссии с соседями, по-видимому, встречали большое препятствие со стороны пиратов и сухопутных разбойников. Норманны, с одной стороны, были посредниками в торговле, но они же были разбойниками, которые мешали ее развитию в более или менее широких размерах. По отношению к Пруссии их роль, как помехи в торговле, была особенно велика, и пруссы вследствие своей политической раздробленности едва ли могли себя защитить от них, особенно во время наиболее яркого проявления активности норманнских разбойников: попытки отстоять свои и чужие суда, подвергавшиеся пиратским нападениям, пруссы иногда делали, но, по-видимому, без большого успеха. Адам Бременский называет пруссов «очень миролюбивыми людьми, которые охотно помогали тем, кто подвергался опасности на море или нападению пиратов» (*Gesta IV*, 18).

При всех этих ограничениях торговой роли города Трузо описание путешествия Вульфстана свидетельствует, что Пруссия уже в то время была втянута в международный обмен. Ее торговля, оживившаяся уже в V столетии, с VIII в. стала развиваться и распространилась и на близкий запад, т. е. на земли западных славян, на Данию, Швецию, Англию и пр., и на далекий восток, — вплоть до владений арабов. Все это указывает, что и в то время Пруссия была далеко не такой дикой и первобытной страной, как ее представляют себе

Трейчке, Кох и пр. немецкие историки. Их представление о Пруссии как о стране дикарей, «в которой человек боролся с медведем» как равный с равным в дремучих лесах и среди непроходимых болот и которую мог просветить только железный кулак немецкого рыцаря, ни в коем случае не может быть оправдано действительным положением вещей.

То же путешествие Вульфстана дает нам некоторые сведения и о внутренних порядках Пруссии. Сообщения Вульфстана бесхитроствы и чужды каких-либо тенденций. Вульфстану чуждо стремление, которое было у более поздних польских и немецких хронистов, — очернить пруссов и представить их диким и грубым народом, равно как ему чуждо и желание в чем-нибудь идеализировать их быт. Но для нас этот простодушный, несколько наивный тон рассказа Вульфстана ценен именно своей бесхитроствой и простотой.

Из его рассказа для нас ценно прежде всего указание на наличие деления пруссов на несколько общественных групп. В рассказе Вульфстана упоминаются четыре такие группы: во-первых, *cyning'и* — в обычном переводе короли, цари, во-вторых, *ricastan men* — т. е. богатые люди, в-третьих, *unspendigan* — т. е. бедные, несостоятельные, и, в-четвертых, *reowan* — т. е. рабы. В относящемся к этому делению месте рассказа Вульфстана говорится: «Страна эстов очень велика, и там находятся много бургов, и в каждом бурге есть свой король (*cyning*); и там много меда и рыбных ловель; и богатые люди (*ricastan men*) пьют конское молоко, а бедные (*unspendigan*) и рабы (*reowan*) — мед (SRP. I, 733)». Эта цитата из рассказа Вульфстана имеет за собой целую литературу. Она вызывает разные толкования, связанные с тем или иным пониманием целого ряда более поздних источников (Адама Бременского, польских хроник, Дусбурга и др.), касающихся непосредственно предорденских времен, и к этому вопросу нам еще придется вернуться, когда речь будет идти о внутреннем строе Пруссии в ближайшее время перед завоеванием ее немцами. Здесь же мы коснемся только того, что прямо относится ко времени Вульфстана и непосредственно вытекает из его сообщения. Хотя без некоторых ссылок на другие, более поздние источники и здесь нельзя обойтись. Из сообщения Вульфстана мы видим, что в Пруссии IX в. примитивной однородности населения уже не было и что социальная дифференциация продвинулась довольно далеко вперед. Но при попытке точнее определить характер каждой общественной группы, упоминаемой у Вульфстана, встречается ряд трудностей. Прежде всего является вопрос, что такое представляли

из себя те короли (*cyning'i*), о которых говорит Вульфстан. Конечно, при наличии многих бургов, в каждом из которых был свой *cyning*, исключается всякая возможность какого бы то ни было политического единства Пруссии в ту эпоху, что подтверждается и многими другими данными. Кюнингов было много, и все они были независимыми друг от друга. Внешней необходимости для единства Пруссии пока еще не было. Нападения норманнов касались, главным образом и, может быть, даже исключительно, только Самбии. Поэтому внутри этой последней области мы встречаемся со стремлением к установлению общей власти в большей степени, чем в других областях Пруссии. С юга нападения поляков еще не начинались. Да и позднее, когда они начались, Пруссия была достаточно защищена естественными границами — лесами и болотами, и для задач обороны ее разрозненным областям и «городам» не приходилось еще искать опоры в политическом единстве. Об этом вполне определенно говорит Адам Бременский: «Они недоступны из-за своих болот и не терпят над собой никакого господина» (*Gesta IV, 18*). Если иногда происходили нападения на Пруссию, то ввиду благоприятных для обороны природных условий они отбивались отдельными племенными группами. Напоминаем слова автора более ранних польских хроник, составленных не позднее самого начала XII в., в которых также подчеркивается отсутствие необходимости иных средств защиты — кроме естественных, — и это указание (равно как и слова Адама Бременского) может быть вполне отнесено и ко времени Вульфстана: «земля эта до того укреплена озерами и болотами, что не могла бы быть так укреплена крепостями и городами, почему она не может быть до сих пор никем подчинена, ибо никто не в состоянии переправиться с войском через столько озер и болот» (*SRP. I, 747*).

Таким образом, внешнего толчка к объединению в Пруссии не было. Внутренние же связи, также отчасти вследствие слабого развития и внутреннего обмена, были очень слабы. Этим и объясняется наличие многих, по-видимому, независимых друг от друга царьков в Пруссии времени Вульфстана и, как увидим дальше, в более позднее время. Однако при попытках более точного определения общественного и политического положения этих царьков мы встречаемся с тремя различными мнениями.

Фойгт считал их князьями отдельных областей Пруссии. Так как он всюду искал, согласно со своей основной германистической концепцией, готских элементов в Пруссии, то он производил их от готских *reiks*, т. е. царьков (*reges, regulis*), видя в них прямых по-

томков тацитовских племенных князей. Следовательно, кюнинги Вульфстана это, по мнению Фойгта, власть германского, готского происхождения. При этом Фойгт находил, что они стояли во главе крупных областей, на которые делилась Пруссия (т. е. Самланда, Кульмской области, Помезании, Погезании, Бармии, Бартии, Галиндии и др.), — числом не более 11—12. В таком случае и царьков было также не более 12-ти и, конечно, они особого общественного класса образовать не могли, хотя кругом их могла сгруппироваться тогдашняя знать, как кругом представителей ее интересов.

Другое мнение представлено главным образом Теппенем. Теппен склонен считать этих князьков только главами отдельных сотен в мирное время (*Hunderschaften*) (SRP. I, 53—54). Сотни составляли только части областей, и поэтому, согласно с мнением Теппена, число таких «кюнингов» было значительно больше.

Наконец, по третьему мнению, которое защищал главным образом Гейн, и вульфстановские кюнинги, и даже более поздние дусбургские *reges* (цари) или *reguli* (царьки), представляли из себя не что иное, как деревенских старост (*Dortschulzen*), число которых было очень велико и которые могли составить довольно значительную общественную группу. Будучи деревенскими Шульцами, они, по мнению Гейна, были властью не древнего, готского происхождения, а более новою, выросшею из средневековых, а не из тацитовских (по времени) источников.

Оставляя более подробное рассмотрение характера и территориального объема власти этих князьков до другого места, когда нам придется рассматривать более позднее время, на основании более широкой группы источников, заметим пока, что мнение Фойгта, по которому каждый князь обладал властью в пределах целой области, и тем более его мнение, что власть князей Пруссии восходит к готским временам, не может быть оправдано ни сообщением Вульфстана, ни более поздними данными. Едва ли также прав и Гейн, считая кюнингов Вульфстана и более поздних прусских *reges* — безоговорочно и при всех условиях — только безвластными деревенскими старостами (вроде сельских старост в дореволюционной России). Вернее всего, что ни терминология, ни характер власти этих князьков в IX—X вв. (и, вероятно, даже в более позднее время) еще не установились, и кюнинги Вульфстана могли быть в одних случаях сельскими старостами, а в других — стоять во главе и более широких объединений, т. е. сотен, да и то только в мирное время. Вообще время, о котором рассказывает Вульфстан, было неустойчивым

и переходным. Старые родственные узы рвались, возникали новые связи, и на их основе должны были образовываться и новые объединения людей и по селам, и по сотням. В соответствии с этим должны были возникнуть и сельские, и сотенные власти. Конечно, они имели не всюду одинаковый характер, но Вульфстан вглубь вещей проникнуть не мог и в своем бесхитроном рассказе просто хотел сказать, что властей было много. Сделать из его сообщения более точные выводы, чем тот, что в Пруссии его времени было чрезвычайное многовластие, мы не можем. Возникла ли в то время под влиянием хотя бы экстренных обстоятельств военной обстановки какая-либо более широкая власть, чем власть местных князьков, иначе говоря, власть общих предводителей на время войны, подчинявших себе ополчение нескольких районов, играли ли в Пруссии в то время ту или иную политическую роль жрецы, существовали ли в той или иной форме народные собрания и советы знати — на все эти вопросы можно будет дать хотя бы приблизительный ответ только на основании сличения многих источников, главная часть которых трактует о времени, непосредственно предшествовавшем орденскому завоеванию, когда обстоятельства — под влиянием усилившихся потребностей обороны — значительно изменились.

Также во всей широте мы не будем пока (в связи с рассказом Вульфстана) рассматривать вопрос и о характере прусской аристократии. О наличии богатых (*ricostan*) людей Вульфстан упоминает и в приведенном выше отрывке, и несколькими строками ниже, когда он рассказывает об обычае пруссов выдерживать труп умершего несожженным в течение довольно долгого времени: особенно же долго, говорит он здесь, выдерживались без погребения тела «царей» и «людей высокого ранга» (*þa ordre heah ðungene men*) (SRP. I, 734).

Таким образом, аристократия в Пруссии, по рассказам Вульфстана, существовала. На чем же были основаны ее богатства и ее права на высокий ранг (*ordre heah ðungene*)? В немецкой литературе есть тенденция считать этих *ricostan* дворянами. Но, конечно, в применении к рассматриваемому времени этот термин для Пруссии является анахронизмом, ибо дворянство — это класс, возникающий только в феодальную эпоху. Пруссия же в IV в. до стадии феодализма еще не дошла. Но знать эта не была в то же время и чисто родовой, ибо ее значение, как это ясно из рассказов Вульфстана и из самой терминологии, им употреблявшейся, было основано на богатстве, т. е. на имущественном признаке. Характер-

но при этом указание Вульфстана на употребление кумыса только знатью и бедными людьми — меда. Фойгт объясняет это большей опьяняющей силой кумыса, чем меда. Едва ли это так, потому что опьяняющая сила того или иного напитка зависит не от материала, из которого он изготавливается, а от большей или меньшей силы брожения. Вернее, большее употребление кумыса знатью объясняется тем, что только богатые люди могли иметь большие стада лошадей. У бедных людей лошадь в то время, по-видимому, была только рабочим скотом, что понижало ее молочность. У богатых же лошади могли служить и молочным, и рабочим скотом, и, вероятно, также и для военных целей. Больших стад лошадей хватало на всякие нужды. И Вульфстан, и более поздние источники говорят о широком развитии пользования лошадьми у пруссов, что, конечно, могло быть доступным не для всех, а только для богатых и знатных людей.

Рассматривая вопрос об источниках богатства Пруссии, нельзя, конечно, забывать и разнообразия ее природных и экономических условий. На юге Пруссии преобладали леса и болота, на западе и севере было больше пригодных для земледелия и скотоводства полей и лугов. Поэтому в западной и северной Пруссии богатства должны были заключаться главным образом в земле, скоте и рабах, на юге же — в дорогих шкурах, ценных мехах и рыбных ловлях.

Большую роль в образовании богатства и вообще в расчленении общества на классы играла в Пруссии и торговля. Богатые люди в своем распоряжении имели много кожи, мехов, янтаря, меда и рабов, и торговля им служила, как это всюду бывает, источником накопления. Некоторую роль в накоплении играла и военная добыча, но для рассматриваемого времени значения ее преувеличивать не следует, т. к. пруссы, по свидетельству и более поздних источников, были народом миролюбивым и по отношению к соседям ограничивались только обороной. Войны между отдельными племенами, конечно, происходили, но они ограничивались только мелкими взаимными набегами, которые особенно большой добычи дать не могли, хотя и играли известную роль в возвышении военных вождей. Фойгт придает довольно большое значение образованию в это время военной знати, но по всем данным война до XI в. играла в жизни пруссов еще небольшую роль. В этом отношении более раннее время, известное нам по данным античных авторов, представляло собою большую возможность для выделения из среды прибалтийского населения дружинных элементов, ибо тогда военные столкновения между отдельными племенами северо-восточной Прибалтики

и между ними и Римской империей происходили чаще. Значение войны, как фактора, содействовавшего разорению одних и обогащению других, вновь выступает лишь в следующие столетия (XI—XIII), когда пруссам пришлось вести напряженную борьбу за существование против Польши и немцев.

Третьим классом прусского общества, по Вульфстану, были бедные, несостоятельные люди (*unspendigan*). Характерно то, что Вульфстан определяет и этот класс — равно как и выше его стоящий класс богатых (*ricostan*) — по имущественному признаку, по степени его состоятельности, что уже одно само по себе говорит о далеко зашедшем разложении родового строя. В этот класс входили рядовые свободные люди, которые, по-видимому, и составляли тогда большинство прусского населения. Этот факт следует отметить, потому что в более поздних источниках соответствующий класс *ignobiles* (незнатные) (*Cron. ter. Pruss. III, 220*) состоит уже не только из свободных, но и несвободных людей, что указывает на сокращение с течением времени количества просто свободных людей.

Что касается до четвертого класса прусского общества по Вульфстану, т. е. до *þeowan* (в немецком переводе Гейна этот термин передан как *sclaven* — рабы), то у нас мало данных для более или менее точного определения этого класса; да и сам Вульфстан едва ли мог обстоятельно познакомиться с ним во время своего короткого пребывания в Пруссии. По-видимому, он под *þeowan* разумел вообще зависимых людей, т. е. и рабов, подчиненность которых тогда носила патриархальный характер, и закрепощаемых. Источниками такой зависимости могли служить и задолженность, и разорение, которое возникло во время межплеменных войн, и военный плен. Маркс в применении к начальным периодам орденового завоевания употребляет для характеристики зависимости пруссов от рыцарей термин «рабство», а для характеристики зависимости ливов — термин «илоты». Так как илоты представляют собой класс зависимых людей, посаженных на землю, т. е. близких к крепостным, мы находим в этой терминологии Маркса, относящейся к прибалтийским племенам вообще, некоторое подкрепление взгляду, что в Пруссии в то время, как и в остальной Прибалтике, существовали разные формы зависимости от патриархального рабства до ранних форм крепостничества, что вообще свойственно переходным периодам. То, что Вульфстан выделяет *þeowan* в особую общественную группу, дает основание думать, что число их даже в IX в. было довольно велико. Но сделать более точные выводы из сообщения Вульфста-

на и из других относящихся к этому времени данных мы не имеем возможности.

Очень любопытен рассказ Вульфстана о погребальных обычаях пруссов. Он проливает некоторый свет на вопрос о возможностях накопления в Пруссии, и потому мы приведем из него наиболее существенную часть. Рассказ начинается с уже цитированного упоминания о длительном хранении трупов умерших. «У эстов есть обычай, что, если кто умирает, он остается лежать несожженным у своих родственников или друзей один — два месяца; цари же и люди высокого ранга — тем дольше, чем больше они имеют богатства; иногда они остаются несожженными до половины года и лежат на поверхности земли в своих домах; и все время, пока труп лежит внутри дома, должны идти попойки и игрища до того дня, когда труп сжигается. В тот день, когда они собираются нести тело умершего на костер, они делят его имущество (*his feon*), сколько его осталось от попойки и игрищ, — на пять или шесть частей, иногда и больше, судя по количеству имущества. Затем они кладут большую часть его на расстоянии одной мили от места погребения покойника, — потом другую, потом третью, — пока все не будет разложено на пространстве одной мили. Самая маленькая часть должна лежать ближе всего к тому месту, где находится мертвый человек. Затем должны собраться все люди, которые имеют самых быстрых в стране лошадей, — приблизительно на расстоянии пяти или шести миль от вещей (*from þam feo*, т. е. от выложенного имущества. — *В. П.*). Потом они все начинают скакать по направлению к выложенному имуществу (*þonne ærnað hy ealle toward þam feo*). При этом человек, имеющий самую быструю лошадь, достигает первой и самой большой части; так один за другим они разбирают все имущество; и тот берет меньшую часть, кто достигает ближайшей ко двору части имущества. Потом каждый едет с добытым добром своей дорожкой и имеет право оставить все (захваченное) у себя. И потому там необыкновенно дороги быстрые лошади. И когда его (т. е. умершего) наследство (*hys gestreon beoð*) таким образом совершенно расхищается (*aspended*), тогда выносят его (т. е. труп) наружу и сжигают вместе с оружием и одеждой. Так расточается все его (умершего) имущество, по причине долгого лежания мертвого человека в его доме и вследствие обычая выкладывания имущества на дороге» (SRP. I, 734).

Эта длинная цитата для нас интересна не только потому, что она удостоверяет обычаи пруссов сжигать тела покойников. Ее главное значение для нас заключается в том, что, по рассказу Вульфстана,

имущество покойного после его смерти рассматривалось как своего рода общественное достояние, которое отчасти пропивается и проедается на погребальных пиршествах, а отчасти разыгрывается на приз и достается как награда победителям на похоронных скачках. Можно думать, что Вульфстан преувеличивал распространенность этого обычая, говоря, что во всех случаях и все имущество умершего подвергалось такого рода расхищению на погребальных пирах и конных состязаниях. Может быть, такого рода розыгрыш имущества на скачках допускался только в тех случаях, когда лицо не было сына-наследника. Ведь Вульфстан был только путешественником, побывавшим в Пруссии лишь в течение короткого времени, и обстоятельно с ее обычаями он ознакомиться не мог. Его поразили необычайные для его родины факты, которые он наблюдал во время похорон, и он мог отдельные случаи расхищения наследства принять за общее правило. Может быть, даже и в случае отсутствия прямых наследников мужского пола, расхищалось не все имущество, а часть его оставлялась для ближайших родственников по женской или боковой линии. Но при всех этих предполагаемых ограничениях расхищение наследства — хотя бы и частичное — было, очевидно, довольно частым явлением, иначе оно не обратило бы на себя особого внимания Вульфстана, — в общем, правдивого и наблюдательного рассказчика. Пышные похороны умерших, особенно знатных людей, были обычным явлением у многих народов — и при том находящихся не только на доклассовых, но и на ранних классовых ступенях развития. Известно, какие огромные жертвы в честь богов приносились при похоронах царей, жрецов и знати на Древнем Востоке — и в Египте, и в Вавилонии, и в др. восточных государствах. Всем памятна гекатомбы в честь погибших героев, описанные в Илиаде Гомера. И у современных отсталых народов Африки, по описаниям путешественников, устраиваются такие пышные похороны умерших царьков, сопровождавшиеся угощениями и играми, что на них тратятся почти все накопившиеся в «царских» хранилищах запасы. Все это свидетельствует об одном и том же, — а именно, что на ранних ступенях развития частная собственность еще недостаточно укрепилась и что, ввиду непрочности и необеспеченности уже имевшихся накоплений, накопленные богатства не особенно ценились и под разными предлогами довольно часто подвергались расхищению. Это объяснение погребальных обычаев у пруссов времени Вульфстана недостаточной прочностью частной собственности подтверждается и другими более поздними данными, свидетельствующими о сохранении у пруссов общинных

порядков вплоть до орденского завоевания и даже в первое время после завоевания. Об этом придется говорить ниже.

Заканчивая эту главу, мы должны отметить, что в Пруссии в конце первого тысячелетия н. э. все хозяйственные, социальные и политические отношения находились еще в неустойчивом, переходном и недостаточно оформившемся состоянии. Переходное время переживала форма собственности, не оформились классы, не оформилась княжеская власть, не определился характер управления. Частная собственность и накопление богатства ограничивались существованием общины; в народе еще держались взгляды, что при наличии некоторых условий, — вероятно, при отсутствии прямых наследников мужского пола — наследство — по крайней мере при некоторых условиях — еще рассматривалось как общественное достояние, как предмет общего пользования, расхищения, призовой награды для победителей на играх и, может быть, средство для умиловления богов путем принесения им обильных жертвоприношений из имущества умершего и во славу его. Уже одно это было препятствием для частного накопления, которое только задерживалось, но не уничтожалось, ибо, с одной стороны, появлялись богатые люди, а с другой, рядовые члены общины беднели и разорялись. До каких пределов дошло разорение одних и обогащение других, насколько резко отделялись в то время низшие слои общества от высших, — об этом у нас, к сожалению, нет вполне точных данных. Мы можем только сказать, что и здесь положение было переходным, и предполагать наличие особенно больших накоплений мы для того времени не имеем оснований. Самое деление общества на основе имущественных отношений, по-видимому, было только преобладающим, но не исключительным, ибо, как увидим ниже, в Пруссии даже и в последующую эпоху были еще сильны родовые союзы, особенно среди знати. По-видимому, пути к богатству тогда еще в значительной степени открывались через знатность, и понятия богатства и знатности по большей части, хотя и не всегда, еще совпадали.

Такой же переходный характер имела и власть местных князьков (кюнинггов). Она еще не доросла до значения государственной власти; у князьков еще отсутствовали средства и органы принуждения; их власть даже и в более позднее время ограничивалась более примитивными, свойственными патриархальным порядкам, органами — советом знати и народным собранием; самая территориальная ее распространенность была еще очень невелика, ввиду крайней раздробленности тогдашней Пруссии.

**ВЕТХИЙ ЗАВЕТ В СВЕТЕ ХЕТТСКИХ
ЮРИДИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**
**(на материале хеттских международных договоров
и близких к ним по содержанию
внутригосударственных документов)¹**

Одним из основных религиозных принципов, выработанных создателями ветхозаветных книг, является идея договора древних израильтян с богом (Исход, XX и сл.) [1]. Она тесно связана с представлениями о «богоизбранности» древних евреев.

Ранее было замечено, что соглашение, достигнутое между Яхве и, от имени израильского народа, Моисеем, по своему формуляру повторяет международные договоры, заключенные хеттскими царями с другими государствами в XIV—XIII вв. до н. э. [2] Правда, эта точка зрения, предложенная, в основном, гебраистами, имеет как своих приверженцев, так и противников [3]. Возражения последних не всегда следует считать небезосновательными, так как из большой группы хеттских государственно-правовых источников XVII—XIII вв. до н. э. для сопоставления с близкими по содержанию и форме местами Библии ранее привлекались преимущественно вассальные договоры последнего периода хеттской державы, в основном поступившие в научный оборот вскоре после открытия богазкёйского архива [4].

Представляется целесообразным вначале дать общую характеристику тех хеттских историко-правовых источников, где, на наш взгляд, имеется материал для сопоставления с ветхозаветным договором израильтян с Яхве.

Одной из наиболее представительных групп документов богазкёйского архива являются государственные договоры, заключенные хеттскими царями с другими государствами. Практика их заключения восходит к начальному периоду хеттского государства [5]. Их необходимость была вызвана сложной внешнеполитической обстановкой на Ближнем Востоке II тыс. до н. э., когда, до эпохи «мировых держав» древнего мира, на политической карте возникало сразу не-

¹Рукопись статьи, хранящейся в личном архиве Г. И. Довгяло, для публикации была любезно предоставлена его учеником доцентом О. В. Перзашкевичем.

сколько сильных однородных в этническом отношении государств в окружении менее заметных современников.

К этому времени постоянными и интенсивными стали экономические контакты в пределах всего Переднего Востока, что в значительной мере определяло внешнюю политику отдельных стран, их дипломатические взаимоотношения, которые часто осложнялись или прерывались войнами.

Особенности внешней политики этого времени ясно выразил хеттский царь Хаттусилис III, подводя итоги своего правления в пространной биографии-апологии: IV (50) numu LUGAL^{mes} MAH. RU.IA āssauwas memijanas kuēs esir (51) natmu āssauwaspat memijanas kisantat (52) ^{lu.mes}TE.ME-jamu uīskiuwan tīēr uppiessar^{hi.a}-mamu (53) uppiskiuwan tīēr uppiessar^{hi.a}-mamu kuē (54) uppiskir nat nat A.NA AB.BA^{hi.a}-IA (55) Ū.UL kuedanikki upper nahhūwasmamu kuis LUGAL-us (56) ēsta nasmukan nahta kururi^{hi.a}-mamu kuē ēsta (57) natza tarahhun A.NA KŪR.KUR^{hi.a uru}Hattimazakan ZAG^{hi.a} A.NA (58) ANDA DANHUM A.NA PA.NI AB.BA^{hi.a}-ia AB.BA AB.BA^{hi.a}.IA (59) kuiēs kurūr esir ammuḡma taksulāir — «И те цари, которые до меня были в дружбе (со страной Хатти) — и со мной вступили в согласие. Как и прежде, своих послов ко мне шлют, как и прежде, высылают подарки. Но дары, которые они мне шлют, не получал ни один из моих отцов и праотцов! Тот же царь, который обязан (только) меня чтить, тот меня и почитает. Кто же мне был врагом, того я сразил. Враждовавшие области страны Хатти по всем их границам я воссоединил. И те, которые при отцах и праотцах моих враждовали, со мной подружились» [6].

Здесь отразились и принципы взаимоотношений отдельных стран Переднего Востока с другими государствами, которые могли быть между собой или равноправными союзниками, или вассалами, или внешними врагами. К числу последних относились не только те, с которыми приходилось сражаться с оружием по собственной инициативе, или кто сам вероломно вторгся в пределы государства с захватническими притязаниями. Теоретически ими становились все, с которыми отсутствовали договорные отношения.

Если судить по многочисленным, иногда весьма подробным по содержанию, договорам новохеттского времени (ок. 1400—1200 гг. до н. э.), равноправные по взаимным обязательствам отношения устанавливались с сильными и близкими по своей мощи государствами, во главе которых пребывали, как правило, «великие цари» [7].

В этом случае партнеры по договору именовались «равными» (аккад. *mehru/mihru*, хетт. *annawalis*) [8].

Так, ко временам Суппилулиумаса I относится паритетный договор с Митанни [9], а Хаттусилис III заключил свой известный договор с Рамзесом II [10]. О нескольких равноправных договорах с Вавилонией и Египтом, тексты которых не сохранились, известно по другим источникам [11].

Кроме строго паритетных обязательств, изложенных в двух вариантах, от имени царей каждой из сторон, на языках своих стран или только по-аккадски, «навечно» закреплялись «мир» (аккад. *sul-tu*) и «братство» (аккад. *ahūtu*) [12], которые обязаны поддерживать и следовать им все последующие законные представители местных династий.

Взаимные обязательства, как правило, сводились к вооруженной помощи в военных акциях против третьей стороны, при подавлении восстаний в границах договаривающихся стран, противодействию возможным узурпаторам на троны держав-партнеров, защите прав законных наследников, выдаче политических беглецов.

Договорные условия скреплялись клятвой, в свидетели призывались боги обеих стран, которых призывали погубить возможно-го нарушителя достигнутого соглашения.

По заключению договоров начиналась дипломатическая переписка, обмен посольствами, велись переговоры о междинастийных браках [13] и другие темы. Взаимные дары [14], их регулярность, как и обязательные поздравления при очередных коронациях, были знаком сохранения в силе ранее достигнутого соглашения. Любые отклонения в общепринятом этикете служили признаком ухудшения дипломатических отношений [15].

Текст оригинала договора обычно выполняли на табличке из ценного металла, и в дипломатической переписке сохранились упоминания об их образцах, выполненных на серебре, золоте, железе, с непременными оттисками царских печатей. В своем абсолютном большинстве оригиналы договоров до нашего времени не сохранились. В распоряжении исследователей имеются их копии на глине из раскопанных дворцовых и храмовых архивов. В редких случаях и на них сохранились оттиски царских печатей.

Из содержания международных договоров известно, что местом их постоянного хранения были святилища главных богов стран [16].

В некоторых случаях равноправные партнеры хеттов по договору, ввиду осложненных внешних обстоятельств, теряли свой пре-

стиж. В последующие версии договоров, в соответствии с этим, внеслись существенные изменения, хотя формально сохранялась видимость равноправных отношений. Примером такого государства может служить Киццуватна (Киликия), над которой, из-за возможных угроз со стороны Митанни, хетты установили свой протекторат [17]. После смерти Суппилиумаса I в такое положение попали и правители Арцавы и Митанни. Их цари получали статус, обозначенный термином неясного происхождения — «kuirwanos» [18].

Несмотря на сохранение в договорах с ними формуляра паритетных отношений, в самом содержании присутствуют признаки заметной зависимости *kuirwanos* от хеттского государя. К примеру, царь Киццуватны обязан был ежегодно являться в Хаттусу для изъявления своей верноподданности, но в официальный момент этого акта, при его появлении в месте собрания, «великие» хеттские царедворцы должны были почтительно привставать со своих мест.

Следовало ожидать, что и Азиру, царю Амуру, главе государства «хапиру», который по своей воле признал свою зависимость от хеттского царя, будет дарован такой же статус. Однако, в противоположность Киццуватне, Амуру не было сильным государством и фактические условия, с которыми согласился Азиру, требовали полной зависимости от хеттского владыки [19].

Наиболее широко представлены в хеттском архиве вассальные договоры [20]. Сам царь-вассал занимал вполне суверенное положение в предоставленных ему владениях, но был лишен свободы действий во внешней политике, ее военной и мирной сферах. Прибывшие к вассалу послы из других стран должны были быть им немедленно отправлены к хеттскому царю. Военные акции с другими государствами он мог вести только под началом своего хеттского государя, предоставляя в его распоряжение воинский контингент из своей страны [21].

Символом верности вассала-правителя подчиненного государства были ежегодные присяги, которые часто были приурочены к моментам доставки в Хаттусу положенной дани. Правда, иногда ее отправляли и со специальными посольствами.

Как правило, при продолжении договорных отношений хеттские цари скрупулезно перечисляли все прегрешения отдельных представителей вассальных династий за значительные периоды времени. Подобным образом вассала подводили к угодному поведению даже в мелочах [22].

Принимая на «вечные времена» клятву верности вассала, хеттский царь-сюзерен в свою очередь обязывался защищать своего «раба» в случае военной опасности, гарантировал вассалу законную преемственность в собственной династии [23]. В случаях измен или иных преступлений против хеттского владыки отдельные представители вассальных династий подлежали суду своего сюзерена, могли даже быть казнены. Однако это не лишало остальных членов царского рода вассала закрепленных договором наследственных прав. И все последующие хеттские цари обязаны были обеспечивать законное наследование престола в вассальных династиях [24].

Вполне понятно, что условия неравноправных вассальных договоров не выдерживали испытания временем, особенно в тех случаях, когда слабые зависимые государства оказывались в буферных зонах между враждующими сильными соперниками [25]. Выразительнейшим примером последнего является рискованное лавирование упомянутого выше Азиру, правителя Амуру, между египтянами и хеттами. Отправляясь в Египет, он на словах выражал верность фараону, но по возвращении на родину сразу изменил, вступив в договорные отношения с Суппилулиумасом I [26].

Не менее часто договорные отношения хеттских царей с вассалами распадались после успешных военных действий неприятеля.

Монархия не была единственной формой государства в Малой Азии хеттского времени. В некоторых политических образованиях власть принадлежала местной аристократии, которая из своей среды определяла, по всей вероятности, избираемого на определенный срок правителя — аккад. *hazānu* [27].

В такой стране, как Хаяса, судя по договору Суппилулиумаса I с ее правителем Хукканасом, царская власть была нововведением [28], так как наряду с царем партнерами по договору выступают и «люди Хаясы» [29]. В некоторых других хеттских государственных договорах, к примеру, в соглашении с Исмириккой, небольшой страной близ Киццуватны, упоминается, что клятву верности приносит и «народ» [30]. Иногда партнерами хеттских царей выступают и старейшины (аккад. ^{lu}*sibūti*) стран [31].

О касках, которые чаще других неприятелей нападали на хеттов с севера, в одном случае прямо сказано, что у них не принято отдавать полноту власти одному человеку [32].

В правление Суппилулиумаса I две области в завоеванной Северной Сирии, Хальпа и Кархемыш, были переданы в наследственное владение царским сыновьям, и, по условиям этих договоров,

хеттские «великие цари» не могли в последующем отнять у новых династий права на владение своими уделами [33]. И при заключении договоров последнего вида приносились взаимные клятвы, и в них присутствуют формулы о взаимной лояльности, гарантируется неприкосновенность удела, но отсутствуют предписания о военной взаимопомощи. Нет и требований регулярных визитов а метрополию для изъявления своей верности, о необходимости предупреждать о грозящей внешней опасности, о высылке беглецов. Все это, вероятнее всего, потому, что удел вице-царя не признавался иноземной территорией и подлежал внутригосударственной юрисдикции.

Спецификой древней Малой Азии являются теократические «города богов», управляемые жречеством. Впервые о них упоминается в хеттских источниках, хотя почти в неизменной форме они просуществовали вплоть до новой эры, что засвидетельствовано, к примеру, для Коммагены Капподокийской Страбоном [34]. Современных исследователей не может не удивлять устойчивое сохранение в течение многих веков теократического статуса этого города, который был установлен в хеттском династическом договоре середины II тыс. до н. э., по которому царский сын, жрец по званию Телепинус, получил в наследственный удел этот город [35]. И, по свидетельству Страбона, уже в римское время, Коммагена управлялась царем-жрецом, который был одним из царских родственников: «Город достаточно велик. Жители подчинены царю, который является и великим жрецом. Он является господином храма и храмового персонала, который в мое посещение состоял из 6000 как мужчин, так и женщин. Храм окружает большое земельное пространство, доходы с которого используются жрецом. Он занимает в Каппадокии второе место после царя; обычно жрец походит из того же рода, что и царь» (XII, 535).

Различные виды хеттских государственных договоров обозначались вполне определенными терминами. Так, равноправный дружественный договор именовался *taksul* [36] (с отношениями, выраженными аккадскими *aḥūtu* «братство» и *salāmu* «мир»). Вассальный договор носил наименование *ishiul* (с побочными значениями — «соединение, вязка, переплетение», «обязанность, обязательство», «предписание») [37].

Кроме собственно вассальных хеттских договоров, много точек соприкосновения с описанным в Библии заветом еврейского народа с Яхве имеют внутригосударственные правовые документы,

в которых регулировались взаимоотношения царя со служилыми людьми высших рангов [38].

В отличие от международных договоров, в них, как правило, фиксировались односторонние обязательства царских подданных в отношении главы государства. При вступлении царей на престол служилые люди высших рангов и военачальники [39] приносили присягу новому государю и его династии. Сохранились пространные тексты присяг хеттских «царских сыновей», «господ» и «главных начальников» с вполне определенным содержанием и структурой [40]. Эта группа документов, как и межгосударственные вассальные договоры, обозначались термином *ishiul* (аккад. *riksu*) [41]. К последним по своему содержанию очень близки так называемые «солдатские клятвы», которые приносили не простые военные, а представители высшего военного командования [42].

Для вассальных договоров и внутригосударственных инструкций с неперемными клятвами свойственна почти стандартная идиоматика отдельных правовых законоположений и формул. Полагают, что такая унифицированность в договорных синтаксисе и лексике определились и распространились в Амарнскую эпоху [43]. Иногда идиоматическая лексика договоров встречается в текстах дипломатических писем [44].

Для исчерпывающего понимания вариантов ветхозаветных договоров с богом пока не использованы такие важные юридические источники, как хеттские жалованные грамоты, или привилегии. Их обычно получали в пожизненное и наследственное распоряжение те представители хеттской знати, которые при собственной жизни оказали чрезвычайные услуги царю и его династии [45]. Эта сравнительно небольшая группа документов имеет значительный интерес для анализа и понимания тех мест Ветхого Завета, где говорится о «деяниях патриархов» и воцарении династии Давида.

Примечания и ссылки

1. Краткий пересказ договора дан в И. Навин, XXIV при описании процедуры его возобновления.

2. Впервые эта точка зрения была высказана Дж. Менденхаллом в 1954 г. в журнале: *Biblical Archaeologist* (New Haven). Vol. 17. 1954. P. 26—46, 50—76. Впоследствии этот вопрос детально исследовался в многократно переизданной на различных языках книге: Mc Carthy. *Treaty and Covenant*. Roma, 1963.

3. См.: Ritchen K.A. *Ancient Orient and Old Testament*. London, 1966. P. 91–92. Note 18.

4. Для этой цели в основном привлекались издания: Korosec V. *Hethitische Staatsverträge. Ein Beitrag zu ihrer juristischen Wertung*. Leipzig, 1931; *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament* / ed. by J. B. Pritchard. 2nd ed. Princeton, 1955. P. 347–498.

5. СHT 21,25,26; Otten H. *Ein althethitischer Vertrag mit Kizzuwatna* // JSC. Vol. IV. 1951. S. 129–132; Meyer G.R. *Zwei neue Kizzuatna-Verträge* // MIO. Bd. III. 1952. H. 2. S. 108–124. К Среднехеттскому времени относится договор Тудхалияса II с царем Киццуватны Сунассурой (СHT 41).

6. СHT 81; Götze A. *Hattusilis*. Leipzig, 1925. S. 36–37.

7. Не всегда письменные предложения о вступлении в «вечный мир, дружбу и братство», взаимный отказ от агрессии и др. безотказно принимались другой стороной. Примером может служить послание Адад-Нерари I Хаттусилису III (KUB XXIII 102), в котором последний узрел явную неправду своего вероятного неприятеля. Подробнее см.: Rowton M.B. *The Background of the Treaty between Ramsesses II and Hattusilis III* // JCS. Vol. 13. 1959. N. 1. P. 10. Note 44–46.

8. HW. S. 21.

9. СHT 52; Weidner E. *Politische Dokumente aus Kleinasien. Die Staatverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi*. Leipzig. S. 2–57.

10. Стучевский И. А. Рамсес II и Херихор. Из истории Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984. С. 48–61, где приведен новый перевод этого договора на русский язык. В преамбуле хорошо сохранившейся египетской версии документа засвидетельствовано, что мирные договоры между странами заключались и ранее, при Суппилиумасе I и Муваталлесе.

11. В одном из писем Хаттусилиса III правителю касситского Вавилона Кадашман-Эллилю говорилось о заключении договора еще в правление отца последнего Кадашман-Тургу, см.: Edel E. *Die Abfassungszeit des Briefes KBo I 10 (Hattusil-Kadasman-Ellil) und seine Bedeutung für die chronologie Ramses II* // JCS. Vol. 12. 1958. P. 131–132. О имевшем место договоре Суппилиумаса с Аменхотепом III сказано в одном из писем Тушратты к египетскому двору (TA № 41), см.: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военнополитическая история в XVII–XIII вв. до н. э.). Ереван, 1984. С. 58. Только из египетских источников известно о договоре Муваталлеса с Сети I, см.: Стучевский И. А. Указ. соч. С. 28.

12. Аккад. *salmu* дословно означает «благосостояние», «здоровье», «мир», «дружба», «поклон», «привет», а *ahhutu* / *ahtutu* – «братство», «братские отношения» (HW, S. 305, 313); Weinfeld M. *Covenant Terminology in the Ancient Near East and its influence on the West* // JAOS. Vol. 93. 1972. No. 2. P. 190.

13. В работе Edel E. *Der Brief des ägyptischen Wesirs Pasijara an den Hethiterkönig Hattusili und verwandte Keilschriftbriefe* // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Phil.-Hist. kl. Jg.* 1978. No. 4. S. 120–158, опубликованы письма визиря и представителей семьи фараона Хаттуси-

лису III с пожеланиями благополучия и длинными списками посылаемых даров. Как знак благоволения к хеттскому царскому двору посылались и египетские лекари и лечебные снадобья, см.: Edel E. *Ägyptische Ärzte und ägyptische Medizin am hethitischen Königshof* // *Vorträge des Rheinisch-Westfälische Akademie des Wissenschaften*. G. 205. Westdeutscher Verlag, 1976. S. 22–30. О дарах египтян Тушратте как партнеру по договору отражено в письме ТА № 20. Ср.: Аветисян Г.М. Указ. соч. С. 55.

14. Особенно подробно отражены в источниках взаимные политические браки Рамзеса II и Хаттусилиса III, см.: Edel E. *Der geplante Besuch Hattusilis III in Ägypten* // *MDOG*. Bd. 92. 1960. S. 13–16; Edel E. *Weitere Briefe aus der Heiratkorrespondenz Ramses'II*. KUB III 37 + KBo X 17 + KUB III 57 // *Geschichte und Altes Testament*. Tübingen, 1953. S. 29–63; Edel E. *Die Rolle der Königinnen aus Bohazköy* // *IF*. Bd. 60. 1949. S. 72–85; Schulman A. R. *Diplomatic Marriage in the Egyptian New Kingdom* // *JNES*. Vol. 38. 1979. No. 3. P. 187. Note 41; Стучевский И. А. Указ. соч. С. 48–64; Черны Я. *Брачная стела Рамзеса II* // Курьер ЮНЕСКО. Париж. Февраль, 1960.

15. К примеру, прекращение переписки Эхнатона с Тушраттой послужило знаком разрыва договорных отношений, см.: Аветисян Г. М. Указ. соч. С. 58.

16. Так, оригиналы договора Хаттусилиса III с Рамзесом II должны были храниться соответственно в храмах хеттского бога бури и Ра. Ныне небольшие фрагменты аккадской версии этого договора хранятся в Государственном Эрмитаже и опубликованы в: Шилейко В. К. *Фрагменты из Богазкёя в собрании Лихачева* // *ЗВОРАО*. Т. XXV. 1921. С. 77–82.

17. См.: Goetze A. *Kl.*² S. 98–99.

18. Исходя из смысла контекстов ряда источников, где встречается этот термин, Й. Фридрих предположительно его интерпретировал как «союзник, дружественный, верный». Рассмотрев имеющиеся варианты написания этого слова, он предположил, что это явно нехеттское слово. Вместе с тем заслуживают внимания гипотезы Э. Форера о чисто индоевропейском происхождении этого корня. См.: Friedrich J. *Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache*. 1 Teil. Leipzig, 1926. S. 76–77.

19. СHT 49.

20. Goetze A. *Kl.*² S. 99–100.

21. Особенно хорошо это видно в содержании исторических прологов хеттских договоров с Амуру, которые возобновлялись при воцарении каждого нового царя страны-сюзерена, см. договоры Суппилиумаса I с Азиру (СHT 49), Мурсилиса II с Дуппи-Тешубом (СHT 62), Хаттусилиса III с Бентешиной (СHT 92), Тудххалияса IV с Саушка-Мувой (СHT 105). О последнем договоре см. также: Kühne C und Otten H. *Der Sausgamuwa-Vertrag*. Weisbaden, 1971.

22. Несмотря на отсутствие исторического введения в договоре Суппилиумаса I с правителем Хаясы Хуккунасом, и в нем нашлось место для напоминания о любовных вольностях молодых придворных, имевших место в отдаленном прошлом (СHT 42).

23. См., например, следующее место из договора Мурсила II с царем Амуру Дуппи-Тешубом: KBO V 9, 1, (23) nu NISI DINGIR^{lim} SĀ LUGAL pah-si ^dUTU^{si} - ma tuk (24) ^mDuppi-^dTes^{up}-an pahhashi mahanna DAM-KA tatti (25) nusa mān TUR-US ijasi nu katta INA KUR ^{uru}Amurri apās (26) LIGAL-us ēsdu nu Tuk mahhan DUMU-KA-ja (27) QAMAMMA UTU^{si} pahhashi zikma ^mDuppi-^dTsesupan LUGAL KUR ^{uru}Hatti (28) KUR ^{uru}Hatti DUMU^{mes}-JA ziladuwa pahsi – «да береги клятву царя и власть царя, я же, Солнце, буду защищать тебя, Дуппи-Тешуб! И когда ты возьмешь себе жену, и у тебя появиться наследник, то должен он стать и царем Амуру. И как я, Солнце, тебя защищаю, так буду я защищать также и твоего сына. Ты же, Дуппи-Тешуб, защищай царя страны Хатти, страну Хатти, и впредь моих сыновей и моих внуков!».

24. См., например, строки из договора Муваталлиса (Мурсила II) с царем Халаба Тальми-Саррумой: (СНТ 75) Vs. (14)... mamma mimma ana qati ^mTalmi-Sarma (15) ù ana /qa/ti māri-su mār māri-sú lū /l/ā itabbal ùsarrutam sá māt Halap (16) mār-/s/ú sá ^mTalmi-Sarma sar ^{u/ru}/Hal/a/p lū sabit – «Никто не может никогда отнять власть Тальми-Саррумы и власть сына его и внука. И царствовать в стране Халаб должны сын, внук Тальми-Саррумы, царя Халаба».

25. Одной из таких сфер постоянной военной напряженности стала в XIV–XIII вв. до н. э. Северная Сирия, где столкнулись политические интересы хеттов и египтян.

26. См., например, пролог к договору Суппилиумаса I с Азиру (СНТ 49).

27. Дословно – «глава города, общины», см. HW. S. 307.

28. См.: Friedrich J. Staatsvertrage... Teil 2. S. 103–106.

29. См.: Goetze A. Kl.² S. 102.

30. Ibid. S. 102. Noten 6–9.

31. См.: KBo III 4, III, 73.

32. См.: Goetze A. Kl.² S. 102. Note 12.

33. См.: KBo I 28, KBo XIV 12, III 17–20. В тексте времени Хаттусилиса III читаем: KUB XIX 9 (17)... nuzā DUMU^{mes}-SUNU LUGAL^{mes}-us (18) ijat INA ^{uru}Halpa ^mTelepinum LUGAL-un ijat (19) INA KUR ^{uru}Kargamisna ^mPijassilin LUGAL-un i-ja-at – «и он (т. е. Суппилиумас I – Г. Д.) поставил царями своих сыновей: в городе Хальпе царем был поставлен Телепинус, а в городе Кархемыше – Пияссили».

34. Святилища этого города имели важное значение для хеттов в годы правления Суппилиумаса I, Мурсириса II и Муваталлиса. См.: Houwinkten Cate H.J. and Josephson F. Muwatallis' Prayer to the Storm-God of Kummani (KBo XI 1) // RHA. T. XXV. 1967. F. 81. P. 121.

35. СНТ 44.

36. HW. S. 86.

37. HW. S. 205.

38. См.: Schuler E. Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte // Graz, 1957; Schuler E. Die Würdenträgereide des Arnuwanda // Or. Vol. 25. 1956. S. 209–240.

39. Соответственно DUMU^{mes} LUGAL; het. ishā- (sum. EN^{mes}, аккад. BĒLŪ^{mes}); lūmes^{mes} DUGUD (аккад. KABTŪTI).

40. См.: Schuler E. Hethitische Dienstanweisungen...; Schuler E. Die Würden-tragereide...

41. Узы царей с богами посредством молитв также именовались этим термином.

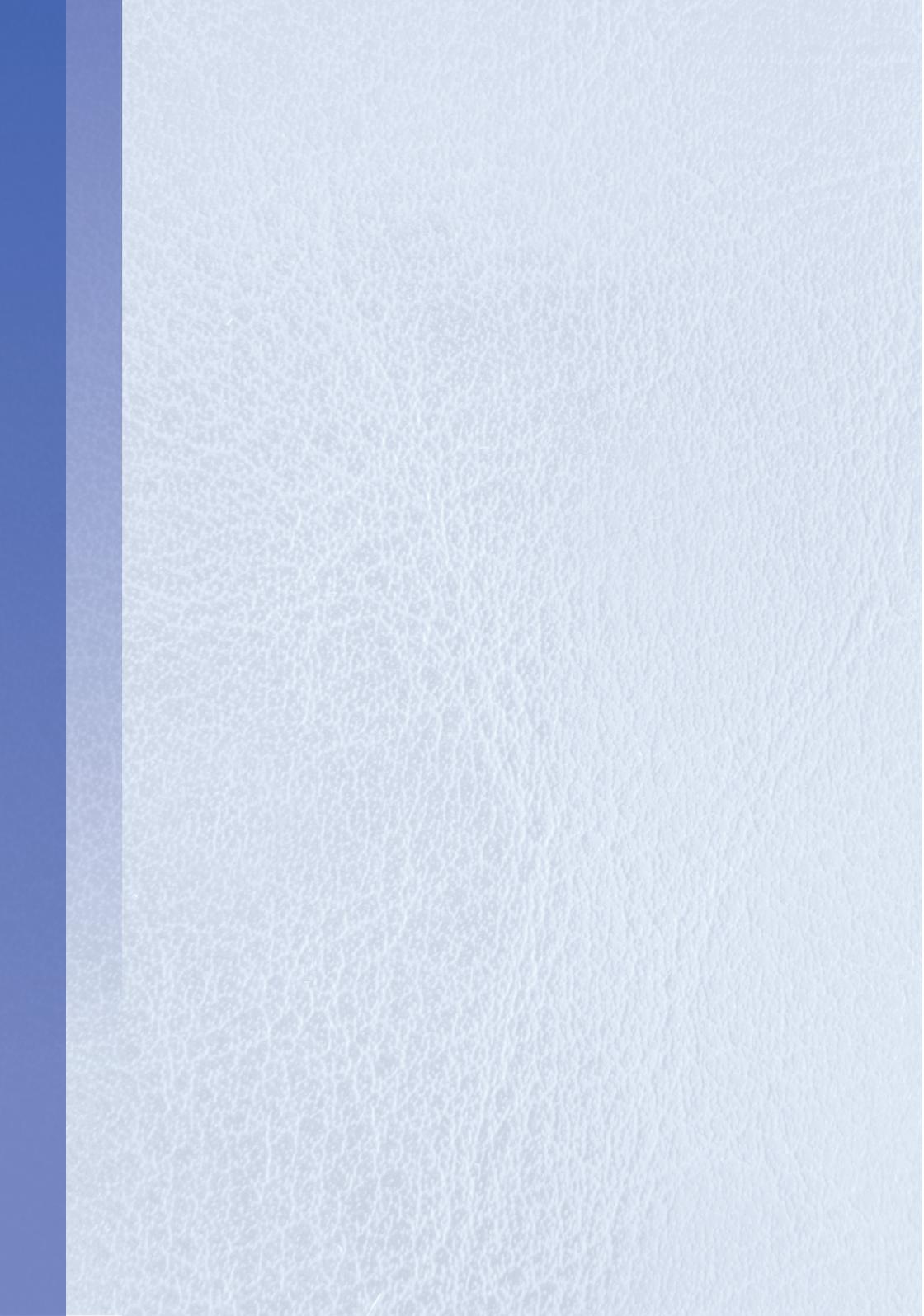
42. Oettinger N. Die Militarische Eide der Hethiter. Heidelberg, 1976.

43. См.: Weinfeld M. The Covenant of Grant in the Old Testament in the Old Testament and in the Ancient Near East // JAOS. 1972. Vol. 90. No. 2. P. 190.

44. См., например: АТ № 286.

45. См., например: КВо IV 12.

КРАТКАЯ
ЛЕТОПИСЬ
КАФЕДРЫ

☞ 1934 ☞

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в БГУ был создан исторический факультет. Академик Н. М. Никольский и профессор В. Н. Перцев приступили к работе на кафедре общей истории в качестве совместителей.

Академику АН БССР Н. М. Никольскому присуждена ученая степень доктора исторических наук.

☞ 1935 ☞

Профессору В. Н. Перцеву присуждена ученая степень доктора исторических наук.

На кафедру общей истории поступила работать ассистенткой аспирантка второго года обучения Р. А. Поссе (с 1945 г. — Никольская), специализирующаяся по истории Древнего мира.

На кафедру общей истории пришел работать ассистентом А. И. Партон, специализирующийся по истории Средних веков.

☞ 1936 ☞

На историческом факультете создана кафедра истории средних веков и древней истории. Заведующим стал академик Н. М. Никольский.

☞ 1937 ☞

После ареста директора Института истории партии С. В. Поссе его бывшая жена Р. А. Поссе была уволена из БГУ как жена врага народа.

☞ 1938 ☞

Профессор В. Н. Перцев стал штатным сотрудником БГУ.

На кафедру поступили работать доцент В. И. Шевченко, специалист по древнегреческой литературе, и Р. А. Поссе как и. о. доцента по совместительству.

А. И. Партон переведен на должность старшего преподавателя.

Занятия по латинскому языку проводят старшие преподаватели И. Н. Фейнберг и М. Ф. Старжинский.

☞ 1939 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации Г. М. Лившица — первой кандидатской диссертации по всеобщей истории в стенах БГУ.

В сентябре кафедра истории древнего мира и средних веков разделилась на две: древнего мира (заведующий Н. М. Никольский) и средних веков (заведующий В. Н. Перцев).

☞ 1940 ☞

В. Н. Перцев избран академиком АН БССР.

Г. М. Лившицу присвоено ученое звание доцента. Он приступил к работе на кафедре средних веков в качестве совместителя.

К работе на кафедре древнего мира приступил старший преподаватель Н. С. Махнач.

☞ 1941 ☞

После оккупации Минска немецко-фашистскими войсками БГУ прекратил свою деятельность. Сотрудники факультета либо пошли на фронт, либо оказались в эвакуации, либо остались на временно оккупированной территории Белоруссии. Академик Н. М. Никольский покинуть Минск не успел.

☞ 1943 ☞

На подмосковной станции Сходня возобновлена работа БГУ.

Кафедру истории древнего мира возглавил доцент В. И. Шевченко, находившийся в то время в Москве, кафедру истории средних

веков — профессор В. Н. Перцев, вызванный для этого из Удмуртского университета, в котором он работал, находясь в эвакуации.

Состоялась защита кандидатской диссертации В. И. Шевченко, ученика Н. М. Никольского.

☞ 1944 ☞

Вывезенный из оккупированной Белоруссии академик Н. М. Никольский встал во главе кафедры истории древнего мира БГУ в Сходне.

БГУ вернулся из эвакуации и продолжил работу в Минске.

Доцент Г. М. Лившиц зачислен на кафедру истории средних веков.

Доцент В. И. Шевченко остался в Москве.

☞ 1945 ☞

Академик Н. М. Никольский вернулся в Минск.

Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР направил на постоянную работу на кафедру истории древнего мира уроженца Минской губернии кандидата исторических наук, доцента Ф. М. Нечая из Чувашского пединститута.

На кафедру истории древнего мира преподавателем латинского языка поступил работать С. И. Пильман.

☞ 1946 ☞

Академик АН БССР Н. М. Никольский избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению истории и философии (древняя история, история Древнего Востока).

К работе на кафедре истории средних веков приступил латинист Б. А. Мельцер.

☞ 1947 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации Р. А. Никольской (Поссе), ученицы Н. М. Никольского.

В результате объединения кафедры истории средних веков и кафедры новой истории образовалась кафедра всеобщей истории во главе с академиком АН БССР В. Н. Перцевым.

☞ 1948 ☞

К работе приступили латинисты: доцент А. М. Малинин (на условиях почасовой оплаты) и А. Ф. Бондарин (старший преподаватель).

В июле — августе в состав кафедры всеобщей истории входила кафедра истории древнего мира.

☞ 1949 ☞

Кафедра всеобщей истории разделилась на кафедру истории средних веков и кафедру новой истории.

Доцент А. М. Малинин принят на кафедру истории средних веков в качестве совместителя.

Р. А. Никольская приступила к работе на кафедре истории древнего мира в качестве старшего преподавателя.

На кафедру истории древнего мира приглашены доценты В. Р. Тарасенко (для чтения курса основ археологии) и М. Я. Гринблат (для чтения курса основ этнографии).

☞ 1950 ☞

Доцент Г. М. Лившиц оставляет пост заведующего кафедрой всеобщей истории МГПИ, сконцентрировавшись на работе в БГУ.

☞ 1953 ☞

Академик Н. М. Никольский вынужден прекратить педагогическую деятельность. Из-за болезни он практически не выходит из дома. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира стал доцент Ф. М. Нечай.

Доценту А. М. Малинину был предоставлен отпуск без содержания для подготовки докторской диссертации.

☞ 1955 ☞

В сентябре кафедры истории древнего мира и средних веков были объединены в одну во главе с академиком В. Н. Перцевым.

Доцент А. М. Малинин покинул кафедру.

Состав объединенной кафедры: В. Н. Перцев (заведующий), Г. М. Лившиц, Ф. М. Нечай, Р. А. Никольская; латинисты А. Ф. Бондарин, С. И. Пильман, Б. А. Мельцер.

☞ 1956 ☞

Академик В. Н. Перцев избран по конкурсу заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков.

☞ 1957 ☞

Р. А. Никольской присвоено ученое звание доцента.

К работе на кафедре приступила выпускница аспирантуры Н. А. Гусакова, ученица В. Н. Перцева.

☞ 1958 ☞

А. Ф. Бондарин вышел на пенсию.

На кафедру из Минского института иностранных языков пришла Н. А. Гончарова, занявшая должность старшего преподавателя латинского языка.

☞ 1959 ☞

После запрета на совмещение работы на полную ставку в АН БССР и БГУ В. Н. Перцев покидает пост секретаря-академика Отделения общественных наук АН БССР, оставшись заведующим кафедрой.

19 ноября — скончался академик Н. М. Никольский.

☞ 1960 ☞

В марте Г. М. Лившицу присуждена научная степень доктора исторических наук.

3 июня — скончался академик В. Н. Перцев.

☞ 1961 ☞

Кафедру истории древнего мира и средних веков возглавил доцент Ф. М. Нечай.

☞ 1962 ☞

Г. М. Лившицу присвоено ученое звание профессора.

Н. Никольский.

ДРЕВНИЙ ВАВИЛОНЪ.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ СУМЕРА, ВАВИЛОНА И АССУРА.

Съ 93 рисунками, планомъ древняго Вавилона и историческою картою.

Цѣна 2 руб.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“
МОСКВА, Знаменка, 9.
1912.

Н. Никольский.

ДРЕВНИЙ ИЗРАИЛЬ.

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ
ВЪ НАУЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Съ 62-ми рисунками, географическою картою и планомъ
древняго Иерусалима.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“
МОСКВА, Знаменка, 9.

Н. М. Никольский.

ИСУСЪ И ПЕРВЫЯ ХРИСТИАНСКІЯ ОБЩИНЫ.

МОСКВА,
1912.

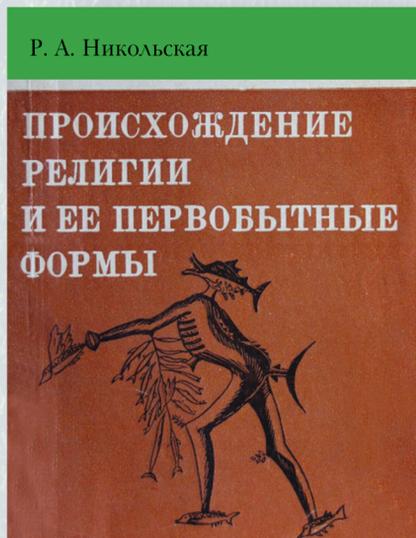
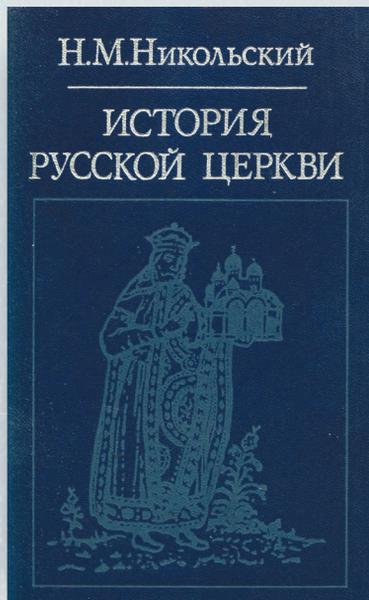
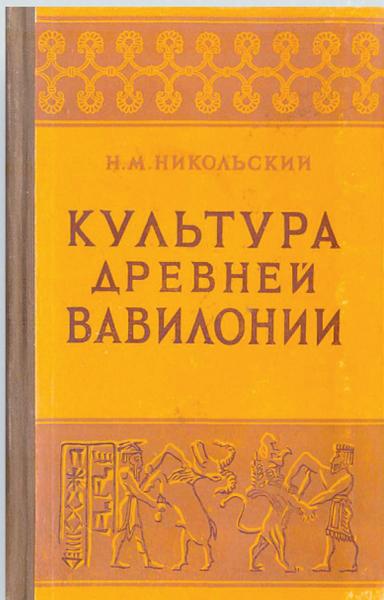
АКАДЕМІЯ НАУКЪ БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТЪ ИСТОРИИ

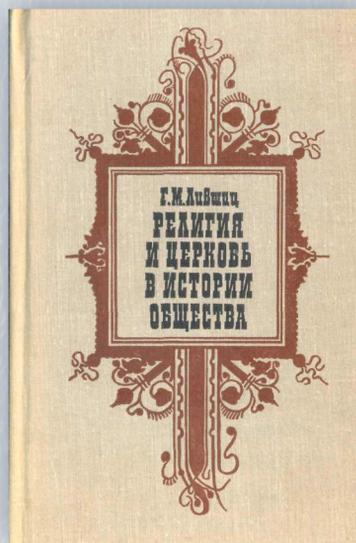
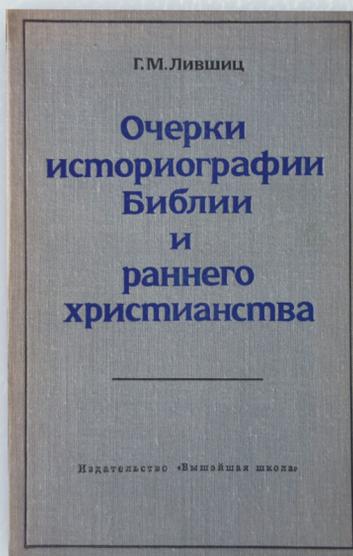
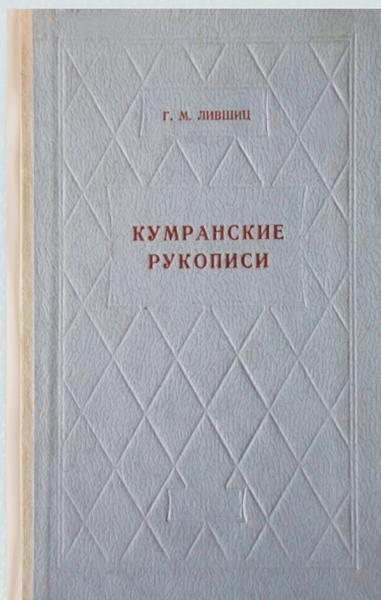
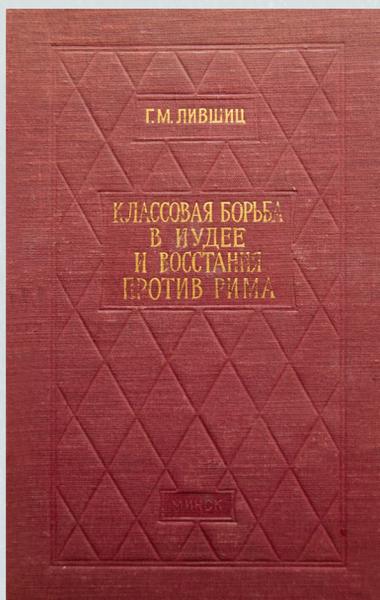
Н. М. НИКОЛЬСКИЙ

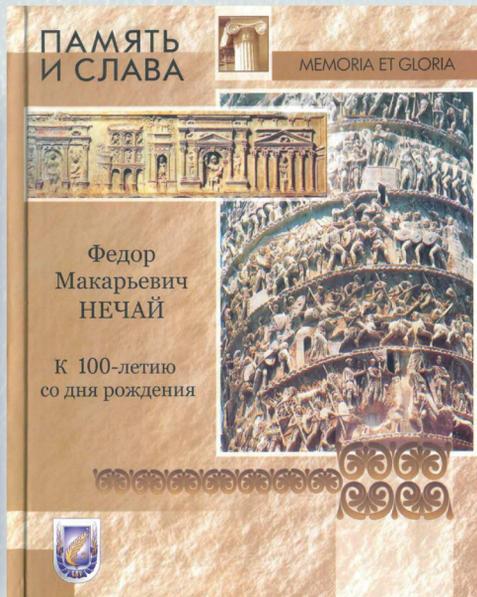
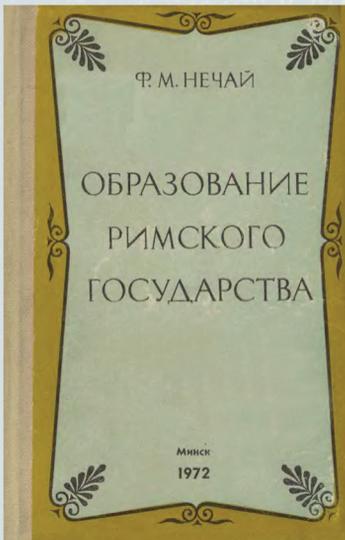
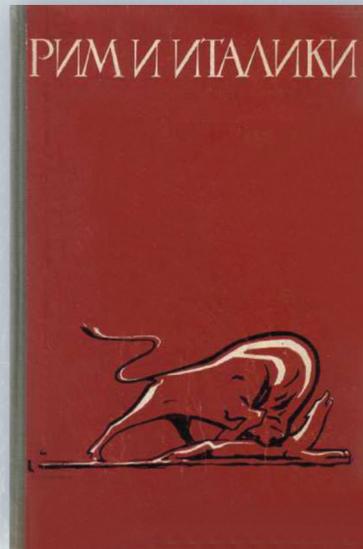
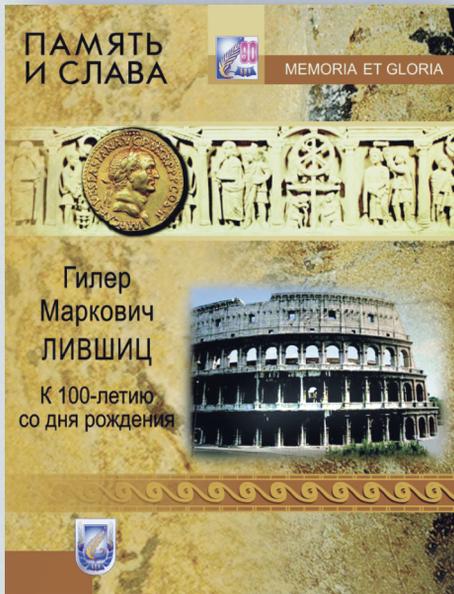
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ БССР,
ЧЛЕНЪ-КОРРЕСПОНДЕНТЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ ССРСР

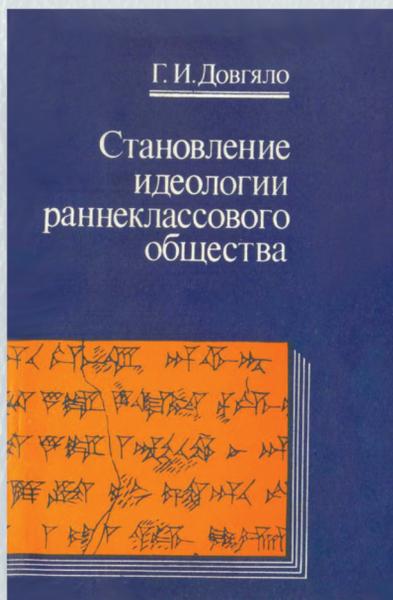
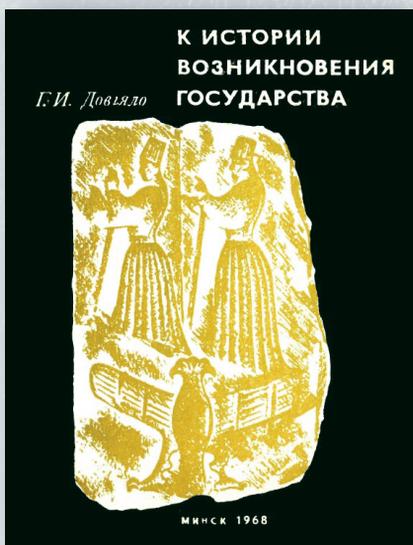
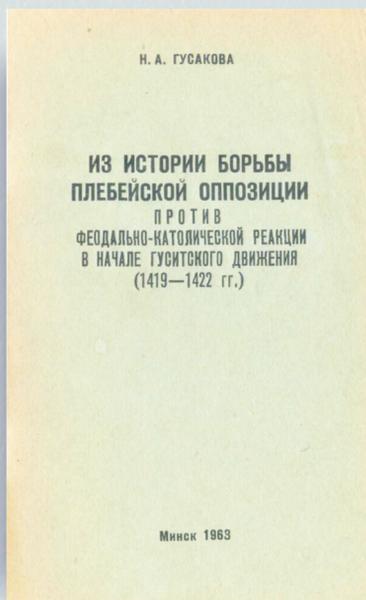
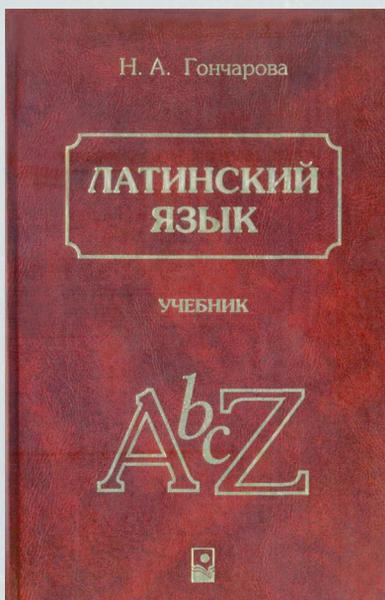
ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНІЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ДВУРЕЧЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМІИ НАУКЪ БССР
МИНСКЪ 1948

М. С. КОРЗУН

**СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА В АФИНАХ
в 444–425 гг.
до нашей эры**

М. С. Корзун

**РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ
НА СЛУЖБЕ
ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ
КЛАССОВ**

X век–1917 год

М.С.Корзун

**Русская
православная
церковь**

1917–1945
ГОДЫ

К.А. РЕВЯКО

**ПУНИЧЕСКИЕ
ВОЙНЫ**

К. А. РЕВЯКО

**ВОЙНЫ РИМА
С КАРФАГЕНОМ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И НАПРАВЛЕНИЯ
ИСТОРИОГРАФИИ**

К. А. Рэвяка

**АНТЫЧНАСЦЬ
НА БЕЛАРУСІ**

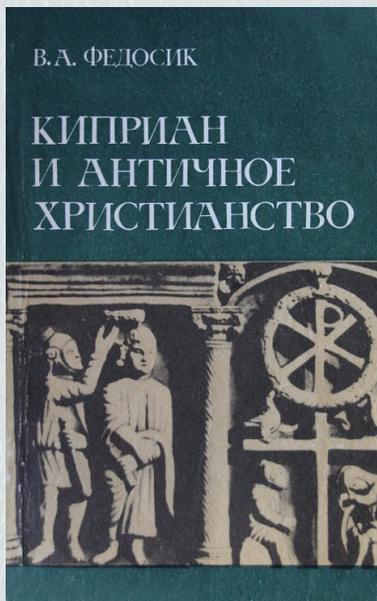
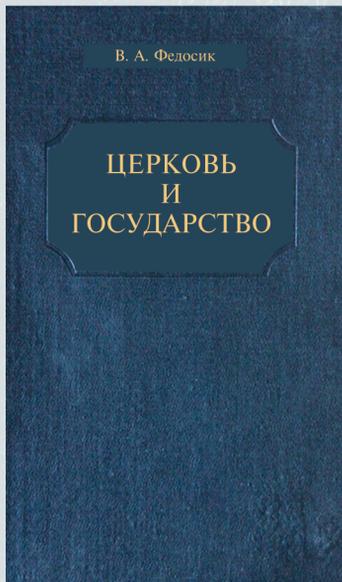
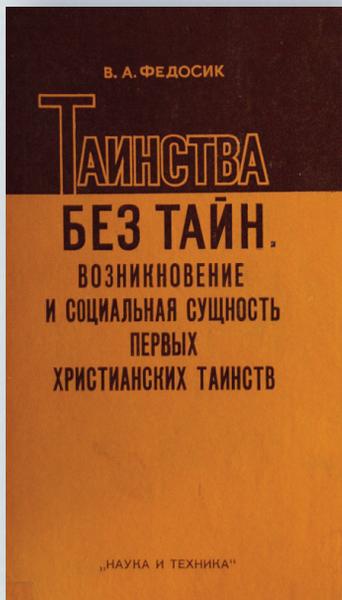
О. И. ХАНКЕВИЧ

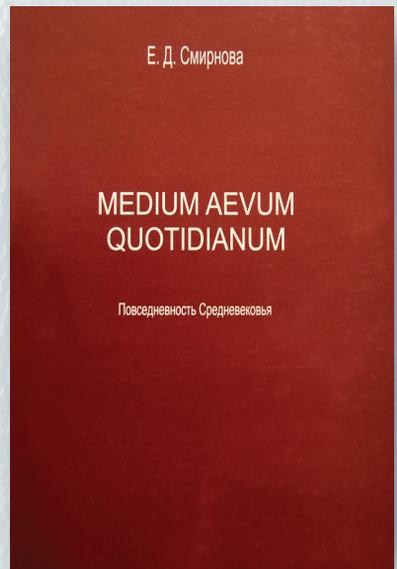
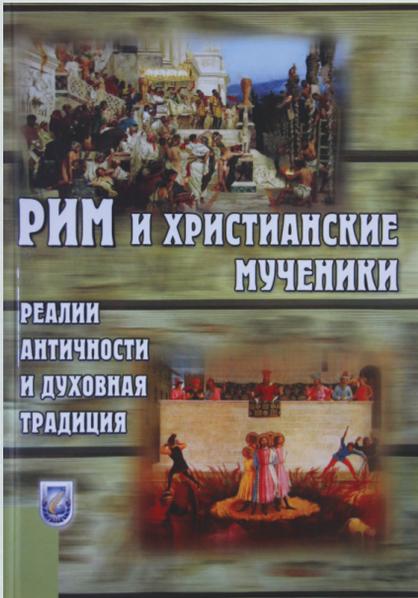
**Древние
цивилизации**

Ю. Е. Квонца

**У ИСТОКОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ
НОВОГО
ВРЕМЕНИ**

І. А. ЕЎТУХОЎ

УСПРЫНЯЦЕ
ПРАСТОРЫ І ЧАСУ
Ў ПОЗНААНТЫЧНЫМ
МЕНТАЛІТЭЦЕ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

І. А. ЕЎТУХОЎ

ПОЗНААНТЫЧНЫЯ
КАНЦЭПЦЫІ
ЧАЛАВЕКА

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

И. О. Евтухов

Страны и народы
средневекового Запада

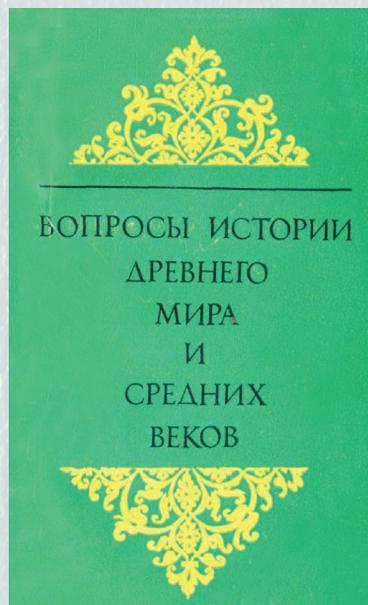
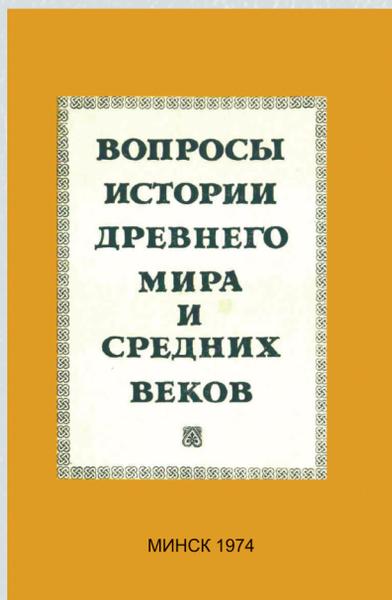
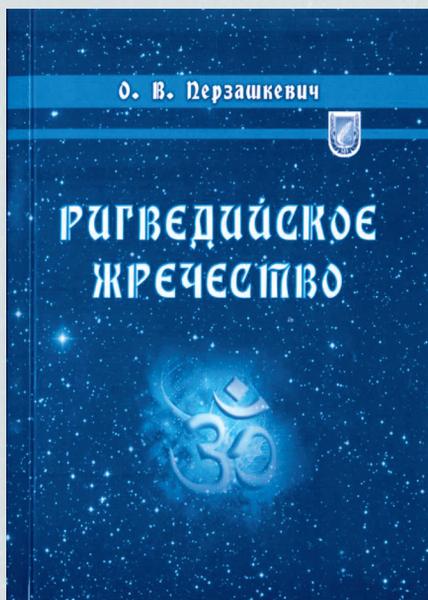
Экоперспектива

А. А. Прохоров

Князь Тур:
история легенды

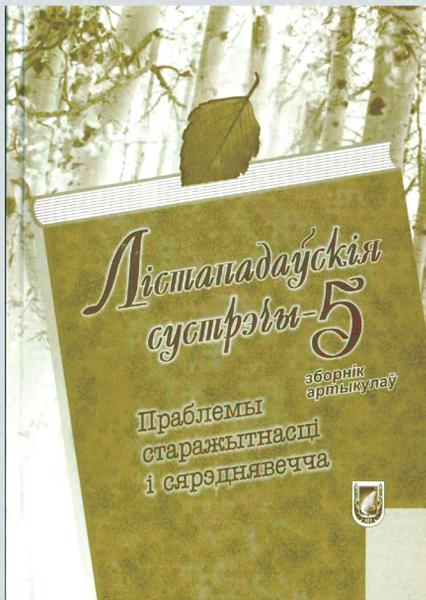
Сакрализация
княжеской
власти
у славян

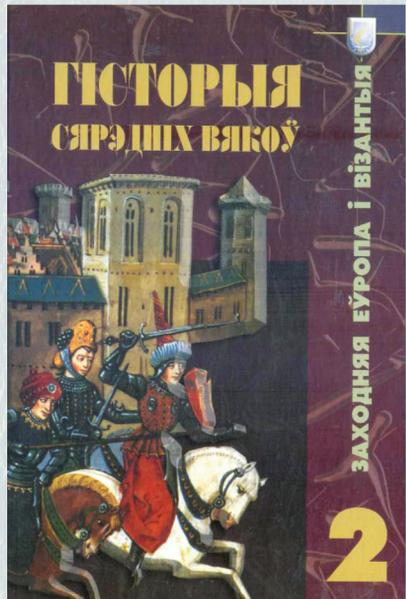
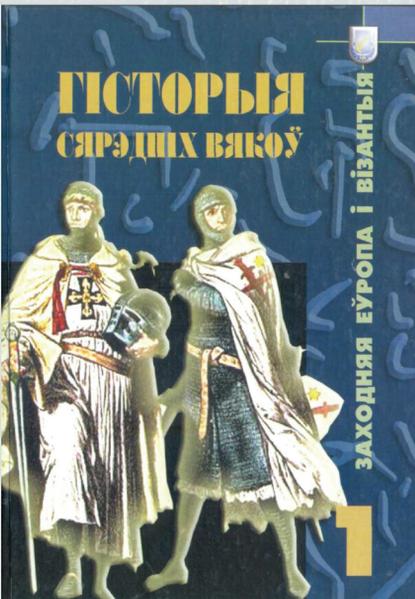
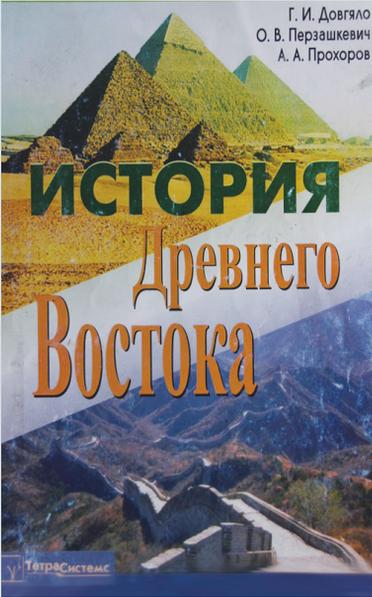

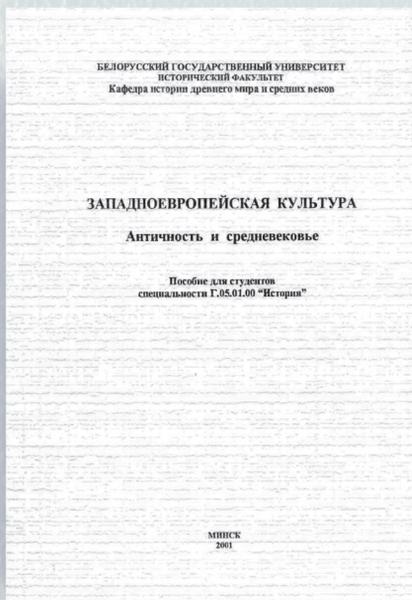
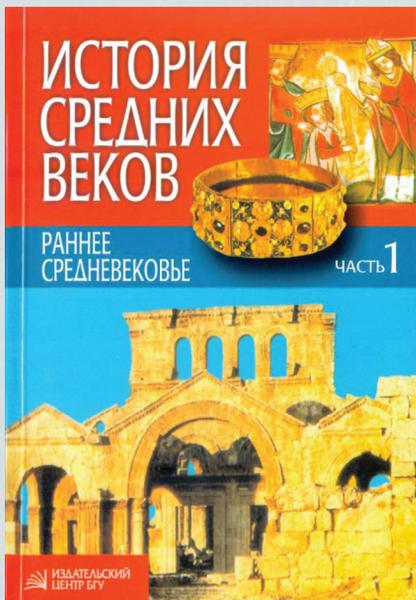
ПРАБЛЕМЫ ГІСТОРЫ СТАРАЖЫТНАГА СВЕТУ І СЯРЭДНІХ ВЯКОЎ

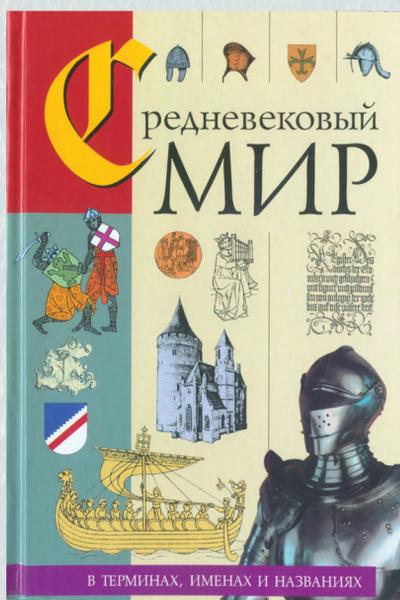
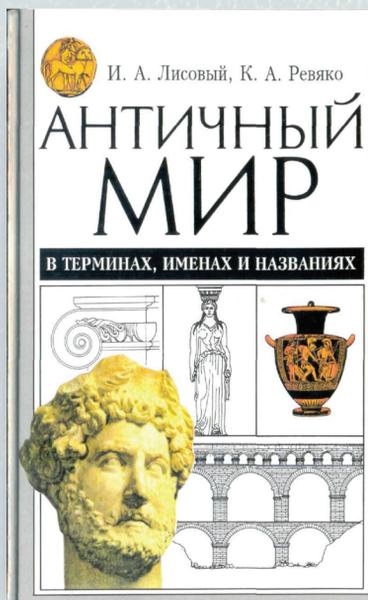
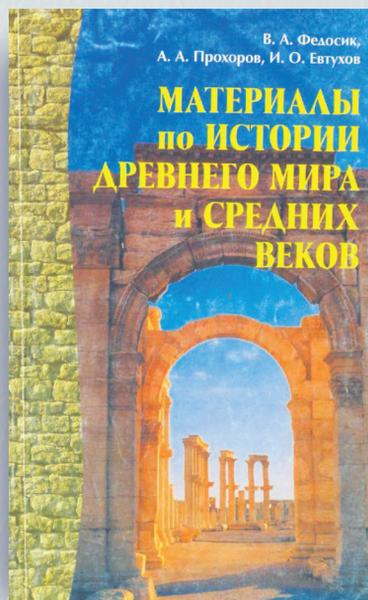
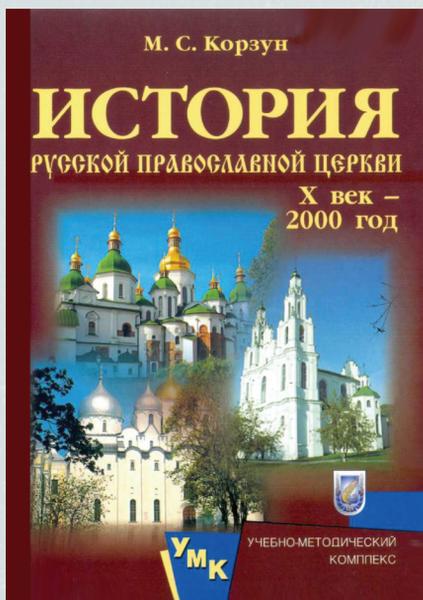
Матэрыялы навуковай рэспубліканскай канферэнцыі
памяці акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцева
15-16 лістапада 1989 г., Мінск

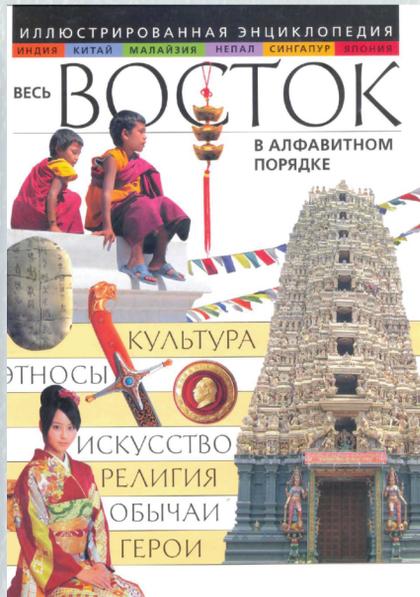
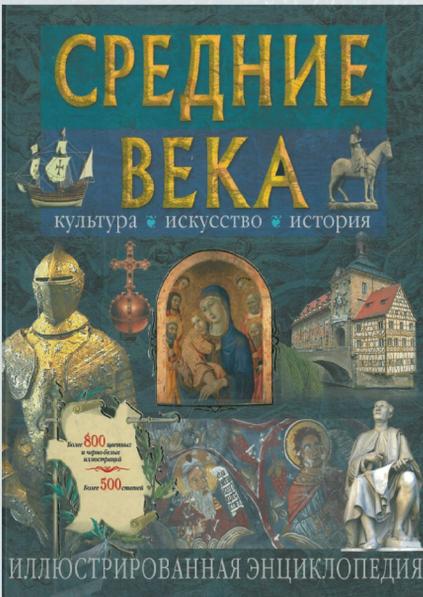
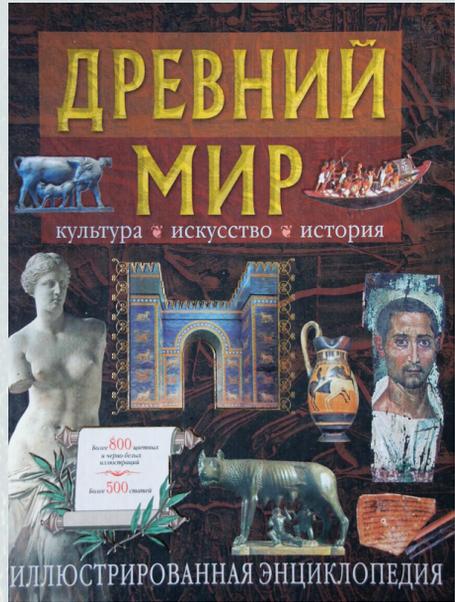
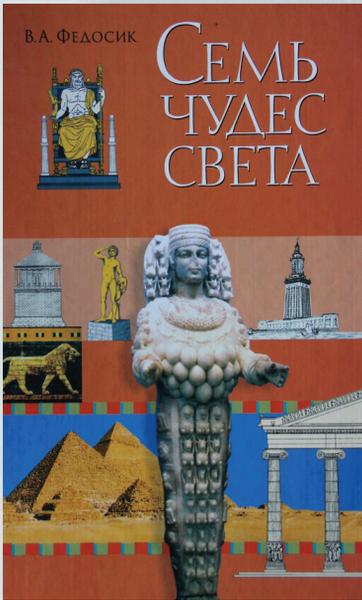

МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКОВ АН БССР
Н. М. НИКОЛЬСКОГО И В. Н. ПЕРЦЕВА
7-9 апреля 2005 г., Минск

☞ 1963 ☞

На кафедру после окончания аспирантуры в Эрмитаже поступили работать Г. И. Довгяло и В. Н. Рябцевич.

☞ 1964 ☞

Кандидатские диссертации защитили Н. А. Гусакова и В. Н. Рябцевич.

☞ 1965 ☞

Состоялась защита докторской диссертации Ф. М. Нечая. Кандидатскую диссертацию защитил Г. И. Довгяло.

☞ 1966 ☞

Ф. М. Нечаю присвоено ученое звание профессора.

☞ 1967 ☞

Н. А. Гусаковой присвоено ученое звание доцента.

☞ 1970 ☞

Г. И. Довгяло присвоено ученое звание доцента.

После окончания исторического факультета на кафедре начала работать О. И. Ханкевич.

Вышел в свет первый сборник научных статей сотрудников кафедры «Вопросы истории древнего мира и средних веков», выпуск которого был инициирован Ф. М. Нечаем.

☞ 1972 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации М. С. Корзуна. К работе на кафедре приступил К. А. Ревяко.

☞ 1973 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации К. А. Ревяко. Доцент В. Н. Рябцевич перешел на кафедру археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин.

С. И. Пильман в возрасте 84 лет вышел на пенсию.

☞ 1974 ☞

На кафедру поступили работать кандидат исторических наук Ю. Е. Ивонин, окончивший аспирантуру ЛГУ, и Р. А. Смольский.

Состоялась защита кандидатской диссертации Н. А. Гончаровой.

Вышел в свет второй сборник научных статей сотрудников кафедры «Вопросы истории древнего мира и средних веков».

☞ 1975 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации Л. П. Сушкевич, приступившей к работе на кафедре.

☞ 1976 ☞

М. С. Корзуну присвоено ученое звание доцента.

☞ 1977 ☞

Ф. М. Нечай покинул пост заведующего кафедрой. Во главе кафедры встал доцент кафедры Новой и Новейшей истории Д. С. Климовский.

Вышел в свет третий сборник научных статей сотрудников кафедры «Вопросы истории древнего мира и средних веков».

☞ 1978 ☞

Установлена должность профессора-консультанта кафедры истории древнего мира и средних веков для вышедшего на пенсию Ф. М. Нечая.

Состоялась защита кандидатской диссертации О. И. Ханкевич.

Из состава кафедры была выведена секция латинского языка. Работавшие там сотрудники перешли на кафедру романских языков.

☞ 1980 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации Р. А. Смольского, ученика Г. М. Лившица.

О. И. Ханкевич присвоено ученое звание доцента.

☞ 1982 ☞

30 июня – скончался заведующий кафедрой профессор Д. С. Климовский.

Доцент О. И. Ханкевич награждена медалью СССР «За трудовое отличие».

☞ 1983 ☞

Кафедру возглавила доцент Н. А. Гусакова, ученица академика В. Н. Перцева.

К работе на кафедре приступил кандидат исторических наук, доцент В. А. Федосик.

Ф. М. Нечай ушел с должности профессора-консультанта, прекратив свою педагогическую деятельность.

На кафедре проведен коллоквиум по вопросам международных отношений в средневековой Европе. Участие приняли ведущие медиевисты СССР: Н. И. Басовская, С. П. Карпов, Ю. Л. Бессмертный, С. П. Чистозвонов.

26 марта — скончался кандидат исторических наук Р. А. Смольский.

27 июня — скончался профессор Г. М. Лившиц.

☞ 1984 ☞

Состоялась защита докторской диссертации Ю. Е. Ивонина.

На кафедру пришла работать профессор В. В. Чепко, ученица В. Н. Перцева.

☞ 1986 ☞

Издан словарь «Термины, понятия и определения по курсу истории средних веков» (авторы-составители: Н. А. Гусакова, Л. П. Сушкевич).

☞ 1987 ☞

Ю. Е. Ивонин покинул кафедру.

☞ 1988 ☞

Заведующим кафедрой был избран доцент В. А. Федосик.

После окончания аспирантуры на кафедру пришла работать Е. Д. Смирнова.

Состоялась защита кандидатской диссертации Е. Д. Смирновой, ученицы Н. А. Гусаковой.

Издан сборник документов «Крестьянские восстания X—XV вв.» (авторы-составители: Н. А. Гусакова, Л. П. Сушкевич).

☞ 1990 ☞

На кафедру поступил работать А. А. Прохоров.
17 декабря – скончался профессор Ф. М. Нечай.

☞ 1991 ☞

Приступил к работе на кафедре И. О. Евтухов.

☞ 1992 ☞

Состоялась защита докторской диссертации В. А. Федосика.
Кандидатскую диссертацию защитил И. О. Евтухов, ученик
В. А. Федосика.

Профессор В. В. Чепко вышла на пенсию, оставив за собой четверть ставки для чтения спецкурса на кафедре.

7 августа – ушла из жизни доцент Н. А. Гусакова.

☞ 1993 ☞

В. А. Федосику присвоено ученое звание профессора.
Е. Д. Смирновой присвоено ученое звание доцента.

☞ 1995 ☞

Состоялась защита кандидатской диссертации А. А. Прохорова,
ученика Г. И. Довгяло.

Проведена первая конференция в честь академиков Н. М. Никольского и В. Н. Перцева «Лістападаўскія сустрэчы».

☞ 1996 ☞

Состоялась защита докторской диссертации М. С. Корзуна.
И. О. Евтухову присвоено ученое звание доцента.

☞ 1997 ☞

К. А. Ревяко присвоено ученое звание профессора.

А. А. Прохорову присвоено ученое звание доцента.

Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-2».

Издан сборник документов «Заходнееўрапейскае грамадства
ранняга сярэднявечча» (авторы-составители: И. О. Евтухов, В. В. Ни-
чипорович, А. А. Прохоров, Е. Д. Смирнова, Л. П. Сушкевич).

☞ 1998 ☞

Выпущен в свет сборник документов «Средневековый город» (авторы-составители: И. О. Евтухов, Е. Д. Смирнова, Л. П. Сушкевич).

☞ 1999 ☞

Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-3».
Издан курс лекций «Гісторыя Старажытнай Грэцыі» М. С. Корзуна.

☞ 2000 ☞

Проведена аспирантская конференция, посвященная 2000-летию христианства.

☞ 2001 ☞

Докторские диссертации защитили К. А. Ревяко и И. О. Евтухов.
Состоялась конференция «Лістападаўскія сустрэчы-4». С этого года конференция обрела статус международной.

Издано учебное пособие «Западноевропейская культура. Античность и средневековье».

Вышел в свет сборник документов «Франкское грамадства ў VI ст.» (авторы-составители: И. О. Евтухов и О. В. Шилай).

☞ 2002 ☞

2 сентября — скончался доцент Г. И. Довгяло.

Издано учебное пособие «История Древнего Востока».

Выпущена в свет первая часть учебного пособия «Гісторыя сярэдных вякоў. Заходняя Еўропа і Візантыя».

☞ 2003 ☞

Профессор В. А. Федосик за цикл научных работ «Человек и социум в античности и средневековье» удостоен Премии БГУ им. В. И. Пичеты.

На кафедру поступили работать кандидат исторических наук О. В. Перзашкевич (ученик Г. И. Довгяло) и Н. В. Кошелева.

Состоялась защита кандидатской диссертации Н. В. Кошелевой.

Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-5».
Издана вторая часть учебного пособия «Гісторыя сярэдніх вякоў.
Заходняя Еўропа і Візантыя».

☞ 2004 ☞

И. О. Евтухову присвоено ученое звание профессора.
18 апреля, через два месяца после столетнего юбилея, умерла
Р. А. Никольская.
3 октября — завершила свой жизненный путь Л. П. Сушкевич.

☞ 2005 ☞

О. В. Перзашкевичу присвоено ученое звание доцента.
Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-6», посвя-
щенная 100-летию со дня рождения профессора Ф. М. Нечая.

☞ 2007 ☞

Состоялась конференция «Лістападаўскія сустрэчы-7».

☞ 2008 ☞

Издано учебное пособие «История средних веков» в трех частях.
М. С. Корзуну присвоено ученое звание профессора.

☞ 2009 ☞

На кафедре начал работать кандидат исторических наук, доцент
О. И. Малюгин (ученик В. А. Федосика).

Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-8», посвя-
щенная 100-летию со дня рождения профессора Г. М. Лившица.

Издано учебно-методическое пособие «История Русской право-
славной церкви. X век — 2000 год» (автор-составитель М. С. Корзун).

Вышли первые четыре выпуска электронного научного журна-
ла «SCRIPTORIUM: гісторыя старажытнага свету і сярэдніх вякоў».

☞ 2010 ☞

Вышли пятый и шестой выпуски электронного научного журна-
ла «SCRIPTORIUM: гісторыя старажытнага свету і сярэдніх вякоў».

☞ 2011 ☞

Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-9».

☞ 2013 ☞

Состоялась конференция «Лістападаўскія сустрэчы-10».

Создана аудиоверсия подготовленного на кафедре учебного пособия «История Древнего Востока».

9 июля — скончался профессор К. А. Ревяко.

☞ 2015 ☞

Опубликована книга «Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания».

Проведена конференция «Лістападаўскія сустрэчы-11», посвященная 80-летию основания и 60-летию объединения кафедры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые два десятилетия развития кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ проходили под определяющим влиянием внешнего по отношению к ней фактора, связанного с дефицитом в Белоруссии ученых высшей квалификации (в том числе и историков). Силы и внимание имеющихся в наличии научных кадров направлялись на решение тех задач, которые признавались наиболее актуальными.

Таким внешним фактором для кафедры истории древнего мира и средних веков была Академия наук БССР, в которой на постоянной основе трудился как Н. М. Никольский (директор Института истории в 1937–1953 гг.), так и В. Н. Перцев (академик-секретарь Отделения общественных наук в 1943–1959 гг.).

Работа в академии велась с полной отдачей сил. Последние три монографии Н. М. Никольского (суммарным объемом 857 страниц): «Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье» (Минск, 1948), «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» (Минск, 1948), «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» (Минск, 1956) – выполнялись в рамках академических программ исследований, а не кафедральных. В. Н. Перцев в 1955 г. написал несколько разделов по белорусской историографии от XI до начала XX в. для первых трех томов монументального московского академического издания «Очерки истории исторической науки в СССР».

Столь значительные постоянные внешние нагрузки на заведующих привели к необходимости расширения возглавляемых ими кафедр. Первым этапом процесса стало приглашение новых сотрудников: к работе приступили вернувшийся в Минск из эвакуации доцент Минского пединститута Г. М. Лившиц (в 1944 г.), приглашенный из Чувашского пединститута доцент Ф. М. Нечай (в 1945 г.), а также кандидат исторических наук Р. А. Никольская, работавшая

до этого в Институте истории АН БССР (в 1949 г.). Пополнялась кафедра и за счет внутренних резервов: на работу была принята аспирант Н. А. Гусакова (в 1957 г.). Вторым этапом расширения стало объединение кафедр, значительно повысившее их научный и учебный потенциал.

В дальнейшем заведующие кафедрой стремились поддерживать ее работу на высоком уровне, вливая нужные силы. Два таких набора провел Ф. М. Нечай: в первой половине 60-х гг. (Г. И. Довгяло и В. Н. Рябцевич, М. С. Корзун) и первой половине 70-х гг. (О. И. Ханкевич, К. А. Ревяко, Р. А. Смольский, Л. П. Сушкевич). Провели свои наборы Н. А. Гусакова в конце 80-х гг. (Е. Д. Смирнова) и В. А. Федосик: в начале 90-х гг. (А. А. Прохоров, И. О. Евтухов) и в 2000-х гг. (О. В. Перзашкевич, Н. В. Кошелева, О. И. Малюгин, А. А. Торканевский).

Кафедра истории древнего мира и средних веков в настоящее время полностью укомплектована своими выпускниками, проходившими на ней подготовку в рамках специализации. В аспирантуре при кафедре проходят подготовку специалисты для других вузов страны.

По своей природе кафедра — это не только структурное подразделение факультета, призванное обеспечить выполнение учебного плана и специализацию студентов. Этим роль и значение кафедры не исчерпываются. Кафедра представляет собой сообщество ученых, объединенных общими целями и задачами и работающих в близких областях.

Причудливо переплетаются научные линии на кафедре истории древнего мира и средних веков.

Изучение Древнего Востока, фундамент которого был заложен академиком Н. М. Никольским, получило новое звучание в исследованиях Г. И. Довгяло, ученика И. М. Дьяконова. Оно сделало осязаемый поворот в сторону индоевропеистики: сам Г. И. Довгяло был хеттологом, его ученик О. В. Перзашкевич стал индологом, исследователем Ригvedы, а ученица О. В. Перзашкевича Анастасия Миксюк в 2014 г. успешно защитила диссертацию по авестийскому обществу, добавив в индоевропеистику краски иранистики. Еще один ученик Г. И. Довгяло, А. А. Прохоров, занимается индоевропеистикой с уклоном в славистику.

Изучение истории Древней Греции через Р. А. Никольскую, ученицу академика Н. М. Никольского, перешло к М. С. Корзуну, писавшего некогда под ее руководством дипломную работу. В то же время сам М. С. Корзун в значительной степени связан с Ленинградской школой античной истории, представленной К. М. Колобовой. М. С. Корзун подготовил кандидата исторических наук С. С. Александровича, защитившего диссертацию по античной по-

лиоркетике (искусство осады городов) и переключившегося затем на славистику. От академика Н. М. Никольского также берет начало традиция изучения на кафедре истории Русской православной церкви, продолжателем которой является М. С. Корзун.

Изучение истории Древнего Рима на кафедре началось еще до войны. Связано оно с защитой Г. М. Лившицем кандидатской диссертации по заговору Катилины. Но в полный голос романистика зазвучала при Ф. М. Нечае, ученике профессора МГУ А. В. Мишулина.

Одно из направлений своих интересов — военную историю Рима — профессор Ф. М. Нечай передал своему ученику, К. А. Ревяко, долгие годы изучавшему Пунические войны. Ученики К. А. Ревяко, кандидаты исторических наук Е. Е. Барсук и А. Г. Зельский, по-разному продолжили эту линию. Первая из них изучала систему оборонительных сооружений античной Британии, второй — Митридатовы войны.

Изучение социальных проблем Древнего Рима вслед за Ф. М. Нечаем продолжила его ученица О. И. Ханкевич. В своих публикациях последнего времени она придала этим проблемам новое звучание, с уклоном в цивилизационный и правовой аспекты. Ученик же Ольги Ивановны А. В. Козленко в своей кандидатской диссертации расширил горизонты кафедральной романистики до римских провинций: он исследовал кельтиберские тессеры гостеприимства.

Наконец, Ф. М. Нечай дал мощный импульс для актуализации направления, связанного с античным христианством. Фундамент этого направления был заложен его учеником В. А. Федосиком, создавшим в результате собственную школу изучения античного христианства, представленную И. О. Евтуховым, Е. Н. Суртой, О. И. Малугиным, Л. В. Харичковой, О. М. Ленцевич, А. А. Торканевским.

Академик В. Н. Перцев положил начало белорусской германистике, и в частности англосаксонистике (см. его анализ отчета Вульфстана о своем путешествии, с. 161—175 настоящего издания). В XXI в. линию В. Н. Перцева, связанную с англосаксонистикой, продолжают исследования И. О. Евтухова, перешедшего после защиты докторской диссертации от античников к медиэвистам.

В силу объективных причин (создание на факультете отдельной кафедры истории южных и западных славян) славистика (богемистика, представленная Н. А. Гусаковой и ее ученицей Е. Д. Смирновой, и полонистика, представленная Л. П. Сушкевич) на кафедре истории древнего мира и средних веков утратила перспективы для дальнейшего развития. С этим моментом совпала эволюция научных интересов Е. Д. Смирновой, которая в настоящее время работает в русле одного из наиболее актуальных направлений медиэвистики — истории повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ

Ботвинник, М. В. Н. Перцев / М. Ботвинник. Минск, 1978. 152 с.

Ботвинник, М. Г. М. Лившиц: Историографический очерк / М. Ботвинник. Минск, 1994. 191 с.

Ботвинник, М. Николай Михайлович Никольский / М. Ботвинник. Минск, 1967. 150 с.

Грынблат, М. Я. Мікалай Міхайлавіч Нікольскі / М. Я. Грынблат // Польшыя. 1947. № 12. С. 127–134.

Гусакова, Н. А. Кафедра истории древнего мира и средних веков / Н. А. Гусакова // Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, 7–9 апр. 2005 г. Минск, 2005. С. 169–174.

Евтухов, И. О. История древней (доорденской) Пруссии в научном наследии В. Н. Перцева / И. О. Евтухов // Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, 7–9 апр. 2005 г. Минск, 2005. С. 174–178.

Евтухов, И. О. Кафедра истории средних веков: (По материалам архивов) / И. О. Евтухов // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2008. Вып. 3. С. 193–198.

Евтухов, И. О. Виктор Анатольевич Федосик / И. О. Евтухов, А. А. Прохоров, С. Н. Ходин // Весн. БДУ. Сер. 3. 2011. № 1. С. 110–111.

Еўтухоў, І. А. Медыявістыка ў БДУ / І. А. Еўтухоў // Лістападаўскія сустрэчы-5 : зб. арт. Мінск, 2005. С. 112–116.

Еўтухоў, І. А. У. М. Перцаў – заснавальнік медыявістыкі ў БДУ / І. А. Еўтухоў // Вытокі гістарычнай навукі БДУ : зб. навук. арт. ; пад рэд. А. А. Яноўскага. Мінск, 2005. С. 27–32.

Еўтухоў, І. А. Лёс навукоўца, шлях грамадзяніна / І. А. Еўтухоў, А. А. Прохараў, С. М. Ходзін // Беларус. гіст. часоп. 2011. № 2 (139). С. 45–48.

Зельскі, А. Г. Жыццё і дзейнасць Мікалая Міхайлавіча Нікольскага (1877–1959) / А. Г. Зельскі // Матэрыялы выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы» у гонар М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (14–15 лістап. 1995 г.). Мінск, 1996. С. 5–11.

Зельскі, А. Г. Нікольская Рахіль Абрамаўна. Біяграфічны нарыс / А. Г. Зельскі // Вытокі гістарычнай навукі БДУ : зб. навук. арт. ; пад рэд. А. А. Яноўскага. Мінск, 2005. С. 25–27.

Иоффе, И. Г. Он был одним из моих учителей / И. Г. Иоффе // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 172–176.

Корзун, М. С. «Крестовый король» белорусской историографии / М. С. Корзун // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 168–172.

Лившиц, М. Г. Воспоминания об отце / М. Г. Лившиц // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 135–159.

Нечай, О. Ф. [Воспоминания] / О. Ф. Нечай // Память и слава: Федор Макарьевич Нечай. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2005. С. 156–169.

Никольская, Р. А. Николай Михайлович Никольский. Воспоминания / Р. А. Никольская // Вытокі гістарычнай навукі БДУ : зб. навук. арт. ; пад рэд. А. А. Яноўскага. Мінск, 2005. С. 16–25.

Перзашкевич, О. В. Геннадий Иосифович Довгяло (1935–2002): к 70-летию со дня рождения / О. В. Перзашкевич, А. А. Прохоров // Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, 7–9 апр. 2005 г. Минск, 2005. С. 182–184.

Рэвяка, К. А. Гонар беларускай раманістыкі: Ф. М. Нячай і Г. М. Ліўшыц / К. А. Рэвяка // Вытокі гістарычнай навукі БДУ : зб. навук. арт. ; пад рэд. А. А. Яноўскага. Мінск, 2005. С. 39–43.

Федосик, В. А. Памяти Людмилы Петровны Сушкевич (Беляевой) / В. А. Федосик, М. С. Козун, К. А. Рэвяка // Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, 7–9 апр. 2005 г. Минск, 2005. С. 185–186.

Федосик, В. А. Талант, труд и скромность / В. А. Федосик // Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В. А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 162–168.

Фядосік, В. А. 100-годдзе прафесара Ф. М. Нячая / В. А. Фядосік // Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, 7–9 апр. 2005 г. Минск, 2005. С. 3–6.

Фядосік, В. А. Навуковая школа М. М. Нікольскага і перспектывы яе развіцця / В. А. Фядосік // Весн. БДУ. Сер. 3. 2011. № 3. С. 7–12.

Ходин, С. Н. В. И. Шевченко – декан исторического факультета БГУ в эвакуации (1943–1944 гг.) / С. Н. Ходин // Российские и славянские исследования : науч. сб. Минск, 2009. Вып. 4. С. 187–190.

СОДЕРЖАНИЕ

УНИКАЛЬНАЯ КАФЕДРА: слово заведующего (В. А. Федосик)	3
---	---

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ КАФЕДРЫ

Кафедра истории древнего мира	19
Н. М. Никольский (1877–1959)	22
В. И. Шевченко (1906–1971)	34
Ф. М. Нечай (1905–1990)	37
Р. А. Никольская (1904–2004)	48
Кафедра истории средних веков	53
В. Н. Перцев (1877–1960)	53
Г. М. Лившиц (1909–1983)	66
Латинисты кафедры	75

ОБЪЕДИНЕННАЯ КАФЕДРА

Научное поколение 1960-х годов	89
В. В. Чепко (1925–2004)	89
Д. С. Климовский (1920–1982)	92
Н. А. Гусакова (1929–1992)	94
Г. И. Довгяло (1935–2002)	98
Научное поколение 1970-х годов	105
М. С. Корзун	105
К. А. Ревяко (1937–2013)	108
Л. П. Сушкевич (1940–2004)	110
О. И. Ханкевич	112
Ю. Е. Ивонин	115
Р. А. Смольский (1947–1983)	118
В. А. Федосик	119

Научное поколение конца XX — начала XXI в.	127
Е. Д. Смирнова	127
И. О. Евтухов	132
А. А. Прохоров	138
О. В. Перзашкевич	140
Н. В. Кошелева	146
А. А. Торканевский	148

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ КАФЕДРЫ

В. Н. Перцев. Пруссия от VI до IX века	155
Г. И. Довгяло. Ветхий Завет в свете хеттских юридических источников (на материале хеттских международных договоров и близких к ним по содержанию внутригосударственных документов)	176

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ КАФЕДРЫ	187
---------------------------------------	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
-------------------------	-----

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ	220
--	-----

Научно-популярное издание

Евтухов Игорь Орестович

**КАФЕДРА ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ БГУ
К 80-летию создания**

Редактор *Г. В. Лозовская*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Художественный редактор *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*
Корректор *М. А. Харчевник*

Подписано в печать 27.07.2015. Формат 60×84/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,55.
Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 150 экз. Заказ 566.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.